

№ 1 (8) 1990

Цена 1 руб. 50 коп.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ISSN 0235-6864

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ДЕТЕКТИВНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА

Кровь у нас одна
и сердца бьются
одинаково, и
«нет...» ни Еллина,
ни Иудея, ни
варвара, Скифа...»,
и мир наш неделим.
И рушатся стены...

Фото
Владимира
ЗАВЬЯЛОВА
и Андрея
СОЛОВЬЕВА

- **ГЕННАДИЙ ЛИСИЧКИН.** Мифы и реальность. Нужен ли перестройке «марксизм-ленинизм»? — стр. 10
- **МИХАИЛ ЗОЛОТОНОСОВ.** Над пропастью во лжи. Национализм — голод по власти — стр. 18
- **ЕЛЕНА БЕЛОЗЕРСКАЯ.** Связной (по материалам КГБ) — стр. 12

I ВОПРОСЫ САМИМ СЕБЕ, НА КОТОРЫЕ НАДО ОТВЕТИТЬ

Чаушеску, сапожник по профессии, «великий гений» по должности, пал в тот же день, когда родился наш сапожник, не меньший гений, Сталин.

Сталину устроили торжественные похороны; многие плакали; ликовали узники ГУЛАГа и миллионы «членов семей врагов народа».

На портреты поверженного Чаушеску плевали все, — за исключением террористов-фанатиков.

Но отчего же за неделю до всенародной румынской революции в стране царил видимый порядок и всеобщее преклонение перед диктатором?

Вернувшись из Бухареста после встречи там Нового года с героями революции, перебирая листки с дневниковыми записями, я о многом раздумываю и спрашиваю себя:

1. Почему только после краха тирана люди начали возмущаться им?

Почему еще совсем недавно, во время съездов и конференций, все выступавшие, — даже когда диктатор и его августейшая подруга отсутствовали, — обязаны были оборачиваться к пустым креслам семьи Чаушеску в президиуме и вдохновенно восклицать: «Благодаря неустанным заботам великого вождя и великой вождини мы стали так счастливы»?

Кто понуждал к этому ораторов? Или — сами старались? От страха? По соображениям карьеры? Гены наработанного рабства? Или?..

2. Почему журналисты славил тирана в каждом номере газет, хотя все шептались о том, что Чаушеску принимает посетителей, окруженный двумя немецкими овчарками, натренированными бросаться на визитера, если тот чуть повысит голос? Почему охранники подобострастно козыряли даже любимому бульдогу румынского нациста, обращаясь к псу почтительно: «товарищ полковник»?

Можно ли было не славить семью Чаушеску? Или нет? Какие формы использовал диктатор для давления на людей, превращавшие их в безправных холопов?

Это необходимо понять для того, чтобы исключить возможность повторения подобного ужаса в будущем.

3. В Бухаресте сейчас ходит анекдот: подхалим-министр телевидения — говорит: «Товарищ Чаушеску, я бы хотел увеличить число часов наших телепрограмм в сутки с трех до четырех». Чаушеску: «Я не могу проводить на телевидении четыре часа, это слишком»... Да, в стране были только трехчасовые передачи (ни минуты больше), из которых два часа уходило на восславление того, что «подарил» стране диктатор: «самая высокая калорийность продуктов, самый большой взлет науки, самую великую гармонию победившего счастья».

Один из первых декретов Фронта национального спасения запретил отпуск (свободной продажи товаров в магазинах не было, полная регламентация — страшнее карточной) продуктов питания, ибо Чаушеску травил народ колбасой (норма — полкило в месяц), которая делалась не из мяса, в основном из отходов целлюлозы. Хлеб — не прожухешь: горох и чечевица...

4. Чаушеску обожал встречаться с трудящимися. «Секуритата» нагоняла проверенных рабочих, пионеров, крестьян, и те, занемев от восторженного страха, благодарили диктатора за его неустанный заботу о благе народа. Таких встреч было тысячи. Но почему же не нашелся хотя бы один, который... Почему?!

5. Чаушеску повсеместно сносил деревенские дома и строил для «счастливых румынских колхозников» агрогорода — трехэтажные бараки (туалет во дворе, воды нет, холод), чтобы все люди страны были подконтрольны и каждый следил друг за другом. Рушился вековой уклад жизни народа, но все газеты и журналы захлебно благодарили мракобеса. Как диктатура смогла добиться этого? Всем мыслящим было очевидно, что тотальное послушание неграмотному «вождю и выдающемуся теоретику марксизма-ленинизма» оборачивается геноцидом против народа, экономической разрухой, пустошью, но — молчание царило в стране... Почему?

6. Во время боев за телевидение наймиты диктатора, пользуясь лабиринтами подземного города, сооруженного для борьбы против народа, прошли через люк в жилой дом советского торговца, поднялись на крышу и начали обстрел революционеров. Возникает вопрос: откуда такое доверие к диктатору, что наш дом ни разу не был

как следует изучен? Ведь такого рода халатность могла обернуться гибелью наших же людей! И они действительно были на волоске от расстрела...

7. Неужели устойчивость режима, его опора на массы определяется лишь количеством портретов диктатора на улицах? Стоимостью принадлежащих ему резиденций и замков, истерикой публичных славословий?

8. Неужели никто из наших экспертов всерьез не анализировал ситуацию, когда такие понятия, как «демократия», «материальная заинтересованность», «новое политическое мышление», «предпринимательство», «рынок», «общеевропейский дом», считались в Бухаресте «контрреволюционными», «изменническими»?

Те, кто требовали перестройку, изгонялись с работы, объявлялись «психами», за ними устанавливалась полицейская слежка, их открепляли от тех гастрономов, где нормировались продукты питания, люди пухли с голоду, были на грани гибели.

Как реагировала общественность, — в том числе и наша, — на эти отчаянно-героические попытки патриотов вести борьбу за спасение Румынии от краха? Или мы не знали об этом?

Увы, знали. Вопрос в другом: на каком этаже власти? Или страх отправлять наверх «негативную информацию» по-прежнему имеет место быть, несмотря на Перестройку? Или существуют разные оценки понятий «негативной» и «позитивной» информации? В таком случае, — «кто судьи»? И каково их истинное отношение к демократии и гласности?

СОВЕРШЕННО ОТКРЫТО-3

Юлиан СЕМЕНОВ,
специальный корреспондент
«Совершенно секретно».

По телефону из Бухареста, январь 1990 года.

(Наши делегации, посещавшие ГДР незадолго перед крахом Хонеккера, убежденно отмечали «надежность» ситуации в стране, исходя из того, что в магазинах очевидно разнообразие продуктов питания. Но ведь не хлебом единым жив человек! Нельзя сбрасывать со счетов такое нематериальное понятие, как Свобода, — слова ли, передвижения, поступка...)

9. Уже много лет в Европе открыто и громко говорили, что Чаушеску не принимал никакого участия в подпольной антинацистской работе и арестован был совершенно по другой статье. Знали об этом в Бухаресте или нет? А мы?

Вся Румыния называет имена тех, кто писал научные трактаты, под которыми ставила свою подпись «академик» Елена Чаушеску.

Неужели мы и об этом не знали?

Первыми декретами румынских революционеров, — они не ждали референдумов, не было времени, — поэтому и стали законы о свободе слова и передаче земли крестьянам. О праве передвижения по стране и миру, о двойном гражданстве. О переводе экономики с рельсов административно-приказной системы на принципы рентабельности и компетентности. О многопартийности и необходимости получения санкций на проведение митингов и демонстраций (демократия не есть анархия!).

Именно эти декреты и стали основой консолидации, хотя уже сейчас очевидно, что ситуация в Бухаресте не будет однозначной и противники реформ не преминут начать атаку на Фронт национального спасения, — как слева, так и справа. Однако основы демократии заложены, а ее, демократию, не отдадут без боя, или уж если и отдадут, так только те, кто хочет жить в нищете, лени и рабстве...

Весной прошлого года во время борьбы за освобождение из тюрьмы Вацлава Гавела (тогда — диссидента, ныне президента Чехословакии) мне приходилось встречаться с рядом пражских руководителей, уговаривая их посмотреть на ситуацию без аппаратно-отчетной зашо-

ренности: «вся страна требует перестройки и демократии, своим неразумным упорством вы сеете ветер, пожнете бурю». Так и случилось. Мои коллеги-писатели и я заняли тогда позицию, исходя из знания обстановки на пражских улицах, а не в кабинетах Градчан. Примат массы всегда за народом, как бы ни был силен аппарат, — это со всей очевидностью подтвердила и румынская революция, путь в которую открыла, в частности, и наша Перестройка.

Никогда еще в Румынии люди не относились к нам с такой открытой (раньше это было подсудно) симпатией, как сейчас. Именно к нам революционеры обратились с просьбой о помощи в критические минуты борьбы. Будем же гордиться этим, будем изо дня в день продолжать Перестройку, а не пугаться ее революционного взмаха...

II ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ...

«Вся западная пресса оказалась привязанной к сообщениям ТАСС.

Отделение советского агентства в Бухаресте подверглось вооруженному нападению сторонников Чаушеску именно потому, что оно распространяло правдивую информацию о ходе событий и боевых действий.

Такое освещение событий оказало значительную помощь румынскому народу в его борьбе...» — сообщила в разгар борьбы против тирана Чаушеску французская газета «Паризьен».

Если считать восстание всего народа против тирании «выдающегося марксиста» Чаушеску и его семьи — «контрреволюцией», инспирированной «империалистическими спецслужбами» (как это утверждают ультраправые радикалы и поныне), тогда становится ясно, кто и почему у нас в стране нападает на Горбачева за то, что «Перестройку хвалят на Западе». Это люди из числа тех, кто мечтает о своем Чаушеску, кто не может жить вне условий мракобесия и нищеты покорных миллионов. К сожалению, эти люди продолжают съезжаться на пленумы ЦК и выставлять свои требования. Следовательно, наша Революционная Перестройка в опасности!

И наше свободное слово, наши журналисты, стоящие на страже завоеваний демократии, обязаны и впредь быть на первой линии борьбы против тех, кто пытается повернуть вспять ход истории.

...Заведующий бюро ТАСС в Румынии Дмитрий Дьяков передает специально для «Совершенно секретно»:

— Двадцатого декабря 1989 года заместитель министра иностранных дел старого режима высказал недовольство советским официальным лицам в Бухаресте по поводу информации, передаваемой корреспондентами ТАСС. А мы сообщили всего лишь о том, что после расстрела в Тимишоаре мирных демонстрантов в столице появились вооруженные автоматами солдаты, но представители властей отказывались сообщить прессе хоть какие-либо подробности по поводу происходящего. Когда первые группы демонстрантов начали выкрикивать лозунги «Долой диктатуру!», мы даже несколько растерялись. Шквал лозунгов нарастал: «Долой Чаушеску!»

Не ослышались ли мы?

Но когда мы, находясь на площади, сами увидели, как растет число людей, открыто выражающих свою ненависть режиму, мы поняли, что наш долг — сообщить миру правду: народ Румынии проснулся! Диктатор еще жил, подписывал свои декреты, но народ высказался однозначно: «Долой Чаушеску и его клику!»

Хочу представить читателям «Совершенно секретно» журналистов ТАСС в Румынии: Дмитрий Дьяков, Николай Морозов, Вадим Малютин. Они, подобно нашим фронтовым репортерам, писали свои материалы под огнем террористов, они были не созерцателями, а участниками. Именно поэтому они и стали лауреатами премии «Детектив и политика», — с вручением наградных медалей и денежного вознаграждения.

доумением всматривающийся в снимающую его телекамеру. Понять растерянность давно ушедшего от реальности диктатора можно: ему казалось, что все выступления народа были предусмотрены. Видимо-таки не удалось выполнить один из параграфов наставления:

«Важным моментом является выработка у сотрудников чувства уважения к трудящимся, дух сотрудничества с военными из подразделений армии».

Читаем дальше:
«У сотрудников вырабатываются бескомпромиссное отно-

уже осужден и расстрелян Чаушеску, уже приступило к своим обязанностям новое правительство Румынии, а деятельность террористов-фанатиков, выплачивающих последний долг за свою предыдущую «красивую» жизнь, продолжается. Наверно, быт засевших сейчас в подземных тоннелях под румынской столицей боевиков был не так уж плох? Книга дает исчерпывающий ответ на этот вопрос.

«Одной из задач партийного и военного руководства органов безопасности является обеспечение сотрудников высококачественным питанием, наилучшими материальными и бытовыми условиями, которые должны обеспечить успешное выполнение стоящих перед ними задач».

Добавлю, что месячный заработок простого филера, обязанности и статус которого не требуют особой квалификации, со-

РУМЫНИЯ. РЕВОЛЮЦИЯ. ПРОБЛЕМЫ...

О СПЕЦСЛУЖБЕ «СЕКУРИТАТА»

Революция румынского народа, переступившего через тень Дракулы — своего мрачного средневекового соотечественника, — началась. Ночью 22 декабря здесь шел тяжелый бой между сотрудниками «секуритаты» — румынской службы безопасности и перешедшими на сторону восставших армейскими подразделениями.

В ходе перестрелки на Дворцовой площади загорелась Центральная библиотека Румынии, доступ в которую в «эпоху Чау-

шеску» был ограничен специальным постановлением. На следующий день мне удалось побывать в еще дымящейся, полностью выгоревшей изнутри коробке библиотеки. Под ногами среди гор золы и пепла попадались сохранившиеся переплеты книг. Одна из них привлекла мое внимание, блеснув золотым тиснением грифа «служебная тайна». Протерев обложку и прочитав заглавие, я понял, что в мои руки попало пособие по организации деятельности румынских служб безопасности. Какие же рекомендации содержатся в этом пособии?

«Сотрудники органов госу-

дарственной безопасности в рамках своих партийных организаций и организаций Союза Коммунистической молодежи воспитываются в духе преданной любви к родине, партии и народу, Президенту Социалистической Республики Румынии, Верховному Командующему Вооруженными Силами».

Читаю эти строчки, а перед глазами — уже арестованный повстанцами Чаушеску, с не-

шением и ненавистью по отношению к врагам родины и румынского народа, социализма и мира. У них воспитываются высокие морально-политические и бойцовские качества, готовность выполнить до конца свою миссию, ценой жизни сохранить государственные и военные секреты Румынии. В случаях каких-либо нарушений сотрудниками их профессионального долга они, прежде всего, должны быть осуждены коллективом подразделения, мнение которого формируется партийными организациями».

ставлял до 9000 лей при среднем заработке в стране 2700. Пользовались «секуристы» и многими другими привилегиями — распределители, внеочередное предоставление жилья, просто потрясение по поводу и без повода «ксивой», наводившей ужас на «мирное население».

<p>REPUBLICA SOCIALISTA ROMANIA MINISTERUL DE INTERNE COMANDAMENTUL TRUPELOR DE SECURITATE</p> <p>SECRET DE SERVICIU Exemplar nr. 5594</p> <p>REGULAMENTUL TRUPELOR DE SECURITATE</p> <p>PARTEA I (Companie, pluton, grupă)</p>

Найденный на пожарище кодекс комментирует и эту сторону жизни:

«В рядах сотрудников госбезопасности строго выполняются нормы коммунистической жизни, этического социалистического поведения на службе и вне ее».

Действительно, этические нормы жизни «нового человека», о создании которого так много и занимательно писали румынские газеты в течение 25 лет «золотой эпохи», достигли в Румынии своего совершенства. Главным примером образа жизни на социалистическом корабле стала жизнь самого капитана. Ее основные атрибуты — многомиллионные счета в зарубежных банках, белокаменные палаты на взморье и в горах, где даже водопроводные краны и ручка известного сантехнического прибора сделаны из золота. И это в стране, где золотые изделия многие годы не продавались населению, как таковые, а жилищный вопрос также далеко не решен.

Теперь несколько слов об «охране образовательных учреждений» и последователях Павлика Морозова. Феномен этого литературного героя — хорошо нам известный — получил свое развитие и в румынской модели социалистического общества. «Стучачество» и тотальная слежка в молодежной среде, которая, как показали последние румынские события, является наиболее подверженной некоторым «негативным тенденциям», ужасающе расцвели в Румынии. Скажу для примера, что в каждой (!) студенческой учебной группе работали два-три осведомителя, которых боялись как огня не только сокурсники, но и преподаватели. Однако меня одолевают эмоции, пусть говорит беспристрастный свидетель:

«Органы государственной безопасности поддерживают тесный контакт с молодежными и студенческими организациями, берут над ними шефство. Они участвуют в организации пионерских кружков «Друзья органов безопасности», ведут с молодежью систематическую политико-воспитательную работу, привлекают юношей и девушек к выполнению некоторых заданий. Воспитание молодежи ведется в духе беззаветной преданности делу Румынской коммунистической партии и ее руководителей».

Круг замкнулся. Неразборчивость в средствах, которые использовали в борьбе с восставшим народом боевики из охраны Чаушеску, просто трудно поддается описанию. Здесь — и взрывные устройства, подложенные в здания телевидения и других общественных учреждений, и попытка отравить питьевую воду в городах, и использование иностранных наемников, и расстрел безоружных людей с детьми на руках, и тайные братские могилы с убитыми демонстрантами. Все эти преступления против собственного народа укладываются в один-единственный абзац найденной мною книги:

«Основные задачи, стоящие перед органами государственной безопасности в случаях особого положения, — постоянно вести боевые действия с использованием всех известных средств и методов... контролировать ситуацию во всех сферах общественной жизни».

Без комментариев.

Вадим МАЛЮТИН,
корр. ТАСС — специально
для «Совершенно секретно»

ХРОНИКА БИТВЫ

репортажи корреспондентов
ТАСС Дмитрия Дьякова,
Николая Морозова, Вадима
Малюткина

БУХАРЕСТ, 20 декабря (ТАСС). Только что по румынскому радио и телевидению с обращением к румынскому народу в связи с событиями в Тимишоаре выступил Генеральный секретарь РКП, Президент СРР Н. Чаушеску.

16 и 17 декабря, заявил он, несколько групп хулиганствующих элементов, чтобы воспрепятствовать выполнению законного судебного решения, организовали в Тимишоаре ряд манифестаций и инцидентов, осуществив нападение на государственные учреждения, разрушив и ограбив ряд зданий и магазинов. 17 декабря они усилили свою деятельность, направленную против государственных и партийных учреждений, в том числе частей воору-

женных сил. Несмотря на настоятельные усилия, прилагаемые партийными и государственными органами в течение двух дней, эти группы продолжали и усилили свою разрушительную деятельность.

Вечером 17 декабря подвергшиеся нападению воинские части ответили предупредительным огнем против нападавших. Поскольку действия антинациональных террористических групп продолжались, согласно Конституции и в соответствии с законами страны, воинские части были вынуждены защищаться, защищать порядок и достоинство всего города, по сути, защищать порядок во всей стране.

Исходя из данных, которые имеются на сегодняшний день, можно со всей уверенностью утверждать, подчеркнул румынский руководитель, что эти террористические действия были организованы и начаты при поддержке империалистических, реакционных, шовинистских кругов и шпионских служб из различных зарубежных стран...

Для сведения редакции: выступление Н. Чаушеску длилось около 20 минут. В течение ночи мы его расшифруем с магнитофонной записи и передадим в редакцию полный текст.

БУХАРЕСТ, 21 декабря (ТАСС). С раннего утра мимо ворот отделения ТАСС, а также по всем прилегающим к центральной части румынской столицы улицам идут люди. С грузовиков им раздаются портреты и транспаранты, и дальше они следуют к площади Республики. Там, как сказал корреспонденту ТАСС один молодой человек, состоится митинг в поддержку политического курса партии и осуждения хулиганствующих лиц, вызвавших беспорядки в городе Тимишоаре.

Сегодня все румынские газеты наряду с президентским указом о введении особого положения в уезде Тимиш опубликовали репортажи с митингов и собраний, чьи участники, почти одновременно с выступлением руководителя страны по телевидению, осудили инициаторов и участников беспорядков в Тимишоаре.

Такие же митинги и собрания, как стало известно, будут проходить во всех уездах страны.

БУХАРЕСТ, 21 декабря (ТАСС). В городе продолжает сохраняться напряженная обстановка. Большое количество грузовиков с воинами, пожарных машин стягивается в центральную часть города.

Подходы к площади Республики перекрыли подразделения армии СРР. Милиция сделала попытку разогнать демонстрантов, но допустить в их ряды новых людей, однако это им не удалось...

«Мы должны, наконец говорить правду», «и нам нужно стать в одном ряду с другими социалистическими странами», «эти ребята хотят реформ, которые и нам необходимы». Этими словами многие реагируют на происходящее вокруг.

Напряженность в городе нарастает.

БУХАРЕСТ, 21 декабря (ТАСС). Как уже передавали утром, тысячи людей собирались на митинг. Неожиданно затем они стали сдавать плакаты и лозунги и расходиться. Однако через некоторое время людей стали собирать в другой части города — на площади

Унири, откуда уже организованными колоннами они стали продвигаться к площади Республики. В 12 часов начался на этой площади митинг. После нескольких выступлений рабочих, осудивших хулиганские вылазки, имевшие место в городе Тимишоаре, выступил Генеральный секретарь РКП Н. Чаушеску, еще раз подчеркнул, что беспорядки в этом городе были инспирированы...

Одновременно на центральной магистрали Бухареста Магери, примыкающей к площади Республики, скопилось большое количество людей, в основном молодежь. Только что в корпункт позвонил корреспондент ТАСС с этой улицы: группа этих людей стала выкрикивать антипартийные и антиправительственные лозунги. Раздавались взрывы гранат со слезоточивым газом. Милиция и силы безопасности стали разгонять толпу. Большая группа людей, окруженная милицией, продолжает выкрикивать антипартийные лозунги...

Многие центральные части города оцеплены.

Машины «скорой помощи», а также специальные милициские машины окружили место в этой части улицы Магери.

Через окна отделения ТАСС слышны мощные взрывы, крики людей.

БУХАРЕСТ, 21 декабря (ТАСС). По центральной улице румынской столицы вслед за шеренгой автоматчиков, теснящих демонстрантов, движутся танки. По городу раздаются автоматные очереди. Слышны мощные взрывы. Люди в панике прячутся в подъездах и дворах.

21 декабря пополудни события сосредоточились в центре столицы в периметре университета. Университетская площадь стала местом импровизированных митингов. На возвышении сменяют друг друга ораторы, подавляющее большинство которых — молодые люди. Звучат призывы к всеобщей забастовке, к созданию демократического правительства, проведению свободных выборов.

Над площадью стоит непрерывный рев, периодически низко над толпой кружат вертолеты; когда они появляются, толпа угрожающе кричит в их направлении. Все выходящие на площадь улицы блокированы шеренгами милиционеров и солдат частей специального назначения в касках и комбинезонах.

Стоят танки с заведенными моторами в клубах дыма.

У всех солдат и милиционеров полный боекомплект. Перед солдатами также толпятся группы молодежи, которые кричат «Армия с нами!», «Без насилия!». Как только стемнело, многие зажгли свернутые бумажные факелы. На площади зажглись и фонари.

На большой скорости в толпу въехал танк и сбил несколько человек. Танк затормозил, к нему бросились люди из толпы — вытаскивать пострадавших. Из шеренги солдат прозвучали выстрелы.

У многих в руках появились зажженные свечи — как на Пасху.

БУХАРЕСТ, 22 декабря (ТАСС). Только что в отделение ТАСС позвонили из штаба революции и просили передать в Москву, что они находятся в критической ситуации (время 22.03.50).

БУХАРЕСТ, 22 декабря (ТАСС). В 17.05 по румынскому радио было передано сообщение о том, что по Питештскому шоссе и улице Нуферилор в направлении радиокомитета и телевидения направляются колонны бронированных машин... Был многократно оглашен призыв к народу выступить на защиту этих жизненно важных для новой власти центров. В это время телевидение прекратило передачи. Несколько минутами позже по радио сообщали, что на площади Республики в установленные микрофоны выкрикиваются слова о том, что все передававшееся по румынскому телевидению и радио в последние часы было лишь провокационным сценарием. Дикторы призвали население не верить этим высказываниям. Они также обратились к вооруженным силам, которые перешли на сторону демонстрантов, с тем чтобы они выдвигались на площадь по улице Нуферилор. Сюда же со всего города подтягиваются бетонномешательные машины, разливают бетон на пути приближающихся танков.

БУХАРЕСТ, 22 декабря (ТАСС). В центре румынской столицы, на университетской площади, продолжается противостояние демонстрантов и сил охраны порядка. Ряды протестующих непрерывно пополняются за счет подходящих с периферии людей. Власть, в свою очередь, стягивают к площади пожарные машины и военную технику. Около 23 часов по местному времени представитель вооруженных сил обратился к манифестантам через мегафон, пытаясь убедить их разойтись, однако успеха не имел. Через несколько минут поверх толпы был открыт огонь снарядами со слезоточивым газом, и вся площадь заполнилась густым и удушливым дымом. Часть демонстрантов оттянулась в прилегающие улочки, однако сразу после того, как газ немного рассеялся, площадь вновь заполнилась людьми. В ответ демонстранты начали скандировать: «Не уйдем!» В настоящее время пожарные машины пытаются погасить горящие грузовики, продолжают массированные залпы из пушек со слезоточивым газом...

БУХАРЕСТ, 22 декабря (ТАСС). Как сообщалось ранее, демонстранты, овладевшие танками, под общее ликование толпы направляют боевые машины к Дворцовой площади, где находится здание Центрального Комитета партии.

За рычагами танков сидят улыбающиеся солдаты.

Находящаяся в непосредственной близости к ЦК РКП улица Онешть, блокированная танками и подразделениями сил охраны порядка, также осаждена толпами демонстрантов, которые размахивают национальными флагами и белыми платками, скандируют «Долой оружие!», «Долой диктатуру!», «Свободу народу!».

На улицах можно видеть длинные очереди у хлебных магазинов.

В 11 часов по местному времени по румынскому радио и телевидению был передан текст декрета Президента СРР, согласно которому на всей территории страны вводится особое положение.

Объявлена тревога во всех частях армии, министерства внутренних дел и патриотических гвардий.

Запрещаются любые публичные собрания, а также передвижение группами более пяти человек.

БУХАРЕСТ, 22 декабря (ТАСС). По телефону с Дворцовой площади корреспонденты ТАСС передают:

На том балконе здания Центрального Комитета РКП, с которого вчера выступал Н. Чаушеску, сейчас сменяют друг друга ораторы из числа демонстрантов. Демонстранты видны также в окнах здания, ими забит весь балкон, они размахивают трехцветными флагами на крыше. У центрального входа стоят танки и бронетранспортеры, на которых сидят сотни манифестантов с теми же лозунгами, транспарантами и флагами. По всей площади установлены мощные громкоговорители. Только что объявлено, что здесь состоится политическая манифестация. Однако неясно, кто сделал это объявление.

Поступают сведения, что волнения происходят также в других румынских городах — Брашове, Яссах, Араде, Тимишоаре.

БУХАРЕСТ, 22 декабря (ТАСС). В настоящее время демонстранты, занявшие студию румынского радио и телевидения, обращаются к народу: «Братья румыны, — произнес взволнованный голос, — мы пришли сюда, чтобы сообщить вам, что диктатор пал. Страна наконец избавилась от тех, кто грабил ее на протяжении многих лет».

Выступавшие призывали демонстрантов соблюдать порядок, избегать актов насилия. Теперь мы будем мирно жить и работать на благо всего нашего народа.

Выступивший сотрудник газеты «Скынтейи» сказал, что завтра впервые за 40 лет народ будет читать правдивую газету.

Диктор Центрального радио сказал, что сегодня он впервые говорит то, что думает.

Трансляция радио и телевидения продолжается.

БУХАРЕСТ, 22 декабря (ТАСС). Демонстранты, занявшие студию румынского радио и телевидения, заявили, что Н. Чаушеску «исчез в неизвестном направлении».

Перед собравшимися выступил известный поэт Мирча Динеску, подвергавший последние годы преследованиям за свои смелые и свободолюбивые произведения и борьбу за политические реформы в стране.

Люди ликуют, со всех сторон раздаются автомобильные сигналы, с улиц и площадей исчезли армейские кордоны. Город в значительной степени находится под контролем народных масс.

БУХАРЕСТ, 23 декабря (ТАСС). Мощные взрывы сотрясают город, дребезжат стекла в домах.

Сообщается, что антиповстанческие силы упорно пытаются пробиться к жизненно важным центрам Бухареста — радио, телевидению, телефонным станциям. По оценке Совета Фронта национального спасения, в ряде мест ситуация стала критической. Повстанцы обращаются с призывами к населению поддержать войска, ведущие оборонительные бои.

БУХАРЕСТ, 23 декабря (ТАСС). В эти предрассветные часы в румынской столице продолжает проливаться кровь. Новый вал жутких автоматных очередей и взрывов наверняка

заставляет содрогаться каждого. Народной революции меньше суток. Эта ночь была ее первым испытанием на прочность. И это испытание она прошла.

Всю ночь работает Свободное румынское телевидение. В эти минуты перед народом выступил член Совета Фронта национального спасения Ион Илиеску.

Пока писались эти строчки, телеэкран погас, причина нам пока неизвестна.

Напряжение у людей на пределе.

* * *

БУХАРЕСТ, 23 декабря (ТАСС). Упорные бои идут на Дворцовой площади, в некоторых районах, прилегающих к румынскому радио и телевидению — главному штабу Совета Фронта национального спасения.

Бухарестцы, особенно студенты, оказывают активную помощь войскам и патриотической гвардии — приносят в места боев продовольствие, медикаменты, сооружают ограждения.

Пострадавших среди сотрудников сопосольства, а также других советских организаций в Румынии на этот час нет.

* * *

БУХАРЕСТ, 23 декабря (ТАСС). Весь центр города загроможден населением, которое наблюдает за солдатами, обыскивающими дома в поисках бандитов. Постоянно то там, то здесь звучат выстрелы. На улицах люди с повязками цветов национального флага останавливают машины и вежливо просят водителей показать содержимое багажника и капота.

В настоящее время периметр боевых действий расширяется, они принимают все более интенсивный характер. Как утверждают, наступающая ночь в Бухаресте обещает быть чрезвычайно напряженной...

Для сведения редакции: **МЫ ПОКИДАЕМ ОТДЕЛЕНИЕ, НАС МОЖНО БУДЕТ НАЙТИ В ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ ПО ТЕЛЕФОНУ... ПРОШУ ПРОСТИТЬ ЗА ПОСПЕШНЫЙ ОТЧЕТ, МЫ СРОЧНО УЕЗЖАЕМ ИЗ ОТДЕЛЕНИЯ НА УЛИЦУ.**

* * *

БУХАРЕСТ, 23 декабря (ТАСС). Около 22 часов по местному времени корреспонденты ТАСС возвратились в отделение, чтобы рассказать об обстановке в румынской столице на этот час.

По радио и телевидению выступил представитель Совета Фронта национального спасения И. Илиеску, который сообщил, что арестована диктаторская семья — Николае и Елена Чаушеску, а также Нику и Илие Чаушеску, ближайшие помощники И. Динкэ, Т. Постелнику, З. Бобу и другие. Они будут преданы справедливому народному суду. Он же информировал о том, что в этот день Совет занимался военными вопросами борьбы с многочисленными, хорошо обученными вооруженными группами террористов.

В городе продолжается ожесточенная перестрелка. К настоящему моменту стало ясно, что наиболее опасными местами в городе являются так называемые «трассы Чаушеску», по которым, как правило, передвигался кортеж бывшего президента. В учреждениях, гостиницах, жилых домах, расположенных вдоль этих трасс, как рассказывали несущие на улицах дежурства представители патриотических сил, оборудованы

специальные помещения, в которых сидели в засаде вооруженные «секуристы». По всем подобным трассам также распределялись квартиры между работниками охраны, преданными клану Чаушеску.

По одной из таких трасс только что прошли корреспонденты ТАСС. Мы видели, как люди, пригибаясь к земле, стремительно перебежали бульвар, а за их спинами из темных окон короткими очередями велся огонь.

— В каждом из многочисленных темных окон может скрываться террорист, невозможно определить, откуда ведется огонь, — говорила нам молодая женщина, задыхающаяся от быстрого бега.

Бандиты намеренно используют тактику страха. В течение нескольких минут продолжался интенсивный обмен выстрелами между засевшими в отеле «Лидо» сторонниками прежнего режима и находящимися напротив, в гостинице «Амбасадор», воинами румынской армии. Пули практически непрерывно свистят в воздухе на этой «трассе Чаушеску»...

* * *

БУХАРЕСТ, 23 декабря (ТАСС). Свободное румынское телевидение передало сообщение о формировании Совета Фронта национального спасения, которое зачитал И. Илиеску.

— Дорогие сограждане, — сказал он. — Мы переживаем исторический момент — клан Чаушеску, который привел страну к катастрофе, устранен от власти.

Открывается новая страница политической и экономической жизни Румынии...

КОНЕЦ «СТАЛИНИСТА»

Когда я попытался обратиться с вопросами к армейскому офицеру, ко мне немедленно подошли два вооруженных автоматами милиционера и доставили к невесомому плотному мужчине в штатском с твердым голосом и властным взглядом.

Представившись, я попросил охарактеризовать происходящее.

— Вы видите поколение, которое воспитано на видео, — вот, пожалуйста... То, что у вас происходит в Москве, теперь вы можете видеть и здесь, у нас.

— Я слышал выстрелы. Кто это стрелял? Есть ли жертвы?

— Жертв нет. Нет ни одной жертвы.

— Но я видел, как выносили раненых, видел машины «скорой помощи»!

— Это были люди, которые не успели пообедать, перевозбуждены и упали в обморок.

— Кто вы такой?

— Я обыкновенный представитель трудящихся, который помогает сохранить здесь порядок...

Над головой грохочут оглушительные залпы, темное небо прорезают трассирующие пули, площадь заполнена густым удушливым дымом. Около полуночи подразделения солдат и милиции начали отселять окружавших площадь людей в боковые улочки, изолируя на площади наиболее активных и упорных демонстрантов. Сквозь цепь солдат на застланной облаком дыма площади можно увидеть горящий на площади танк. Продвигающиеся вперед солдаты частей специального назначения в белых касках угрожающе прижавшись

к стенам проходим автоматами, избивают замешкавшихся людей, сами громят витрины магазинов.

Утром на открытом только для пешеходного движения бульваре Магери, залитом водой и черной краской, непрерывно работали мощные машины, на обочинах валялись пустые банки из-под краски. Вдоль бульвара стояли шеренги милиционеров, которые немедленно задерживали и уводили всех остановившихся прохожих. Сейчас на витринах расположенных на бульваре магазинов можно увидеть надписи: «Здесь убивали людей», «Здесь умерли дети», «Я выполз из-под трупов!». Мой знакомый, окна квартиры которого выходят непосредственно на бульвар, на протяжении всей ночи не сомкнул глаз и рассказывал, что после того, как силы «спецназа» освободились от свидетелей, колонна танков смяла оставшихся на площади демонстрантов, а переодетые в военную форму агенты охраны расстреливали их в упор...

Утром следующего дня правительственное радио и телевидение сообщили об убийстве министра обороны, отказавшегося выполнить приказ диктатора о расстреле безоружной толпы, армия перешла на сторону народа. В ответ на это демонстранты буквально взяли штурмом окружившие их танки и с их помощью заняли здание бывшего ЦК, а также студии радио и телевидения.

С наступлением темноты обстановка в городе резко осложнилась, зазвучали первые выстрелы. Стало известно, что через секретные подземные туннели штурмовики «спецназа» проникли в ЦК с намерением ликвидировать собравшийся на первое заседание Совет Фронта национального спасения. Один из лидеров Фронта — Казимир Попеску позднее рассказывал, что уже на третий день осады находившиеся в ЦК повстанцы продолжали в различных местах здания находить трупы своих соратников, убитых вероломно, из-за угла. Применяв военную хитрость, революционеры обнаружили среди членов Совета вооруженных и снабженных современными средствами связи террористов, проникших в ряды Фронта, которые при первом же удобном случае расправлялись с революционерами.

Как рассказывают многочисленные румынские военачальники, на протяжении долгих лет Чаушеску намеренно ослаблял армию, которая использовалась преимущественно на строительных и сельскохозяйственных работах, сокращал средства, выделяемые на ее бюджет и оснащение. Все ключевые пункты армейского аппарата контролировались службой государственной безопасности.

По румынскому радио звучали обращения генералов службы государственной безопасности: неверно, что все войска безопасности поддерживают действия предателей. Сопrotивление народу оказывают лишь разрозненные, озлобленные группы фанатиков-террористов, которые остались верными клану Чаушеску. В выступлении председателя Совета Фронта национального спасения Илиеску по Свободному румынскому телевидению было сказано, что на территории страны действуют немногочисленные группы профессиональных террористов-наемников, которые хладнокровно стреляют не только в солдат и ополченцев, но и в гражданское население. Утверждалось, что это либо

купленные диктатором для личной охраны международные бандиты, либо с детских лет воспитанные в духе личной преданности Чаушеску головорезы с полностью «промытыми мозгами».

Неоднократно призывавший с различных трибун бороться с международным терроризмом, Чаушеску, по сути, опирался на созданную им самим секретную службу безопасности, ее фанатичных сотрудников — «секуристов». Многие из них, уже плененные румынской армией, требовали представить им доказательства гибели диктаторской четы, в противном случае отказывались сложить оружие...

Корреспондент ТАСС Николай МОРОЗОВ, специально для «Совершенно секретно»

НОВЫЕ ЗАКОНЫ

БУХАРЕСТ, 27 декабря (ТАСС). Сегодня в печати опубликовано сообщение о решении Совета Фронта национального спасения, в котором говорится: «Учитывая, что и после осуждения и казни диктаторов Николае и Елены Чаушеску продолжают террористические действия изолированных элементов, в результате которых терпят человеческие жизни, наносятся материальные разрушения, Совет Фронта национального спасения постановляет:

1. В столице и во всех уездах страны учредить чрезвычайные военные трибуналы, в которых будут рассматриваться все дела о террористических акциях.
2. Суд будет проходить в срочном порядке, приговор будет приводиться в исполнение немедленно.
3. Террористические элементы, которые до четверга, 28 декабря, 17 часов, не сдадут оружие и боеприпасы, будут осуждены и приговорены этими чрезвычайными военными трибуналами в срочном порядке...

ДЕКРЕТ-ЗАКОН СОВЕТА ФРОНТА НАЦИОНАЛЬНОГО СПАСЕНИЯ

БУХАРЕСТ, 29 декабря (ТАСС). В сегодняшней печати опубликован декрет-закон о создании, организации и функционировании Совета Фронта национального спасения и территориальных советов Фронта национального спасения.

Фронт национального спасения был образован и представляет объединение всех патриотических и демократических сил страны в целях свержения диктаторского клана Чаушеску, в целях концентрации устремлений самых широких масс людей страны к свободной и достойной жизни.

В целях установления демократии и свободы, утверждения достоинства румынского народа создан Совет Фронта национального спасения как высший орган государственной власти.

Совет Фронта национального спасения объединяет представителей всех патриотических сил страны, всех социальных категорий и всех национальностей.

Для построения действительно демократического общества в нашей стране и для обеспечения и защиты фундаментальных прав человека и гражданина программа Совета Фронта национального спасения предусматривает:

— отказ от руководящей роли единственной партии и установление демократической плюралистической системы правления;

— организация свободных выборов в апреле 1990 года;

— разделение законодательной, исполнительной и судебной власти в государстве и избрание всех политических руководителей на один или максимум два срока;

— перестройка всей национальной экономики на основе критериев рентабельности и эффективности. Устранение административно-бюрократического методов централизованного управления хозяйством, продвижение свободной инициативы и компетентности в управлении всеми секторами экономики;

— перестройка сельского хозяйства и поддержка мелких крестьянских хозяйств. Прекращение уничтожения сел;

— свобода печати, радио и телевидения, переход их в руки народа;

— уважение прав и свобод национальных меньшинств и обеспечение их полного равноправия с румынами;

— свобода культов, гарантия свободного изъяснения религиозных верований...

Румыния будет уважать все свои международные обязательства, и в первую очередь вытекающие из Варшавского Договора и Хельсинкских соглашений.

Для выполнения программы и достижения целей Совет ФНС постановляет:

Название страны — Румыния. Форма правления — республика...

ДЕКРЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЙ

БУХАРЕСТ, 31 декабря (ТАСС). Декрет-закон о регистрации и деятельности политических партий и общественных организаций принял сегодня Совет Фронта национального спасения Румынии. Согласно этому закону, в стране вводится свобода создания политических партий, за исключением фашистских партий или партий, которые пропагандируют концепции, противоречащие государственному и правовому порядку в Румынии.

Цели политических партий и общественных организаций, указывается в документе, должны основываться на уважении суверенитета, независимости и территориальной целостности, демократии в целях обеспечения прав и свобод всех граждан румынской нации.

Законом предусмотрено, что кадровые военнослужащие, гражданский персонал министерства национальной обороны и министерства внутренних дел, судьи, прокуроры, дипломаты, а также работники Свободного румынского телевидения не могут быть членами политических партий.

В 1990 ГОД РУМЫНИЯ ВСТУПИЛА С ВЕЛИКОЙ НАДЕЖДОЙ!

Ота ФИЛИП

Многие годы известный чешский драматург и эссеист Вацлав Гавел мужественно и последовательно участвовал в духовной и интеллектуальной оппозиции правительству своей родины, отстаивая идеи свободы, гражданских прав и мира в Европе.

Гавел был одним из инициаторов Движения правозащитников «Хартия 77» и одним из первых выступил от его имени. Не раз затем выпало на его долю доказывать, что и ценою собственной свободы он готов постоять за свои убеждения.

Голос Гавела даже во времена его длительного заключения был слышен далеко за пределами Чехословакии.

В феврале минувшего года в Праге на пятой сессии Исполкома МАДПР Московская штаб-квартира ассоциации, ее президент Юлиан Семенов выступили в защиту Гавела, за его немедленное освобождение. В итоге продолжительной дискуссии большинством голосов Исполком принял резолюцию — просить президента ЧССР использовать свое право и, в духе Хельсинкских и Венских соглашений, освободить писателя, пострадавшего за политические убеждения. Вполне вероятно, что в последовавшем вскоре вызволении из тюрьмы Вацлава Гавела — самоотверженного борца за права и достоинство человека, нынешнего президента Чехословакии — сыграли свою роль и усилия нашей

Международной ассоциации. Во втором выпуске журнала «Детектив и политика» поместил информацию о решении участников пражского заседания, а в сентябре того же, 1989 года бюллетень «Совершенно секретно» сообщил о состоявшемся освобождении Гавела и напечатал отрывки из интервью, данного им корреспонденту лондонского «Обсервер» Марку Фрэнкленду. Сейчас предлагаем вам сокращенный вариант буклета, специально выпущенного по случаю присуждения Вацлаву Гавелу Премии мира немецкой книжной торговли 1989 года. В него вошли фрагменты статьи Ота Филипа «Попытка жить по правде» и книги известного чешского писателя Павла Когоута «Там, где зарыта собака».

...В 1963 году первая пьеса Вацлава Гавела «Праздник в саду» была поставлена в Праге, затем переведена на немецкий и сыграна в немецкоязычных странах. В Словаре запрещенных чешских писателей, который включает в себя 350 статей-персоналий (вышел в 1982 году в Торонто в чешском эмигрантском издательстве 68—Publishers), можно прочесть, что все пьесы и все книги, написанные Вацлавом Гавелом с 1963 года по сей день, переводились, ставились и публиковались сначала в ФРГ или в Австрии. Все первые постановки его пьес, начиная с 1968 года, осуществлены на немецкоязычных сценах. В течение двадцати лет Вацлав Гавел был запрещен к изданию в Чехословакии, его

выстою. Я был уравновешен, я примирился с тем, что происходит, и был уверен в себе».

Последовали четыре с половиной года тюрьмы. В 1979 году Гавелу было 43 года, и его пьесы «Праздник в саду», «Извещение», «Аудиенция» и «Вернисаж» принесли ему мировую славу. Тот факт, что почувывшие опасность аппаратчики тогда запрятали его в тюрьму почти на пять лет, был не актом слепой мести, а хорошо продуманным и запланированным ударом против всей духовной и интеллектуальной оппозиции. Вацлав Гавел принадлежал к инициаторам манифеста «Хартия 77», к этому единственному в так называемых социалистических государствах объединению интеллектуалов, писателей и правозащитников, он был одним из его первых делегатов, основателем Комитета в защиту незаконно преследуемых и наряду с профессором Яном Паточкой и буду-

щими партиями — или нет». Задача театра, как ее понимает и как стремится ее решать Гавел, заключается не в том, чтобы, изображая сияюще-положительных героев, облегчить зрителю жизнь и отпустить его из театра с беззаботным чувством, что все неприятности уладят за него эти герои. Гавел не видит для себя чести в том, чтобы утешать человека сердобольной ложью; он не собирается ханжески подбадривать его претензией, будто он, гражданин Вацлав Гавел, обязан брать на себя грехи своих ближних и от имени всех нести наказание за всех. Вацлав Гавел не стремится попасть в число мучеников. Но: ответственность означает для Гавела — начинать с себя и действовать на свой страх и риск. 16 января 1989 года во время демонстрации пражских правозащитников в память студента Яна Палаха, который в 1969 году сжег себя на Вацлавской площади в знак

много удовлетворения. Но есть угроза, что пражские товарищи, которые до сих пор не желают знать о перестройке и гласности по московскому образцу, могли бы позволить лауреату Премии мира немецкой книжной торговли съездить во Франкфурт, но не пожелали бы разрешить ему вернуться в Прагу.

Лишение прав гражданства, которое могло бы последовать за вручением ему премии в церкви св. Павла, было бы слишком опасным парадоксом даже для Вацлава Гавела.

Литературное свидетельство о 70-х годах и их главных персонажах, прежде всего о Вацлаве Гавеле, принадлежит перу Павла Когоута, лишеного в 1979 году гражданства и проживающего в Вене. В книге «Там, где зарыта собака» (Альбрехт Кнауф, Мюнхен, 1987) он рассказывает «мемуароман» своей таксе Эди, которую потом отравила тайная полиция. За инициа-

ЖИТЬ ПО ПРАВДЕ

ГОЛОС ГАВЕЛА
ДАЖЕ
ВО ВРЕМЕНА ЕГО
ДЛИТЕЛЬНОГО
ЗАКЛЮЧЕНИЯ БЫЛ
СЛЫШЕН ДАЛЕКО ЗА
ПРЕДЕЛАМИ
ЧЕХОСЛОВАКИИ

имя могло быть упомянуто только в протоколах допросов органов безопасности, в судебных приговорах и списках заключенных. В чехословацкой прессе, по радио и телевидению, в разрешенной литературе Вацлав Гавел упоминался только в контексте клеветы и поношений. Фантазматическая свихнувшегося мира сыграла со всемирно известным драматургом самую злую шутку, которая может подстергать театрального автора: Гавел, трижды судимый и пять лет проведенный в тюрьме, за 21 год ни разу не видел в театре своих пьес, которые идут на сценах всего мира.

Впервые Вацлав Гавел был арестован в 1978 году на пять месяцев — без судебного приговора и затем приговорен к 14 месяцам тюрьмы — условно.

«Когда в 1979 году меня арестовали вторично, я вдруг почувствовал, что не испытываю прежних страхов», — пишет Гавел в своей книге «Дистанционный допрос». — На этот раз я не боялся тюрьмы. Я примерно знал, что меня там ожидает, я знал, что только от меня зависит, будет ли мое пребывание там иметь какое-то значение с общей точки зрения, и я знал, что

шим лауреатом Нобелевской премии по литературе Ярославом Зейфертом — моральным авторитетом духовного сопротивления тоталитарной системе. Полностью зависимые от компартии судьи прекрасно знали, что делали и что причиняли Вацлаву Гавелу, когда посылали его в тюрьму в момент наивысшего творческого расцвета.

Вместо пропаганды новых идей и политических программ Вацлав Гавел призывает к возрождению терпимости и чувства сострадания. Чем меньше та или иная политика исходит из конкретного человеческого «здесь и теперь», чем больше она цепляется за какую-то абстрактную, затуманенную идеологической болтовней цель, тем легче она может снова и снова оказываться новым вариантом порабощения гражданина. Незадолго до своего третьего ареста он писал: «Людам в тоталитарной системе уже слишком часто и слишком ясно приходилось сознавать: не столь важно, одна или несколько партий находятся у власти и как эти партии называются, много важнее другое — возможно ли по-человечески и свободно жить в государстве с этими политиче-

протеста против оккупации своей родины войсками стран Варшавского Договора, Вацлав Гавел был арестован, приговорен к восьми месяцам тюрьмы и под давлением мировой общественности досрочно освобожден 17 мая. Когда я услышал по радио сообщение о приговоре Гавелу, я как раз читал его последнюю, написанную по-чешски и опубликованную по-немецки в 1988 году книгу «Дистанционный допрос».

Когда в 1848 году первый приглашенный в церковь св. Павла чех, историк Франтишек Палацки, отказался приехать во Франкфурт, это было решение, принятое вместе с тогдашними чешскими политиками, это было политическое решение. Спустя 141 год Вацлав Гавел, к сожалению, не получил возможности, как Палацки, решать самому — ехать ли ему во Франкфурт. Ситуация — в частности, и в том, что касается поездок из Праги во Франкфурт и обратно, — в 1989 году для Гавела была еще сложнее, чем в 1848 году для Палацки, а к тому же она была опасна, абсурдна и парадоксальна. Правда, Гавел утверждает, что парадоксальная жизнь доставляет ему потрясающе

лом Зет скрывается его жена Елена.

Выдержки для бюллетеня «Беренблатт...», из которого мы перепечатаем часть материалов, сделаны самим Павлом Когоутом.

Павел КОГОУТ

ЛЕТО 1974-ГО

...Всесильному государственному аппарату, который за десять лет до 1984-го почти во всем наяву превзошел выдумку Оруэлла, мы могли противопоставить только такие эффективные преимущества, как чистая совесть, сознание постигнутой истины, общая, хотя и тайно выражаемая симпатия и дружба явно лучших мужчин и женщин, какие только были в этой стране. Нашим единственным, действительно эффективным оружием была фантазия.

По мере того как на нашем горле все туже затягивалась петля нового ледникового периода, я все лучше узнавал Вацлава Гавела как соратника, на которого я могу положиться как на самого себя и как на человека, к которому подходило неподходящее словосочетание «излучающий оптимизм».

Казалось, что в циничскую и лживую эпоху Гусака он попал прямо из Ренессанса. Его радость жизни была необратимой, его гостеприимство — неистощимым. Несмотря на свой блестящий интеллект и боевой дух, он сохранял в себе нечто вроде первозданной чистоты и наивности. Она часто искушала его ложными упованиями; но даже по отношению к людям, которые его предавали, он держался снисходительно, был всегда готов простить измену.

Постепенно образовались два опорных пункта: убежище Гавела в маленькой лесной деревеньке Градачек, где он жил круглый год, и наша пражская квартира плюс летний дом на Сазаве. Наша маленькая квартира на Градчанах стала местом коротких, но тем более радостных праздников, прежде всего по поводу выхода в свет книг или театральных премьер, о чем нам сообщал издали по телефону невиди-

м группа свободных людей, даже в этой ситуации сумевших быть по-настоящему счастливыми. Эта радость, которую приносили нам наши новые тексты и новые встречи, позволяла выдерживать и новые испытания на стойкость, а их нам то и дело готовили неизвестные повара власти и преподносили ее угреватые кельнеры и угрюмые метротелы. И снова и снова нам помогали фантазия и взаимная информация.

НАЧАЛО ЛЕТА 1975-ГО

...Броня социалистического реализма не продержалась у нас и десяти лет, ее постепенно пробила целая плеяда драматургов, которые не испугались жесткой конфронтации с вдруг открывшимся перед нами миром, где наряду с Артуром Миллером и Дюрренматтом уже царили Беккет и Ионеско. Чешский театр

рические пьесы о необходимости сохранять порядочность.

Зрелые, известные авторы вдруг оказались вынужденными посылать свои пьесы за границу — так бросают в море бутылку с письмом, не имея никакой возможности повлиять на результат, не говоря уж о том, чтобы увидеть его. У меня никогда не было более резкого и влиятельного критика, чем я сам, перед лицом собственных, непосредственно пережитых неудач: теперь даже их у нас отняли. Мы стали безличными не только для тех, кто заставил нас молчать, но и для тех, кто предоставил нам право голоса в этом мире: из сострадания они лгали нам, расписывая «потрясающие» успехи, — так лгут тяжело больному, что он совершенно здоров. Когда я позже осел в Вене, именно первые неблагоприятные рецензии в прессе абсурдным образом вызвали у меня чувство, будто я воскрес из мертвых.

Несмотря на это, в тисках осады возникали новые работы; в тот субботний летний вечер, когда Вацлав Гавел прочел в Градачке свою пьесу, официальные драматурги сразу превратились в кучку хвастливых провинциалов.

«Это прекрасно, господин Вацлав!» — старомодно резюмировал Вацулик с беззаботностью прозаика, для которого отсюда не следовало никаких конкретных проблем. «Ты написал чертовски удачную пьесу, Вацек!» — сказал я с азартом драматурга, которому с этого момента предстояло взять еще более высокую планку.

Но в этом-то и состоит единственный шанс писателя, которого они не сумели у нас отнять. Не слишком доверяя похвалам, смущенный автор поплелся в кухню готовить панированные шницели с чесноком, а его только что рожденный герой — писатель Фердинанд Ванек вышел из дому и при свете майских светляков отправился в путь, чтобы за десять лет обойти спены всех континентов...

ОСЕНЬ 1975-ГО

...Чешский театр времен исправительной тюрьмы Гусака заслужил две мемориальные доски. Однако их когда-нибудь повесят не на официальных резиденциях Талии. Одна будет прибита на стену старого буржуазного доходного дома по адресу: Челаковский Сад, 10, в Праге-2, где жила и играла в своем домашнем театре княгиня Власта, урожденная Храмостова; другая доска украсит скромное культурное учреждение пригородного квартала Долны Почерничи, где выиграл бескровную битву добрый король Венцеслав по прозвищу Гавел.

То, что удалось поставить новую вариацию Гавела на старую тему «Оперы Нищих», можно объяснить исключительной концентрацией театралов-любителей, а также исключительной рассеянностью профессионалов от власти.

Первым испугался и разъярился до немняемости хорведы из Театрального союза. Не для того Иржина Шварцова и ее подручные в течение пяти лет грубо защищали отечественный театр от контрреволюционной скверны, чтобы теперь какой-то ничтожный культпросветчик с окраины Праги позволял себе подобные вещи, ссылаясь на какой-то там смехотворный документ. Хельсинки или нет,

но они перепугали государственную власть так, словно раскляли подготовку мятежа.

Зет и я — случилось так — не присутствовали на том историческом спектакле. В этом смысле мы с ней, возвратившиеся в первый раз из ФРГ, были чисты, как лилии. А тут уже полным ходом шли розыски участников и зрителей спектакля, которых идентифицировали по фотографиям во время массовых домашних обысков. Государственная полиция явно получила мощную головомойку за то, что ее ввел в заблуждение документ, предназначенный для того, чтобы вводить в заблуждение других. Тем старательней она теперь пыталась компенсировать свой провал новыми издевательствами.

Мое тогдашнее особое положение стало мне еще понятнее, когда сразу же после возвращения меня пригласил д-р Черны. Впервые он даже не пытался спрашивать, где и с кем я встречался. Он хотел услышать от меня, что в момент, когда государство серьезно стремится придерживаться духа и буквы Хельсинкского соглашения, мероприятие в Почерничах было ударом кинжала в спину всем нам — то есть ему и мне.

Я возразил ему, что пока что вся разрядка напряженности выразилась только в трех моих поездках за рубеж. Теперь, когда имелась великолепная возможность великодушно не заметить провинциальной постановки пьесы Гавела, в которой даже культурные погромщики не решились найти никакой крамолы, и, таким образом, не теряя лица, пожать новые лавры, они учиняют нечто прямо противоположное. Я выразил опасение, что они скоро потеряют и те очки, которые выиграли на мне.

В понедельник, 17 ноября, мы должны были снова встретиться — вся наша компания. Гавел появился в условленном месте с опозданием на час — столько времени ему потребовалось, чтобы избавиться от слежки. И к тому же он пришел пешком: по дороге из Градачка в Прагу они изобрели для него техосмотр его машины, отобрали техдокументацию, а заодно — чего там стесняться! — водительские права, чтобы облегчить слежку. Поскольку они обладали чувством юмора, они остановили его как раз в Почерничах.

Я предложил ему свои услуги в качестве личного шофера — пусть даже доктор Черны кое-что поймет! Я возил его целых два дня, и наша охрана была прямо-таки образцовой. Бывало, что нас сопровождали до пятнадцати человек в шести машинах. Мой друг беспокоился обо мне; я же был уверен, что со мной ничего не случится — пока. Со мной по Чехии все еще раскатывал дух Хельсинки. Казалось, этот дух пока что чем-то был хорош и для власти.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ 1976-ГО

...Событие, которому суждено было одним ударом изменить человеческий и политический климат в Чехословакии и тем глубже войти в чешскую историю, чем решительнее режим доктора Гусака будет отправлять его на историческую свалку, созревало очень долго. Почти целое десятилетие приближались к

нему по всем направлениям пути людей, которые некогда были оппонентами и даже противниками. Нет, не страх потерпевших крушение, как вскоре начнет заявлять государственная пропаганда, а мужественная решимость признать свои ошибки и принять во внимание мнение других должна характеризовать совместную акцию этих людей. Тем самым они не только противопоставили себя всеильному аппарату власти, но и привели в крайнее раздражение ту «пятую колонну» интеллигентов и массу прочих сограждан, которые давно уже заключили сепаратный тайный договор с властью и теперь были вынуждены признаться в этом публично.

К сожалению, мне скоро пришлось убедиться, что столь же ненавистным союз бывших оппонентов оказался для той части чехословацкой эмиграции, у которой он выбивает из рук переходящий кубок воинствующего антикоммунизма.

Самое большое значение акции, которая тогда как раз пробивала себе дорогу, будет заключаться в том, чего западная публицистика, мыслящая только категориями переворотов, восстаний и прочих пиков и рекордов, почти никогда не регистрировала и чего почти не замечало западноевропейское движение сторонников мира: в примирении людей, исповедующих различные взгляды, осуществленном на основе гражданских и человеческих прав и ясно обнаружившем возможности исторического компромисса в чехословацком обществе. Одновременно это примирение станет декларацией моральной элиты этого общества против всякого насилия, значит, и против войны.

В субботу, 11 декабря, где-то во второй половине дня Вацлав Гавел оторвал меня от чтения солженицынских мемуаров «Бодался теленок с дубом», которые я спешил прочесть к понедельнику, чтобы передать эстафету следующему читателю. Вместо обычной прогулки по Градчанам (во время таких прогулок под окнами доктора Гусака мы уже обсудили множество важных вещей, касавшихся в основном его особы) друг пригласил меня в свою машину (ему вернули водительские права). Пока мы совершали традиционный контрольный круг, дабы убедиться, что мужи МВД заняты рождественскими закупками, он рассказывал мне об очередном раунде репрессий против музыкального андерграунда.

Больше всего его при этом возмущало, что все охотничье общество полицейских и судей устраивает облавы на зайцев, которые неинтересны миру, но не отваживаются подступить к крупной дичи — персонажам, пользующимся всеобщей известностью. «Нас искусственно охраняют!» — сокрушался он.

Очень скоро им пришлось три раза подряд излечивать его от этого заблуждения. Из шести последующих лет этот записной весельчак, хитрый, как дитя, и наивный, как лисица, четыре полных года проведет в тюрьме.

Он привез меня в невзрачную квартиру в пражском Новом городе, куда мне суждено было попасть еще только два раза; однако визиты эти повлияли на всю мою дальнейшую жизнь. Владелец квартиры был почтенным ученым, который стремился избегать

мый мир. 54 квадратных метра жилой площади однажды — по поводу тридцатитрехлетия Зет — вместили рекордное число гостей — тридцать три человека; заснуть у нас сумел только один гость, который приехал из деревни: мы постелили ему в кухне.

На Сазаве у нас ночевало до десяти человек, они приезжали на уик-энд. Мы очень любили ездить на местной электричке в Чески-Штернберк и, осмотрев гордую крепость, возвращаться назад лесом. С каждым годом лес становился все запущенней, появились завалы и буреломы, которые никто не расчищал — не хватало рабочей силы. Моя неутомимая такса всегда первой находила дорогу в этих джунглях, она чуяла дичь и, как вол, тянула меня на поводке.

«Что бы сказал на это товарищ Гусак?» — традиционно вопрошали мы, когда в кухне одновременно с вечерней звездой появлялись ароматные «шницели» а ля Берри в исполнении Гавела или «котлеты по-монастырски», приготовленные Зет, или моя чечевича с рисом.

Мы были довольны, что противостоям невероятно превосходящей силе не как горстка отчаявшихся, но как

обрел многоликость и прилежно учился адресоваться как к публике, так и к миру. Ему надо было высказать чертовски много, а теперь он даже начал догадываться, как это сделать. Господи, какая была команда! Сплошь звезды!

Демобилизовавшись, Гавел попытал счастья в том театре, который тогда притягивал его, как и многих других молодых пражан, — в «Театре у решетки». Там он быстро продвинулся от подсобного рабочего сцены до осветителя; затем он стал завлитом и наконец автором. Он женился на капельдинерше Ольге. Тогда же его первая пьеса «Праздник в саду» катапультировала его в большой мир.

Если нужны доказательства преступности культурной политики доктора Гусака и его министра культуры Клусака, то лучшим из них может считаться тот факт, что все ведущие авторы после 1968 года оказались под запретом. Из драматургов, достойных этого титула, от смены поколений спаслись только двое: они удержались на чешских сценах ценой моральной капитуляции. Они пожертвовали порядочностью, чтобы иметь право писать — в основном исто-

всякой общественной деятельности. Такую позицию беспартийного научного работника властители эпохи развитого социализма, в сущности говоря, ценили как наивысшую гражданскую добродетель. Зато девять других присутствовавших, которым он оказал тайное гостеприимство, представляли почти весь спектр нелояльного по отношению к режиму гражданского населения — его интеллектуальные, политические и религиозные течения.

Потом власть имущие в течение нескольких лет будут выяснять имена этих людей — и так и не выяснят. Сами-то они до сих пор тоже не открыли нам жгучей тайны — кто из них в 1968 году призвал чужие танки против собственного народа.

За информацией Гавела о музыкантах последовало предложение сочинить новую петицию в защиту преследуемых. Другие присутствующие приводили примеры того, как принятие нового закона о гражданском статусе и правах человека сопровождалось новой волной чиновного беззакония, словно исполнительные власти издавались над законодательными, решительно поставив крест на соглашениях, зак-

люченных в Хельсинки. Невозможно оказалось защищать одних и оставлять других на произвол судьбы. Проекты петиций множились по принципу деления клеток, и я вдруг почувствовал как бы рези в желудке — как всегда, когда моя жизнь, мои отношения или мои действия выходят из-под контроля, когда они начинают терять форму, эффективность или смысл.

Мне показалось, что все наши драгоценные подписи столь же эффективны, как удары кулаком по воде, и что все они рикошетом попадают в меня. Не то чтобы я боялся лишиться раз промокнуть, просто меня злило, что ни одна из брызг не обеспокоила всемогущее начальство. И в этом состоянии изнеможения я предложил вместо серии петиций раз и навсегда сформулировать нашу принципиальную позицию.

Мое изнеможение совпало с изнеможением остальных. Двоим из участников встречи было поручено разработать концепцию. Они писали попеременно, и три варианта этого документа (позже я их раздобыл и спрятал в сейфе у одного моего швейцарского приятеля, пока их не захочет приобрести какой-нибудь со-

ответствующий чехословацкий музей) отражают развитие концепции от длинного каталога жалоб до текста, послужившего обращением не только к стране, но и ко всему миру. Оба драматурга не пожелали удовлетвориться убогим заголовком «Заявление». При следующей встрече они предложили название, которое другим показалось необычным, но которое они тем не менее не моргнув глазом приняли: «Хартия 77».

Из всех присутствовавших без всяких ограничений были одобрены три первых делегата: философ Ян Паточка, бывший министр иностранных дел Иржи Гаяк и писатель Вацлав Гавел. Один коммунист и двое некоммунистов — это было указанием на реальную политическую структуру общества. Все трое взяли на себя эту миссию, прекрасно сознавая, что они первые подвергнутся всем возможным последствиям этого шага...

ЛЕТО 1977-ГО

... В тот день, когда на Сазаву приехала Рут Брандт, закончился первый срок заключения Вацлава Гавела. Чиновным — лежачим, которые

четыре месяца продержали его в следственном изоляторе, удалось так дезориентировать еще неопытного и неинформированного человека, что перед освобождением он отрекся от своей подписи под «Хартией 77», чтобы освободить от моральных обязательств разгромленных наголову, как он полагал, соратников. Через час после освобождения он узнал, что число подписей, несмотря на все репрессии, увеличилось втрое. Во вторник они с Ольгой приехали ко мне на Сазаву. В тот раз я испытывал к нему глубокое сострадание и всерьез за него опасался: человек, чья жизнь, в отличие от моей, была прямой и безупречной, вдруг поверил, что совершил непростительное предательство общего дела.

Я пытался всячески убедить его на примере собственного опыта, что интеллектуальное поражение, каким бы неприятным оно ни было, не только преодолимо, но и укрепляет защитные механизмы от морального поражения.

О поражении, конечно, не могло быть и речи. Он написал у нас еще одно заявление, в котором проанализировал эту проблему. Опубликовав его, он объяснил всем, что не заключал никакого пакта с

властями. Но, так или иначе, по-настоящему он начал успокаиваться только после второго своего заключения в январе следующего года, которое воспринял как повторение экзамена на аттестат зрелости.

И только те четыре с половиной года, к которым они приговорили его в октябре 1979-го, после того как он отклонил предложение властей эмигрировать в США, заново возродили в нем чувство собственной идентичности. Его написанные в тюрьме «Письма к Ольге» подтвердили для меня то, что я смутно ощущал и прежде: что он, в сущности, сам приговорил себя за короткий период слабости в 1977-м.

Когда потом в феврале 1983-го после его тяжелого заболевания в тюрьме я за несколько часов поднял во всем мире тревогу, требуя его освобождения, мне самому вдруг стало ясно, что в лице прежнего моего антипода я уже много лет назад обрел кровного брата, которого мне в жизни так не хватало.

Перевод с немецкого
Эльзы ВЕНГЕРОВОЙ

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ:

AD PERSONAM

5 ОКТЯБРЯ 1936

Родился в Праге. Из-за своего «буржуазного происхождения» ему не сразу удается получить аттестат зрелости. Водитель такси, лаборант в химической лаборатории, вечерняя гимназия.

1954

Окончание школы, получение аттестата.

1955—1957

Учеба в техникуме «Автоматизация транспорта» в Праге. Гавел не был допущен к изучению истории искусства ни в Высшей школе киноискусства, ни на театральном факультете Академии искусств.

Ранние драматические произведения и эссе; Гавел принадлежит к кругу молодых поэтов, сотрудничавших с журналом «Твар», который в 1965 г. был запрещен.

Рабочий сцены сначала в Пражском театре «АВС», потом в «Театре у решеток» — рабочий сцены, осветитель, секретарь, редактор и завлит.

С 1960

Автор первых трех пьес, которые были поставлены на сцене этого театра в 1963, 1965 и 1968 гг.

ИЮНЬ 1967

IV Съезд писателей в Праге. Гавел обращает на себя внимание речью, в которой критиковал цензуру и абсурдность аппарата власти КП, одновременно он защищает интересы беспартийных членов союза.

1968

Во время «Пражской весны» Гавел — председатель «Клуба независимых писателей». После интервенции советских войск Гавелу запрещают публиковать и ставить свои пьесы на сценах во всем Восточ-

ном блоке. Он уезжает из Праги и работает подсобным рабочим на одной из пивоварен в Трутнове.

1975

«Открытое письмо Густаву Гусаку». В этом письме Гавел возлагает на существующий режим ответственность за страх, который приучает людей к ханжеству, депрессии и пассивности.

1977

Учредитель и делегат группы правозащитников «Хартия 77», которая, ссылаясь на Заключительные акты Конференции в Хельсинки, требует для ЧССР соблюдения прав человека и гражданских свобод.

МАРТ—МАЙ 1977

Арест. За «попытку повредить интересам республики за границей» Гавела приговаривают к 14 месяцам тюрьмы — условно.

ДЕКАБРЬ 1977

Гавела выселяют из пражской квартиры, он протестует против этого. После возобновления правозащитной деятельности — домашний арест. Вацлав Гавел продолжает участвовать в распространении произведений запрещенных писателей и пишет новые пьесы, которые могут выходить в свет и ставиться только на Западе.

29 МАЯ 1979

Повторный арест с рядом других диссидентов. Гавел отклоняет предложение уехать за границу.

ОКТЯБРЬ 1979

Обвинение в «организации нелегального объединения и поддержании контактов с эмигрантскими кругами». Приговор: четыре с половиной года заключения.

ДЕКАБРЬ 1979

Несмотря на многочисленные протесты западной общественности, Верховный суд ЧССР утверждает приговор. Во время заключения Гавел неоднократно получает предложения покинуть страну; он их отклоняет. После чего его помещают в условия строгого режима.

ФЕВРАЛЬ 1983

Под давлением обращений и протестов международных организаций и многих писателей заболевшего Гавела переводят в гражданскую больницу; спустя некоторое время его освобождают от отбывания срока «по болезни».

15 ЯНВАРЯ 1989

В связи с 20-летием самосожжения Яна Палаха Гавел пытается принять участие в манифестации памяти Палаха. Он подвергается аресту и в феврале приговаривается к девяти месяцам строгого режима (для рецидивистов) за «хулиганство, подстрекательство и сопротивление государственной власти». Против этого приговора протестуют многие западные страны, организации и группы. Впервые поступают протесты из социалистических стран: Польши, СССР, ГДР и Венгрии. Многие художники и интеллигенты в самой ЧССР протестуют против этого приговора.

МАРТ 1989

Апелляционный суд сокращает срок заключения Гавела до восьми месяцев и отменяет «строгий режим».

17 МАЯ 1989

Отбыв половину срока, Гавел подает просьбу об освобождении. Суд удовлетворяет его просьбу: четыре оставшихся месяца заменены 18 месяцами — условно.

НАГРАДЫ

1968

ОВИЕ — театральная премия (США).

1969

Австрийская Государственная литературная премия.

1980

Почетный член PEN-центра ФРГ, шведского PEN-клуба и Гамбургской Академии Свободных искусств.

1981

Почетная премия французского Societe des Auteurs. Парижская театральная премия «Prix plaisir du Theatre».

1982

Премия Яна Палаха Международного комитета поддержки «Хартии 77». Почетный доктор Университета Тулузы и Университета Йорк (Канада).

1986

Премия Эразма

1989

Почетный член Австрийского PEN-клуба и Немецко-Швейцарского PEN-центра.

САМЫЕ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА!

С удивлением, смешанным с завистью, наблюдаем мы за бурным ходом восточноевропейской перестройки, которая, словно вырвавшийся из глубин вулкан, переиначивает все на свой лад, разрушая устаревшие структуры и привычные стереотипы. Восточная Европа вступила на новый путь!

Корни перестройки лежат в послевоенном прошлом.

Советская Армия очистила Восточную Европу от фашистской скверны, освобожденные народы вздохнули полной грудью и воздали хвалу самоотверженному воину-освободителю. Ширились антифашистские демократические движения, восстанавливался многопартийный уклад, надежды на мир и лучшее будущее казались реальностью.

Холодный душ последовал довольно быстро: у дядюшки Джо и его камарилы имелись свои теории и свои методы, которые никак не вписывались в понятия свободы и демократии. Вождь не шибко утруждал себя оригинальными сценариями. Мертвой хваткой взяв в свои руки контроль за коммунистическими партиями (за исключением Тито, смело бросившего перчатку диктатору), он живо закрутил фильм по модернизированному сценарию семнадцатого года, в котором не оставалось места для других партий, кроме коммунистов, хотя многие из них существовали формально. Экономика всех стран народной демократии постепенно переводилась на государственные рельсы, и надо воздать должное тем, кто не допустил полной коллективизации сельского хозяйства, ликвидации мелкой частной собственности и кооперативов. Многие поплатились за это жизнью, кое-кому, например Яношу Кадару, удалось, несмотря на постоянный нажим брежневских неосталинистов, провести корабль, не сев на рифы политэкономии казарменного социализма.

Навязав однопартийность всем странам Восточной Европы, Иосиф Виссарионович не преминул организовать кровавые процессы над «агентами империалистических разведок» от Костова до Сланского, глубоко внедрившимися в партию, а иными словами — над теми, кто видел в деяниях сталинщины сатанинские удары по жизни народов.

К счастью, социалистические страны Восточной Европы так и не доросли до нашего развитого социализма — мешала им проклятая многоукладность в экономике, да и подозрительное существование еще

не добытых партий, хоть и подконтрольных коммунистам, не вызывало доверия и не вязалось с самой передовой теорией; так они и не дотянулись до Идеала, который находился под боком в образе Старшего Брата, очень похожего на зоркого орла, наблюдавшего сверху за своими владениями.

Увы, но эту истину уже давно настало время признать. Пора и понять, что и венгерское восстание 1956 года, и волнения в Польше и ГДР были направлены не против советского народа, а против политики сталинщины, прочно вошедшей в плоть и кровь послесталинских политиков, против оплевывания национального суверенитета под кошунственный барабанный бой о создании единого социалистического лагеря.

Ввод войск в Чехословакию в 1968 году — величайшая драма не только чехословацкого, но и советского народа, уже не в первый раз беззастенчиво использованного временщиками в качестве жандарма. О чем думали советские танкисты, глядя на безоружных и плачущих жителей Праги? Плачущих от горькой обиды на своих славянских братьев, на своих освободителей, когда-то встреченных всем народом с цветами, а теперь грубо и бесцеремонно поправивших честь и достоинство малой страны!

После 1968 года здравый смысл был еще дальше загнан в подполье, как джинн в бутылку, но подспудное бурление продолжалось, и видимость относительной стабильности (впрочем, в Польше даже и относительной не было) мало кого вводила в заблуждение.

Богу нужно молиться, что мы начали перестройку первыми!

Начни ее другие — и повторился бы 1968 год, и снова позорное пятно на нашем народе, на долю которого выпало страданий не меньше, чем на всю Восточную Европу!

Но это еще только часть истины,

и не самая страшная. Много у нас писали о разных вариантах начала войны, рожденных, естественно, в коварных штабах Пентагона, и, в основном, о случайных нажатиях на кнопку или об американских летчиках, сходящих с ума во время полета и сбрасывающих вниз ядерную бомбу. Был и опыт «карибского кризиса».

Но на самом деле и у нас и на Западе прекрасно отдавали отчет в том, что самый реальный источник войны лежит в затаившейся Восточной Европе. Эта модель не раз проигрывалась в миниатюре, но у Запада хватило разума, чтобы прямо не вмешаться ни в венгерские, ни в чехословацкие события. А если бы венгерское восстание охватило всю страну? А если бы в Чехословакии началась партизанская война? А если бы в Польше... К счастью, пронесло!

Не будем кривить душой: до нашей перестройки Восточная Европа напоминала пороховой погреб и не хватало лишь горящего фитиля. Миру грозил взрыв и, возможно, военный конфликт — ведь взрывоопасные ситуации могут существовать вечно только в умах застенелых догматиков.

Начав перестройку, Горбачев и его соратники потушили фитиль и дали зеленый свет демократическим процессам в Восточной Европе. Заверениям о советской доктрине невмешательства вначале никто не верил: декларации и действия разделяет пропасть, да и политическая репутация СССР после ввода войск в Афганистан оказалась весьма подмоченной. Кое-кто намекал, чтобы мы сами форсировали перестройку в странах Восточной Европы, то есть нарушали суверенитет с благими намерениями, но мы помнили, чем устлана дорога в ад.

При первых политических изменениях в Венгрии и Польше весь мир насторожился: вот он, конец перестройки и Горбачева, вот ког-

да разыграют страсти и оживут старые имперские принципы!

Но перестройка выдержала это испытание. Затасканная сталинско-брежневская доктрина вмешательства, прикрытая фиговым листком «общих интересов социализма», расплзлась на куски, подобно гнилой ткани.

Наш народ обретает уважение как добрый сосед и друг, хотя грехи прошлого еще долго будут использоваться недоброжелателями и отравлять отношения.

Не надо скромничать: наша перестройка совершила исторический шаг, продемонстрировав отказ от вмешательства в чужие дела, — событие, важнейшее в послевоенной истории XX века.

Мы преподали урок и другим странам, прежде всего США, приверженным идеям вмешательства в любую точку планеты, где есть угроза мистическим американским интересам. Раньше это оправдывалось коммунистической экспансией, а теперь?

Пусть грызет ногти пока анонимный участник декабрьского Пленума ЦК, сетующий по поводу западных похвал в адрес перестройки. Пусть утешается тем, что есть у него собратья в лице некоторых режимов в социалистической упаковке. Пусть вспоминает с ностальгией нашу международную изоляцию, ругань в наш адрес и справа и слева, изматывающую конфронтацию, позволяющую заворачивать гайки внутри доведенного до ручки Отечества. «Ах, уж этот Запад, не случайно он хвалит...» — а за всеми этими лицемерными вздохами бездарность правления, набитые ворованным карманы и право судить всех и вся в своей губернии.

Мы должны гордиться симпатиями всего человечества, а не бояться их. Мы должны радоваться тому, что наши лозунги о праве народов на свободу и суверенитет не только звучат с высоких трибун, как в прошлом, но и воплощаются в жизнь. Мы должны быть мужественными и спокойными перед лицом критики в свой адрес в Восточной Европе и понимать, что во многом мы виноваты сами.

Но в любом случае перед народами Восточной Европы предстает Советский Союз, такой, каким он запомнился во времена освобождения от фашизма, — не всезнающий и важный Старший Брат, а настоящий друг, с которым можно строить общий европейский дом.

Салют, Восточная Европа!

Михаил ЛЮБИМОВ

Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого.
Одним карать и каяться,
Другим — кончать Голгофой.

Борис ПАСТЕРНАК

МИФЫ

Геннадий ЛИСИЧКИН

ИДЕАЛЬНОСТЬ

Нужен ли перестройке «марксизм-ленинизм»?

В ходе перестройки уточняются и перекраиваются многие схемы строительства социалистического общества. Чтобы эта работа шла созидательно и не так болезненно, необходимо наряду с принятием практических мер вывешивать правильность ряда наших творческих представлений о социализме. Естественно, что наш взор вновь и вновь обращается к Марксу, Энгельсу, Ленину, посвятившим всю свою жизнь созданию теории научного социализма. И если в том здании, которое мы построили за небольшой срок — 70 с лишним лет, — обнаруживаются сейчас крупные недостатки (темные, страшные чуланы, высокие лестницы с отсутствующими пролетами, зияющие в крыше дыры), то законно предъявить серьезные претензии не только к тем, кто это здание строил, не только к тем, кто этим строительством руководил (Сталин и его верные ученики), но и к тем, кто составлял первоначальные проекты и научно обосновывал правильность своих расчетов. Об этом давно задумываются многие из нас. И не только одиноко задумываются, но и делают своими мыслями с другими.

В журнале «Наука и жизнь» доктор философских наук А. Ципко опубликовал серию статей (начало в № 11 за 1988 год) под символическим названием «Истоки сталинизма». Где же, в чем усматривает автор эти истоки? Об этом он говорит очень ясно, четко и определенно: истоки сталинизма — марксизм. Он пишет: «Конечно, велик соблазн вычеркнуть Сталина, а вместе с ним и его политическую практику, его представление о социализме из истории марксизма, международного коммунистического движения. Велик соблазн уподобить победу Сталина над всеми его оппонентами в Политбюро ЦК ВКП(б) термидору Наполеона, представить ее как контрреволюционный переворот, как полный разрыв с идеологией и идеалами революционных пролетариев России. Стоит только согласиться с этой соблазнительной мыслью, и все проблемы в один миг

решаются: Сталин осуждается, сохраняется вера в идеал, восстанавливается «чистота» теории и т.д.». И далее: «... Сталин не просто создавал свое царство, укреплял свою единоличную власть. Он ведь преобразовывал социальную структуру общества, был людей, строил социализм в соответствии с предначертаниями теории (здесь и далее выделено мной. — Г.Л.), пытался как мог ускорить движение России к коммунизму, начатое в октябре 1917 года... анализируя прошедшее, надо, наверное, начинать с начала, начинать со слова, с проекта, с наших теоретических основ». И наконец, бескомпромиссный, категорический окончательный вывод: «... в целом и мышление Сталина, и его представления о социализме были типичными для марксистов того времени... Сталин как личность сформировался в марксистской среде, как мог в силу своих способностей и подготовки осваивал теоретическое наследие классиков, в целом никогда не выходил за рамки азбучных истин марксизма в своих статьях и речах».

Короче, Сталин — жертва схоластического антигуманного учения, получившего распространение у нас и в других странах под названием «научный коммунизм». Он «как мог в силу своих способностей и подготовки осваивал теоретическое наследие классиков», и не его вина, что на этом фундаменте не могло быть построено ничего путного, зато создавались ГУЛАГи, колхозы и совхозы, нищие, безликие города и села с нищим или полуничшим населением. Таково мнение доктора философских наук, сформулированное не тогда, когда везде красовались в одном ряду портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а уже в наши дни.

С этим мнением я категорически не согласен и причины своего несогласия, аргументацию изложил в предыдущем очерке «Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке?» (Новый мир. № 11. 1988), где пытался доказать, что если Сталин и имеет какое-то отношение к марксизму, то только как его могильщик.

Пусть читатель сам рассу-

дит, насколько моя аргументация убедительна. Хочу только отгородиться от тех чуть поутихших сейчас марксистов, которые еще вчера были цитатами из классиков по головам всех ищущих ответа на новые вопросы жизни, резко обвиняя в ревизионизме каждого, кто в этих цитатах искал не только оправдания всего у нас сущего, но и помощи в решении насущных проблем. Мне же близки слова югославского профессора Мирослава Ходжича, который в газете «Борба» 23 января 1989 года пишет: «Необходимо мыслить с помощью Маркса, дальше, чем он, а часто и вопреки ему. Мыслить в категориях существующего и будущего социализма. И на этой основе создать четкую концепцию перестройки существующего в направлении будущего».

В последнее время нападкам со стороны «своих» подвергается не только Маркс. Получает распространение точка зрения, согласно которой классики марксизма виноваты уже не только в том, что создали несостоятельную теорию научного коммунизма, но и заложили основы несостоятельного практического механизма управления обществом. Речь идет о Ленине, которого обвиняют в том, что именно он явился основателем Административной Системы, с помощью которой Сталин и его окружение творили уже не в теории, а на практике свои преступные дела.

Американский историк Стивен Коэн в статье «Большевики и сталинизм», опубликованной недавно в журнале «Вопросы философии», приводит большое количество высказываний западных ученых по этому поводу. Их смысл сводится к тому, что «все основополагающие принципы своей политики Сталин заимствовал у Ленина» (В. Гуриан). Или: «Сталинизм можно и должно определить как образ мыслей и действий, непосредственно вытекающий из ленинизма» (Г. Майер).

Совсем недавно эта точка зрения начала переключиваться и на нашу почву. Об этом, например, пишет В. Гроссман в повести «Все течет»: «... имен-

но он (Сталин. — Г.Л.) победоносно утвердил Ленина и ленинизм, поднял и укрепил над Россией ленинское знамя». Но повесть есть повесть, художественная литература позволяет отступать от строгой исторической истины. Однако эта мысль подхвачена учеными. Такой взгляд на вещи утверждает известный общественствователь профессор Г.Х. Попов в своих статьях, опубликованных в журналах «Наука и жизнь» (№ 7. 1989) и «Огонек» (№ 24. 1989).

Если бы спор о нашем теоретическом наследии носил схоластический, метафизический характер, я не стал бы браться за перо. Но поскольку речь идет о нашем выживании, о путях выхода из кризисного состояния, это надо сделать.

В свое время мы обругали всех своих и чужих философов, экономистов, социологов, частично истребив своих физически и уж, во всяком случае, лишив себя доступа к их — своих и чужих — творческому наследию. Сейчас на свалку истории предлагается выбросить труды Маркса, Энгельса, Ленина, которые, если верить некоторым авторам, принесли нам все те беды, от которых мы пытаемся сейчас избавиться. Наша горячность и поспешность не знает границ. То мы до отупения превозносим все, что они написали, то втоптываем в грязь, так и не разобравшись в динамике и диалектике их учения.

Недавно мне впервые довелось побывать в Австрии. Эта страна близко к нам расположена. Но географические и идеологические расстояния часто сильно отличаются друг от друга. Австрия — развитая страна с высоким жизненным уровнем и большой социальной защищенностью тех, кто в этом нуждается. Каково же было мое удивление, когда на государственном гербе, запечатленном на любой монетке, я увидел в лапах имперского хищного орла, оскалившего против кого-то свой клык, беспомощно повисшие порванные цепи (эксплуатации), при этом в одной он сжимал знакомый нам серп, а в другой — молот.

В Вене одна из централь-

ных площадей носит имя К. Маркса, недалеко — проспект Ф. Энгельса. Видимо, классики научного социализма не помешали здесь, как нам, устроить жизнь по-человечески. Более того, сам факт такого благодарственного напоминания их имен свидетельствует, на мой взгляд, о признании австрийцами большой причастности этих ученых к строительству такого общества, где обеспечено (и растет) благосостояние людей и где гарантированы многие из тех гражданских демократических прав, о которых мы только начинаем мечтать. Им, австрийцам, учение К. Маркса и Ф. Энгельса не стало помехой в строительстве их будущего, а, наоборот, оказалось нужным.

Нам же, нигилистам, нынче лишь бы пошумней ниспровергнуть авторитеты, независимо от того, идет ли речь о Сталине и Берии или о Марксе, Энгельсе, Ленине. За это шарханье из крайности в крайность мы уже заплатили дорогой ценой. Но забывая о ней, мы вновь не прочь на чистом месте (разрушив все до основания, а затем...) начинать строить, не зная что, не зная как, не зная с кем, без преемственности идей, без так необходимой элементарной человеческой памяти. Проку в такой беспамятной деятельности, как мы уже убедились на собственном горьком опыте, быть не может. Поэтому, как мне кажется, так важно определить правильное соотношение между учением Ленина и Сталина, дабы в ходе перестройки опять не создать очередную общественную халупу вместо обещанного дворца. А для этого вначале целесообразно, на мой взгляд, задаться вопросом:

А БЫЛ ЛИ ЛЕНИН «МАРКСИСТОМ-ЛЕНИНЦЕМ»?

Конечно, нет. «Марксизм-ленинизм» — это самостоятельное учение, систематизированное Сталиным в основном в сборнике «Вопросы ленинизма». Он издавался одиннадцать раз. Последний — в

1952 году, за год до смерти автора. Одиннадцать залпов было выпущено по учению Ленина, причем разрывными пулями. Разрывались его труды на части, склеивались по нужной Сталину логике, с добавкой компонентов особого свойства, и на вновь созданном продукте ставилось не авторское клеймо — сталинизм, а фальшивый ярлык, утверждавший, что он — продукт этого — создан великими мастерами.

Лицемерие, подлог, демагогия были главными средствами в деятельности Сталина. Все эти качества воплотились и в созданном им учении, получившем название «марксизм-ленинизм». Сам Ленин, конечно, никогда не называл себя марксистом-ленинцем. И не из ложной скромности, а из того же соображения, что и Энгельс, который не популяризировал, а активно развивал творческий марксизм и говорил о себе, что он всего лишь продолжатель дела великого учителя. В той же роли выступал и Ленин.

Сталин же создал в общественных науках нечто уродливое, ну что-то вроде помеси таксы с дворянкой. Он отделил ленинское учение от Маркса, обеспечив тем самым себе право вносить по собственному усмотрению поправки и добавления к нему, чтобы подкрепить идеологически практику своего хозяйничанья в великой стране.

«Что такое в конце концов ленинизм?» — вопрошал Сталин в работе «Об основах ленинизма» и давал ответ: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции». И дальше пояснял, что Маркс и Энгельс создавали свою теорию в предреволюционный период (имеется в виду пролетарская революция), когда не было еще развитого империализма, а Ленин — именно в период оно, в эпоху развертывающейся пролетарской революции, уже победившей в одной стране.

В чем смысл такого разведения в разные стороны марксизма и ленинизма? В том, очевидно, что Маркс и Энгельс открыли закономерности развития и поведения, скажем так, человеческого организма в детском возрасте, а вот Ленин сделал то же самое, но для человека взрослого, возмужалого. Разве не ясно, что жизнь и поведение человека в детстве и в зрелые годы серьезно разнятся? А если ясно, то не пора ли детские сказки менять на серьезный мужской разговор. Согласитесь, в этом есть своя логика: ее надо или признавать или опровергать.

Ленин, как последовательный марксист, резко отличается от того, каким его подавал нам Сталин, рядя в шитую им же тогу «марксиста-ленинца».

В чем это отличие? Во многом. Начнем с главного.

Ленин, как все большевики накануне революции, глубоко верил Марксу и Энгельсу, утверждавшим, что в Европе уже давно бродит призрак — призрак коммунизма. Правда, он же, Ленин, следуя совету Маркса подвергать все сомнению, писал еще в 1907 году вот такие неожиданные для слепо молящихся на Маркса и Энгельса слова: «Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции (например, в 1848 г. в Германии), в вере в близость

германской «республики»... Они ошибались в 1871 году, когда заняты были тем, чтобы поднять юг Франции, для чего они... жертвовали и рисковали всем, что было в силах человека...»

Ленин верил в главное, исходное положение их философии, в то, что Европа беременно социалистической революцией, но с иронией замечал, что уж что-то слишком часто классики ошибались в определении сроков ее начала. Этот скепсис, на мой взгляд, подготовил Ленина к тому, что, когда марксисты в очередной раз ошиблись со сроками начала мировой социалистической революции, он не впал в панику, а попытался быстро перестроить стратегию и тактику пролетарской революции (что и было сделано в период нэпа). Но это было «потом». А накануне Октябрьской революции Ленин во главе большевиков созидательно готовил ту мировую социалистическую революцию, неизбежность которой предсказывали Маркс и Энгельс, предостерегая коммунистов от того, чтобы она не застала их врасплох.

Известно, что в мировой социалистической революции основоположники научного социализма отводили России особую, ударную роль. Она, Россия, должна была начать то великое дело освобождения труда от гнета капитала, которое немедленно поддержат трудящиеся всех других стран мира. В первую очередь Европы. Таков был классический сценарий мировой социалистической революции. Ленин, большевики героически брали на себя тяжелую и благородную миссию зачинателей мировой социалистической революции, рассчитывая, что после ее победы более развитые европейские страны благодарно помогут России преодолеть ее отсталость и встать вровень с передовыми государствами. Об этом Ленин писал до Октябрьской революции (в 1907 г.) и в первые годы после ее победы: «Русский рабочий класс завоеует свободу себе и даст толчок вперед Европе своими полными ошибками революционными действиями — и пусть кичатся пошляки безошибочностью своего революционного бездействия».

Учитывая такой взгляд на перспективы развития мировой революции, I Учредительный конгресс Коминтерна в марте 1919 года в Москве вполне логично провозгласил программу борьбы за мировую пролетарскую диктатуру, за мировой коммунизм, а сам Коминтерн был объявлен революционным инструментом этого планетарного государства трудящихся. Напомню, что для такого видения событий были свои основания: в ноябре 1918 года происходит революция в Германии; хотя и на короткое время, но советские республики возникают в 1919 году в Венгрии, Словакии, Баварии; в 1920 году происходит захват предприятий рабочими в Италии, нарастает революционный подъем во Франции и Великобритании. И тем не менее...

В августе 1920 года под Варшавой Красная Армия, устремленная на соединение с революционным пролетариатом Европы, потерпела поражение. И это было не обычное военное поражение, которое можно было бы, наверное, поправить, мобилизовав дополнительные ресурсы. Пораже-

ние под Варшавой показало, что пролетариат Европы не готов поддерживать революционный порыв России. А это уже был крах классического сценария мировой социалистической революции, крах расчетов Маркса, Энгельса, Ленина на то, что в Европе будто бы бродит призрак коммунизма. Призрак он и есть призрак — фантастический плод сознания, чрезмерно сосредоточенного на достижении желаемого.

Заслуга Ленина состоит в том, что он сразу увидел этот генеральный просчет. Уже в сентябре 1920 года на IX партконференции РКП(б) произошло столкновение двух точек зрения по поводу военной помощи революционному движению в Европе. Среди большевиков произошел раскол. Ленин был против тех, кто продолжал настаивать на лобовой атаке капитализма. «При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма». Каменев расставлял совсем иные акценты: «Вылазка... не удалась ни на военном фронте, ни на дипломатическом фронте... но... когда мы сделаем следующую вылазку, а мы сделаем ее несомненно, все равно, подпишем ли мы мир с Польшей, который предлагает Владимир Ильич, или нет, все равно вылазка будет сделана и она будет победоносной. Соединение с нашими пролетарскими армиями, если не удалось в первый раз, удастся в следующий раз». А на V конгрессе Коминтерна 17 июня 1924 года Зиновьев еще более агрессивно заявлял: «Победы еще нет и нам предстоит еще завоевать (выделено мной.— Г.Л.) 5/6 земной суши, чтобы во всем мире был Союз Советских Социалистических Республик».

Творческий марксизм отличается от догматического тем, что для первого нет, так сказать, ничего «святого». Какими изящными ни были бы теоретические конструкции классиков, они все время были готовы от них отступить, дать «задний ход», полагая, что степень совершенства любой теории определяется не логика, а грубая практика — жизнь. Образно говоря, Ленин сорвал плод с дерева мировой революции, попробовал его. Оказалось — кисл, зелен, незрел. Оставаясь на базе подлинного марксизма, он не бросил клич: «Ребята, ошиблись. Гребите назад!» Но и не сделал хорошую мину при плохой игре, не притворился, что незрелое яблоко сладкое, сочное. Он просто заявил, что надо искать иные пути к достижению общечеловеческих целей.

Такой разумный жест основная масса большевиков сделать, увы, не смогла: не та была закваска. Раз Маркс и Энгельс обещали им мировую революцию, значит — выны и положь! Неудача? Не надо отчаиваться, надо просто ускорить ее всеми средствами. Какими? Ну, конечно же, прежде всего насилем, вооруженными средствами с помощью Красной Армии.

Маркс и Энгельс, предсказывая мировую революцию и рассчитывая на ее созидательную силу, отрицательно относились к ее ускорению вооруженными силами там, где она задерживалась. Энгельс в письме К. Каутскому (12 сентября 1892 г.) писал: «... Победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязать никакого осчастливливания, не подрывая

этим своей собственной победы». Марксист В. И. Ленин полностью соглашался с этим, считая, что экспорт революции не укрепляет дела социализма. Но с этим никак не хотело и не могло согласиться большинство большевиков.

Бухарин, например, на конгрессе Коминтерна предлагал включить в его программу следующее положение: «Каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию», поскольку «распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции». И хотя это предложение было по рекомендации Ленина отклонено, конгресс принял воззвание «К Красной Армии и Флоту РСФСР», где говорилось: «... Мы единодушно называем вас бойцами Коммунистического Интернационала, героями общей борьбы всего человечества... Время всеобщего разоружения, время прекращения войны еще не пришло».

В одном из своих писем (5 августа 1921 г.) В. И. Ленин пишет: «Да, кто не понимает смены лозунга «гражданская война» лозунгом «гражданский мир», тот смешон, если не хуже».

Заметим, «смешно» — это еще куда ни шло: то, что смешно, всегда безобидно. Но непонимание необходимости «гражданского мира» оказалось, как мы теперь знаем, хуже самого худшего. Как известно, призыв Ленина к «гражданскому миру», который, по его замыслу, должен был быть установлен навсегда как внутри страны, так и со всеми соседними странами (с тем чтобы соревнование двух систем шло в экономической, а не в военной области), остался гласом вопиющего в пустыне. Марксист Ленин оказался в меньшинстве, в изоляции, не понятым большевиками, которые поддерживали его посылку, поскольку в данный момент не было никаких сил, чтобы вести войну всех со всеми. Большинство большевиков согласны были на «гражданский мир» как на тактический, временный маневр, чтобы собрать силы для ускорения мировой революции.

Маркс, Энгельс, Ленин просчитались не только в прогнозе сроков победы мировой революции и в способах ее осуществления, но и в оценке жизнеспособности капитализма. Они считали, что он уже сгнил на корню и не способен идти в ногу с техническим прогрессом, самообновляться, саморазвиваться. В «Империализме, как высшей стадии...» Ленин обосновывал моральное право пролетариата выполнить историческую роль могильщика и закопать полу-сгнивший труп, дабы освободить место для развития новой жизни. Правда, у марксистов и здесь была серьезная оговорка. Они не критиковали империализм за его абстрактную социальную несправедливость. Наоборот, они говорили, что ни один строй не умирает раньше, чем выполнит до конца свою цивилизаторскую роль в истории общества. В том числе и капитализм, конечно. А это значит, что марксисты соглашались не нападать так резко на капитализм с призывом немедленно уничтожить его, если бы увидели, что историческая, цивилизаторская его роль еще не выполнена до конца.

Заслуга Ленина состоит в том, что он не только понял, что в Европе нет революционной ситуации для победы

мирового социализма, но и успел увидеть, что капитализм не так слаб и гнил, как казалось марксистам перед Октябрьской революцией. Комментируя новое видение Лениным капитализма, советский историк В. Сироткин замечает, что многие в те годы «...не поняли главного в ленинской концепции нэпа — изменение методов мирового капитала после первой мировой войны и Октябрьской революции в связи с появлением новой тенденции, которую В. И. Ленин в своих последних работах назвал «ллойджордизмом», а мы сегодня — буржуазным реформизмом (государственное регулирование не только экономических, но и социальных отношений при существенных уступках трудящимся с 1919 года — 8-часовой рабочий день, пособия по безработице, социальное страхование и т. д.)».

Ленин и другие честные марксисты признали, что по главным параметрам марксистский сценарий социалистической революции, существовавший накануне Октября, потерпел полный крах.

Тот же В. Сироткин пишет 9 марта 1989 года в «Известиях»: «Когда наконец с выходом в свет шестого Полного собрания сочинений В. И. Ленина его «нэповские» документы за 1921—1923 годы полностью станут доступны всем читателям, мы, возможно, прочитаем и такую запись его личных секретарей М. И. Глясер и Л. А. Фотиной, сделанную ими под диктовку Ильича в самом конце 1923 года: «**Конечно, мы провалились** (выделено мной.— Г.Л.). Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по шучему велению. Между тем это вопрос десятилетий и поколений. Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю в борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой экономике... как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навывки их вековой жизни нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос еще, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке». И далее: «У меня нет сомнений в точности передачи мысли Ленина его секретарями; упоминается она и в «Архиве Троцкого», вышедшем за рубежом, но в наиболее полном виде эта запись воспроизведена пока лишь в воспоминаниях бывшего секретаря Сталина Б. Бажанова, изданных в Париже—Нью-Йорке в 1983 году».

Подытожим словами Ленина из его работы «О кооперации»: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Конечно, «коренную перемену», если «призрак» так и оказался бесплотным призраком, если орешек (капитализм) оказался тверже, чем думалось, — не по зубам. И Ленин это признал.

ПЕРМАНЕНТНАЯ ПОГОНЯ ЗА ПРИЗРАКОМ

Какое же отражение все эти гигантские сдвиги в теории нашли в «марксизме-ленинизме», изложение которого мы находим в трудах Сталина? Да никакого. Конечно, мировая революция, как можно

понять из его работ, подзатынулась, но она может вот-вот разразиться, поскольку все противоречия империализма только углубляются, а не сглаживаются. Поэтому Советская Россия должна быть не только готова, но и подталкивать процесс ее созревания, используя все средства, включая материальные и военные. Не делая никаких поправок, которые внесла в марксистское учение о мировой революции практика революционной России, Сталин в работе «Об основах ленинизма» (1924 г.) притягивает на свою сторону теорию непрерывной, «перманентной» революции Маркса. «Идея «перманентной» революции, — пишет он, — не есть новая идея. Ее выдвинул впервые Маркс в конце 40-х годов в известном своем «Обращении» к «Союзу коммунистов» (1850 г.). ...Маркс предлагал лишь увенчать дело революции пролетарской государственной властью, сталкивая шаг за шагом с высоты власти одну фракцию буржуазии за другой, с тем, чтобы, добившись власти пролетариата, разжечь (выделено мной. — Г. Л.) потом революцию во всех странах, — в полном соответствии со всем тем, чему учил Ленин и что он проводил в жизнь в ходе нашей революции, следуя своей теории пролетарской революции в обстановке империализма».

В работе «К вопросам ленинизма» (1926 г.) Сталин писал: «Ленин был единственным марксистом, который правильно понял и развил идею перманентной революции». Короче, Маркс и Ленин — по Сталину — ярые сторонники непрерывной революции, революции до победного конца, до истребления последнего буржуа на земном шаре независимо от условий, в которых будет этот процесс идти. Отбросив серьезные оговорки, существующие в марксизме по поводу мировой революции, Сталин ловко сделал Маркса, Энгельса, Ленина крестными отцами своего «марксизма-ленинизма» (т. е. сталинизма), своими идеологическими союзниками, превратив их в этаких лихих кавалеристов-буденовцев, рубах, готовых по первому зову (и даже без него) ворваться в любую страну, чтобы, используя шолоховских нагульных с наганом или, по-современному, — с ракетой, установить силой справедливость, толкуемую по своему разумению.

Ясно, что подлинный марксизм ничего общего не имеет с авантюрным «марксизмом-ленинизмом», прикрываясь которым сталинисты и неосталинисты долгие десятилетия посылали советских солдат во многие «горячие» точки земного шара.

За настойчивую преданность идее насильственной мировой революции приходится платить в наше время и так недостающей нам твердой валютой. На Первом съезде народных депутатов Н. П. Шмелев привел в своем выступлении такие цифры. Только на «защиту наших интересов» в Латинской Америке расходуется ежегодно 6—8 млрд. долларов. А Латинская Америка — не единственная точка в мире, где мы расходим средства в погоне за тем самым призраком, который так ловко не дается нам в руки. Может, пора уже остановиться?

Шизофреничная вера «марксизма-ленинизма» в мировую

революцию и в процесс загнивания, происходящий якобы в странах современного капитализма, — это первый серьезный подлог, который сталинизм десятилетиями маскирует под подлинный марксизм, скрывая, что от таких оценок настоящие марксисты давно отказались.

В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ...

Второй крупный теоретический подлог, совершенный Сталиным при разработке своего «марксизма-ленинизма», состоит в доказательстве возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране. Как известно, Ленин не верил в возможность перепрыгивать через этапы исторического развития. Поэтому он резко критиковал тех, кто требовал немедленно «введения» социализма в такой отсталой стране, какой была в 1917 году Россия. «Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится», — писал В. И. Ленин. И еще: «...Выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими». Более того, в «материальном, экономическом, производственном смысле мы еще «в преддверии» социализма не находимся». «Конечно, — категорически заявлял Ленин, — окончательная победа социализма в одной стране невозможна».

В этом отношении Ленин твердо стоял на марксистских позициях. Социализм в одной стране такая же бессмыслица, как феодализм или капитализм в одной стране. Поскольку все страны между собой связаны различными отношениями, то самоизоляция одной страны от всех других ведет к такому, например, уродливому развитию. Новая общественно-экономическая формация возникает всегда как общечеловеческое явление, утверждая себя сразу в нескольких странах, более или менее одинаковых по уровню зрелости условий. Сталин ревизовал это марксистское положение, и в катехизис «марксизма-ленинизма» было внесено новое теоретическое положение, утверждавшее «введение» социализма в стране, совершенно не подготовленной к нему ни экономически, ни культурно.

Конечно, отсталость России — это не фатальное качество, начисто исключающее ее развитие по пути социализма. Ленин доказывал, что не обязательно надо ждать, пока Россия станет богатой и культурной, чтобы осуществить социалистическую революцию. Очередность может быть иной, обратной. И тогда революция ускорит созревание условий, необходимых для победы социализма. Разница в подходе Ленина к его строительству от того, который был навязан стране Сталиным, состоит в том, что Ленин собирался создавать сначала условия, необходимые для строительства социализма, — намечал делать те самые «кирпичи», из которых «социализм сложится», а Сталин ринулся строить немедленно сам социализм, не заготавливая тех «кирпичей», которые нужны для такой стройки. Иными

Этот очерк был подготовлен нашим корреспондентом по материалам, предоставленным бюллетеню «Совершенно секретно» Комитетом государственной безопасности.

За окном скорого поезда Москва—Берлин летели однообразные пейзажи, мелькали станции, сеяли тревожный свет мокрые от дождя фонари. В тамбуре было холодно, но сидеть в душном купе не хотелось. Он посмотрел на часы. До Бреста оставалось недолго. «В Польше к поезду прицепят немецкий вагон-ресторан, закажу пару горьковатого холодного «Радебергера», порцию сосисок с нежной, похожей на крем, горчицей. А вечером — залитая огнями рекламы станция Цоо, проведу денек в Западном Берлине, встречу с Валерой и — в Париж».

Стоя в прокуренном тамбуре, он никак не предполагал, что планы его не осуществятся. На КПП «Брест» молодой плакатно строгий пограничник буднично скажет: «Гражданин Тотин? Попрошу пройти со мной. Захватите вещи». В тот же день он вернется в Москву. А Валера Харнас, бывший советский гражданин, а ныне преуспевающий владелец антикварного магазина в Западном Берлине, так никогда и не познакомится с этим своим связным.

5 ноября 1986 года Эммануэля Тотина, 1952 года рождения, гражданина Республики Бенин, аспиранта Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, вызывали в Комитет госбезопасности.

Из протокола допроса:

«...Кого-либо из советских граждан, занимавшихся контрабандными операциями, я не знаю и отношений с подобными людьми не поддерживаю. Я никогда не содействовал этим людям в передаче третьим лицам, являющимся сотрудниками дипломатических представительств или членами их семей, чемоданов, пакетов и т. п. с иконами и антикварными изделиями, предназначенными для незаконного вывоза за границу. Я также никогда не передавал советским гражданам за полученные от них ранее художественные ценности доставленные из-за границы деньги и промышленные товары. Какой-либо информации по этим вопросам я не располагаю и что-либо добавить к своим показаниям не имею».

Он ничем, по крайней мере внешне, не выдаст своей тревоги, спокойно откажется от услуг переводчика, все еще надеясь, что и несостоявшаяся поездка в Париж, и этот вызов на допрос — лишь неприятное недоразумение. Он будет верить в это до тех пор, пока следователь не объявит об очной ставке и в кабинет не введут Юлия Фанда, похудевшего, в «казенной» одежде.

«Сидящего напротив меня мужчину-негра я знаю с апреля 1986 года, — внятно скажет Фанд. — При нашем знакомстве он представился мне по имени Эд. На первой встрече около Московского института скорой помощи на Колхозной площади он передал мне письмо, отправленное Харнасом из Западного Берлина, в котором тот сообщил мне, что у Тотина имеются обширные связи среди сотрудников дипломатических представительств африканских стран в Москве. Кроме того, Харнас информировал меня, что Тотина целесообразно использовать при совершении нелегальных перевозок контрабанды и ему мо-

жно полностью во всем доверять... Согласно договоренности я передал Эду для отправки кейс, в котором находилось пять икон, золотые карманные часы, серебряный пояс и шесть рюмок... Тогда же Тотин вручил мне 30 тысяч рублей наличными в порядке расчета...»

Тотин незаметным движением поправил галстук и откинулся на спинку стула. «Согласно договоренности... предметы старины... дипломаты-перевозчики...» — слова Фанда доносились словно сквозь толстый слой ваты.

«Какие у них доказательства? — лихо размышлял Эд. — Есть ли еще что-нибудь, кроме этих признаний? Харнас далеко, за две тысячи километров от Москвы, Габа давно в Бенине...» Он взял себя в руки, скользнул деланно-равнодушным взглядом по матовому лицу Фанда, перевел глаза на следователя и холодно произнес: «Я внимательно выслушал показания обвиняемого. Однако я их не подтверждаю, так как ранее с ним никогда не был знаком и какой-либо противозаконной деятельностью никогда не занимался».

Участники очной ставки подписали протокол допроса. Фанда увел. Тотин едва подавил в себе желание оглянуться. Захлопнувшаяся было дверь вновь открылась, пропустив еще одного свидетеля — шофера такси Кулешова, не раз привозившего Эду чемоданы от Фанда, которые затем доставлялись в дипкорпус на Ленинском проспекте...

«Да, я полностью уверен в том, что именно этому человеку предназначались чемоданы с неизвестным мне содержанием», — не колеблясь подтвердил Кулешов.

Он вышел на улицу, было уже совсем темно. Шел снежный дождь. Прохожие, ссутулившись, брели к остановке метро. Их лица казались мелочными. Из ближайшей кабинки телефона-автомата он позвонил Андронникову и договорился о встрече. Тот подъехал в назначенное время к кинотеатру «Комсомолец» на своих «Жигулях». «Ты же должен быть в Париже, — с ходу начал он. — Что случилось?» Эммануэль рассказал о неудачной поездке, о допросе в следственном отделе КГБ.

Андронников слушал внимательно, не перебивая. Раз попался Фанд, думал он, доберутся и до него с Раппопортом. В КГБ допрашивать умеют... Но на подходе — большая партия икон, а это колоссальные деньги. Рискнуть?

— Ты что? Свихнулся?! — закричал Тотин. Таким Андронников его никогда не видел. Холеный, обычно уверенный в себе, без пяти минут кандидат медицинских наук, растерялся. — Я из-за каких-то ваших досок в Сибирь не хочу!!! Какие там операции! Уезжай из Москвы. И расскажи обо всем Раппопорту.

...Многие иконы были куплены у малограмотных деревенских старушек буквально за бесценок. Закопченные, потемневшие от времени «Спасы» и «Святители» реставрировались в мастерской Фанда и текли непрерывной рекой в Западный Берлин. Если икона не помещалась в чемодан и могла привлечь своими размерами внимание таможенников, ее распиливали и переправляли кусками. С Запада встречным потоком текли сотни

Связной

тысяч рублей, японские видео, часы марки «Ориент», радиоаппаратура и прочий ширпотреб.

Для Эммануэля Тотина иконы эти и впрямь были не более чем досками, правда, «золотыми». «Я не интересовался, что на них изображено, — покажет он позже на одном из допросов. — Меня интересовала только стоимость каждой конкретной партии икон, так как от этого зависела сумма причитающегося мне вознаграждения: 10 процентов от стоимости».

Из характеристики Э. Тотина, выданной на медицинском факультете УДН по запросу суда:

«По складу характера осторожен, хитер, нагловат, лжив. В личной жизни относительно скромен, из бесед со студентами следует, что он постоянно располагал значительными суммами денег. Имел связи с женщинами легкого поведения».

...В один из зимних вечеров восемьдесят четвертого года Эммануэль вышел

на Кропоткинской и углубился в знакомые улочки. Он шел в кафе «Адриатика», где всегда можно было хорошо поесть и приятно провести время. Сюда нередко заглядывали сотрудники близлежащих посольств, здесь бывали и москвичи, готовые кое-что купить у иностранцев.

К этому времени Тотин уже учился в Москве десять лет. Он давно уже не был тем африканским студентом, который мерз в унылого цвета пальто и робко поглядывал на незнакомых девушек, не решаясь заговорить. Много лет назад он не раздумывая принял предложение приятеля стать посредником в поставке контрабанды. Тот сулил хорошие деньги и полную безопасность. Деньги и в самом деле полились рекой.

Когда он устроился за столиком рядом со стойкой и сделал заказ, свободный стул отодвинул худощавый лысоватый человек лет сорока: «Можно?» Тотин кивнул. Незнакомец, говоривший по-русски с сильным кавказским акцен-

том, после первых же общих фраз поинтересовался, нет ли чего на продажу. После Нового года Эммануэль созвонился с Гудратом (так звали кавказца) и предложил продать 102 метра французской ткани по 70 рублей за метр. Гудрат согласился. Через несколько дней он приобрел новую партию. Потом появились японские платки, они шли по 18 рублей за штуку.

Однажды знакомый дипломат передал Тотину чемодан с иностранным ширпотребом на продажу. На этот раз он мог совершить крупную сделку. Деньги за 4386 платков Гудрат обещал привезти на другой день. Эммануэль захватил вечером к дипломату, чтобы рассказать об удачной реализации. «А как с часами?» — полуболезненно спросил тот. «С часами?» — выдавил Эммануэль. Его пронзила ужасная догадка, и он уже клял себя за оплошность: поленился открыть чемодан. 525 часов марки «Ориент», которые легко шли по 210 рублей за штуку... Кое-как успокоив дипломата, Тотин бросился звонить Гудрату. «Улетел домой», — буднично сообщил женский голос.

— Гудрат «кинул» меня на сто тысяч. Помогите найти его! — умолял Эммануэль Фанда, а затем Андронникова с Раппопортом. Но кавказец как в воду канул, и долг повис на бенинцев.

Контрабандные операции каждый раз проходили по отработанной схеме, исключавшей, казалось бы, провал. Условия договоренности были такими: вместе с иконами и предметами антиквариата Фанд обязательно вручал связным письмо Харнасу, в котором указывал количество «досок» и их стоимость, а также общую для всех связных кличку «Братки». Только в этом случае Харнас принимал иконы и полностью за них расплачивался.

Из протокола допроса Фанда:

«В частности, у Хавилова я скупил иконы «Рождество Христово» XVI века за 10 тысяч, «Сретенье» XVII века за 10 тысяч, «Георгий Победоносец в Житии» XVII века за 35 тысяч... у Стаховича я скупил 10 икон из деисусного чина за 35 тысяч, «Богородица» из деисусного чина за 30 тысяч, «Покров» — за 70 тысяч... Все эти иконы с помощью Кулешова я передал Тотину для доставки в Западный Берлин, оценив их на сумму 300 тысяч рублей. Взамен получил от Тотина 1000 наручных часов «Ориент» квадратной формы на 210 тысяч и 90 тысяч наличными».

Фанд продолжал давать показания. Протоколы подшивались в дело. Том за томом. Свидетеля Тотина на допросы не вызывали.

Но 29 января 1987 года в качестве применения меры пресечения Прокуратура СССР санкционировала заключение под стражу Тотина Фассина Эммануэля, «учитывая опасность содеянного и то, что, находясь на свободе, он может скрыться от предварительного следствия, суда и воспрепятствовать установлению истины по делу».

Через два дня после ареста обвиняемый Тотин просит занести в протокол его чистосердечное признание. Он подробно рассказывает о сделках с Фандом, но молчит о своем участии в другой

группе — Андронникова и Раппопорта.

... 25 марта 1987 года в антикварном магазине Харнаса в Западном Берлине раздался телефонный звонок. Валерий снял трубку, не подозревая, что абонент его находится в служебном кабинете следственного отдела КГБ. Перед началом разговора Тотина уведомили, что беседа будет записана на магнитофон. Харнас подтвердил, что получал от Фанда антиквариат, и, узнав, что тот, как и Тотин, арестован, согласился помочь Фанду в возмещении причиненного ущерба, сделав первоначальный взнос в размере 100 тысяч рублей...

В роли свидетеля акушер-гинеколог из Бенина чувствовал себя достаточно уверенно. Он надеялся, что следствию многое не известно, что он — иностранец — может рассчитывать на иной подход. Оказавшись в положении обвиняемого, он сразу пал духом, нервничал, плохо спал. Он метался подобно зафлажкованному волку, инстинкт самосохранения заставлял искать выход, но рассудок сопротивлялся этим бесплодным усилиям. Скоро на пронумерованных листках он напишет еще одно признание — об Андронникове и Раппопорте. А когда наконец наступил день суда, он облегченно вздохнул.

Из последнего слова Эммануэля Тотина:

«...Я прошу суд о снисхождении. Еще Ленин говорил, что наказание должно воспитывать человека. Я удивляюсь, как в период перестройки прокурор может просить для меня такое наказание. Эти семь лет будут для меня трагедией...»

Одно лишь сухое перечисление операций, в которых участвовал Тотин, впечатляет. За два с небольшим года через его руки прошла контрабанда на общую сумму 1 597 190 рублей... Доход Тотина должен был составить около 150 тысяч рублей. 114 тысяч марок ФРГ он вложил в банки Западного Берлина.

Тотину дали пять лет. От обжалования приговора он отказался. Дело № 116 было закрыто.

Когда-то он верил в свою судьбу: плыл по течению, надеясь, что рано или поздно придет удача и он станет влиятельным политиком у себя на родине. У него будет все: отличная работа, деньги, слава. Он будет много путешествовать. И снова, и снова будет возвращаться в Париж — город, который он любил больше всех городов мира.

В сыром и хмуром мордовском поселке Леплей, отрезанном от Москвы и Парижа колючей проволокой и вышками, осужденный Тотин Фассин Эммануэль закончил свою карьеру.

...Валерий Харнас, бывший советский гражданин, а ныне преуспевающий владелец антикварного магазина в Западном Берлине, в период с 1983 по 1987 год получил от Фанда, Раппопорта и других их сообщников икон, ювелирных изделий на сумму 3 147 785 рублей, которые были контрабандно вывезены из СССР...

Но главной фигурой этого дела был другой человек. О нем — в следующий раз.

МЫ ОБВИНЯЕМ...

«Совершенно секретно» начинает свой новый раздел — «Мы обвиняем...».

Мы обвиняем самих себя в юридической неграмотности, в нежелании знать свои права, законы своей страны и права человека, гарантированные всемирными декларациями.

Мы обвиняем самих себя в неумении защищать свою честь и достоинство, в отсутствии мужества требовать от кого бы то ни было — государства ли, партии, Божьего ли суда — справедливости, если она попорана, отмены законов, если они противоправны.

Содержание этого раздела будет разнообразно. Здесь читатели найдут и аналитические материалы ведущих наших правоведов о только создающихся у нас новых законах, и очерки о нарушениях законодательства и неправомерных решениях судебных органов, и публикации из «записных книжек» адвокатов, их речей, рассказов и воспоминаний.

Мы уверены, что нашим читателям будет не менее интересно познакомиться с блестящими образцами красноречия и логики, которые содержатся в речах корифеев дореволюционной русской и советской адвокатуры. В этом разделе, одним словом, мы хотим объединить все, что может способствовать повышению нашей правовой культуры, без которой (конечно же, наряду с общей культурой — культурой поведения, культурой дискуссии) немисливо создание правового государства.

ПРАВИЛЬНО ЛИ ЭТО?

16 сентября 1966 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Уголовный кодекс РСФСР была введена ст. 190¹.

«Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания — наказывается лишением свободы до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до двухсот рублей».

В Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 года записано:

«В соответствии с Законом СССР от 31 июля 1989 года «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1989 года «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР об уголовной ответственности за государственные преступления и некоторые другие законодательные акты СССР» Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет: ...п. 4. Исключить из Кодекса статью 190¹».

Статья 190¹ прожила в Уголовном кодексе 23 года. Теперь она стала достоянием нашей истории.

Мы не имеем точных данных о количестве лиц, осужденных за все годы ее действия. Многие в свое время отбыли наказание полностью или были амнистированы. По нашим сведениям, сейчас у нас уже нет лиц, отбывающих наказание

по ст. 190¹.

Вместе с тем нам известно и то, что большинство осужденных по этой статье отбыли наказание, амнистированы, но не реабилитированы.

Правильно ли это?

Ответить на этот вопрос мы решили публикацией речи члена Московской городской коллегии адвокатов Д. М. Аксельбанта по «рядовому» делу художника Виктора Ивановича Гринева, который был осужден 29 сентября 1982 года Московским городским судом по ст. 190¹ УК РСФСР на три года лишения свободы.

Защита, считая приговор необоснованным, обжаловала его в Верховный суд РСФСР. Однако жалоба была отклонена.

К концу отбывания своего срока Гринев, находясь в лагере, был вновь арестован — двое сокамерников дали показания о том, что он устно распространял клевету на государство. Гриневу дали новый срок по той же статье. Освобожден он был по амнистии.

Мы публикуем также материалы, в которых поднимается та же проблема, но уже в связи не с «рядовым», а с самым что ни на есть «знаменитым» процессом, который оживает для нас в фрагментах из «Белой книги по делу А. Синаевского и Ю. Даниэля», обвиненных по ст. 70 (составитель А. Гинзбург). Итак, сначала речь в защиту Виктора Гринева.

ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

Вы выслушали речь представителя государственного обвинения, которому дело Гринева видится простым как по фабуле, так и по доказательствам. Гринев, говорит государственный обвинитель, сам не отрицает, что он распространял свое «Открытое письмо начальнику 12-го отделения милиции города Москвы», что это письмо содержит клеветнические обвинения, порочащие наш советский строй, что Гринев

не раскаивается в своих антиобщественных поступках, и поэтому он заслуживает максимального, предусмотренного санкцией ст. 190¹ УК РСФСР, наказания в виде трех лет лишения свободы.

Мне, защитнику Гринева, дело это представляется далеко не таким простым. Гриневу предъявлено грозное обвинение.

Мы привыкли к тому, что из уст

государственного обвинителя зачастую слышим как рекомендуемую меру наказания 10—12—15 лет лишения свободы.

Поэтому срок в три года может показаться наказанием небольшим.

Однако признание человека виновным по ст. 190¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, независимо от срока назначенного ему наказания, решает судьбу этой личности на всю

оставшуюся жизнь.

Именно поэтому я призываю вас очень серьезно, без всякого постороннего влияния на ваши убеждения, детально проанализировать в советательной комнате все, что вам дало судебное следствие, и найти в себе мужество вынести Гриневу оправдательный приговор.

Почему я с твердым убеждением призываю вас поступить именно так?

Естественно, что ответ на этот вопрос требует анализа материалов предварительного и судебного следствия.

Начнем с истоков.

Наше правительство приняло решение поменять нам всем наши темно-зеленые паспорта на красную книжечку.

Москвичи, проживающие на территории, обслуживаемой 12-м отделением милиции, спокойно это сделали, паспорта поменяли. Только один человек — художник Гринев — уклонился от обмена паспорта.

Неоднократно его посещал участковый, сначала просил, а потом стал требовать, чтобы Гринев явился в паспортный стол для замены паспорта. Наконец Гринев сказал участковому, что он не намерен менять паспорт, не хочет получать эту красную книжечку, так как ему стыдно быть гражданином СССР, и объяснил почему.

Испуганный милиционер просил Гринева извинить его от неприятностей и самому явиться со своими объяснениями к начальнику отделения милиции.

Так родилось «Открытое письмо начальнику 12-го отделения милиции», которое написал Гринев.

Как объяснял Гринев, он понимал, что после получения его письма начальником отделения милиции его могут арестовать, могут судить.

И, если такое случится, для того, чтобы люди знали, за что его судят, Виктор Иванович решил копии этого письма разослать многим адресатам.

Гринев говорил в суде, что он изготавил и распространил около 1000 экземпляров «Открытого письма». 500 экземпляров из этой тысячи им направлены различным деятелям культуры в разные города Советского Союза, многим писателям, художникам, актерам. 250 экземпляров — в разные учреждения и организации, и в том числе в редакции газет и журналов, всем членам Политбюро и даже самому Леониду Ильичу Брежневу.

Примерно 250 копий письма были им опущены в почтовые ящики жилых домов в Москве.

И тут я согласен с государственным обвинителем — факт распространения доказан: Гринев сам рассказывает, что распространял свое «Открытое письмо».

Объективно его показания подтверждают допрошенные судом свидетели — граждане, в чьих почтовых ящиках оказались копии письма.

Часть граждан оказались настолько бдительными, что они, достав из почтового ящика письма Гринева, немедленно побежали сдавать их в КГБ, и вот теперь они — свидетели, допрошенные судом.

Представитель государственного обвинения предлагает верить Гриневу и признать его виновным в распространении 1000 экземпляров его письма. Я, его защитник, не могу считать доказанным это количество распространенных писем.

А может быть, Гринев оговаривает себя? Где объективные доказательства, подтверждающие показания Гринева? Их в деле нет!

В деле есть запрос следователя, направленный в КГБ СССР. В этом запросе он просит сообщить, имеются ли у них данные о распространении Гриневым текстов его «Открытого письма» среди культурных и общественных деятелей в разных городах Советского Союза, в редакциях газет и журналов.

На этот вопрос из КГБ поступил четкий ответ, имеющийся на л. д. 183, о том, что КГБ СССР данными о распространении Гриневым своего письма среди культурных и общественных деятелей в разных городах Советского Союза, а также в учреждениях, организациях, редакциях газет и журналов, находящихся в Москве, не располагает.

В материалах дела есть объективные

доказательства распространения Гриневым своего письма только среди 15 граждан, которые достали это письмо из своего почтового ящика, и доказан факт публикации этого письма в выходившей в Париже русскоязычной газете «Русская мысль».

Гринев утверждает, что он и в Париж отправлял свое письмо по почте.

Вот эти объективно подтвержденные факты распространения и можно было бы ставить в вину Гриневу, если бы в его действиях содержался состав уголовного наказания деяния.

Однако для обвинения по ст. 190¹ Уголовного кодекса РСФСР надо доказать не только факт распространения какого-то документа, но и то, что этот документ содержит сведения клеветнического характера, порочащие наш государственный и общественный строй.

К сожалению, товарищ прокурор, не анализируя текста письма, предлагает считать его клеветническим.

Что же утверждает в письме его автор? Я позволю себе процитировать:

«Я, Виктор Иванович Гринев, русский, 1941 года рождения, художник, ОТКАЗЫВАЮСЬ от СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСТВА. Заявление об отказе я отправил в Верховный Совет, Верховный суд и 12-е отделение милиции».

Я отказываюсь от гражданства СССР не потому, что хочу стать гражданином какой-то другой страны. Я нигде не хочу уезжать. Я хочу жить и умереть в России, где жили и умирали мои деды и прадеды.

Но я не хочу продолжать считаться гражданином страны, где слово «гражданин» — фикция, ибо мы не обладаем даже теми правами, которые «гарантирует» Конституция.

Я не хочу называться гражданином той страны, где естественное право человека — право на мысль, на свободное слово, получение и передачу информации — вполне «законно» карается по ст. 70 или 190¹, где лучшие люди — за колечкой проволокой, такие, как Орлов, Терновский, Марченко (список можно продолжить на нескольких страниц); где можно без суда и следствия «выслать» большого ученого, лишив его при этом права на человеческое и творческое общение, как это сделали с Сахаровым».

Что конкретно в этой части письма является клеветой? Ведь действительно академик Сахаров без приговора суда сослан в Горький, а во всем остальном Гринев убежден, и он об этом прямо говорит в суде.

Далее Гринев в письме утверждает, что ему стыдно называться гражданином страны, которая задушила попытки завоевать свободу в Венгрии и Чехословакии, произвела интервенцию в Афганистане.

Эту фразу Гринев подтвердил и в судебном заседании. Я не хочу обсуждать вопрос о том, прав ли Гринев в своих оценках. Для защиты вполне достаточно иметь все основания утверждать, что Гринев в своих правильных или неправильных оценках событий убежден.

Возьмем другой кусок из письма, в котором Гринев пишет:

«Я отказываюсь называться гражданином страны, где гласом вопиющего в пустыне остался XX съезд, страны, которая с самого своего основания убивала и убивает своих наиболее честных и талантливых детей. Одних — в прямом смысле, как Бабеля и Мандельштама, других — остракизмом, как Цветаеву и Пастернака, третьих — ностальгией, как Галича, четвертых — морально (а это самая страшная смерть), лишая их мужества, нравственных устоев, а в результате и таланта. Среди них Маяковский, и Олеша, и Горький, написавший позорные страницы о Соловках, и застрелившийся в страхе разоблачения Фадеев. Но еще

больше таких среди «рядовых» членов общества».

Гражданство СССР обрекает каждого из нас на двоесловие, двоемыслие, двоящиеся. Дома мы говорим одно, на собрании — другое, рассказываем издевательские анекдоты о наших «вождях» и покорно за них голосуем.

В нашей стране все построено на лжи. Лжет даже ее название: «Страна Советов».

Отвечая на вопросы в суде по этой части своего письма, Гринев говорил, что его утверждения не клевета, что он убежден в их правдивости, так как нет в нашей стране власти Советов, а есть диктатура партии, под управлением которой Россия нищает на глазах.

Заканчивает Гринев свое «Открытое письмо» следующими словами:

«Я отказываюсь от советского гражданства, хотя понимаю, что одиночный протест ничего не изменит сразу. Но у меня нет другого выхода. Я хочу быть честным. Я больше не могу молчать — и лгать каждой минутой молчания».

Я уверен, что, если бы свои паспорта вернули все, кто думает, как я, — это был бы вотум недоверия правительству. И это было бы решением вопроса, потому что значило бы, что атмосфера страха, лжи и молчания сменилась воздухом гражданственности. И это необходимо».

Письмо Гринева не анонимно, он не только его подписал, но и указал свой адрес и телефон.

Порочат ли эти утверждения нашу великую державу?

Я, как и прокурор, на этот вопрос отвечаю однозначно. Да, порочат!

Таким образом, защита солидарна с обвинением в том, что Гринев написал и распространял сведения, порочащие нашу страну.

Однако такие действия Гринева не являются уголовно наказуемыми.

Гринев родился в 1941 году, он кость от кости и плоть от плоти дитя нашей действительности. Он учился в нормальной советской школе, жил в нормальном окружении. Не установлено, что кто-то внушил ему эти мысли.

Мы можем не соглашаться с Гриневым, мы можем осуждать его за такие мысли, морально бойкотировать, но судить в уголовном порядке наш закон не позволяет. Этого не может не понимать и обвинительная власть, так как уголовная ответственность наступает только тогда, когда такие утверждения носят клеветнический характер.

А что такое клевета?

Юристы на этот вопрос однозначно отвечают — распространение заведомо ложных сведений. Клеветник сознательно лжет, когда распространяет порочащие сведения. Оклеветать по неосторожности нельзя. Клевета совершается только с прямым умыслом, это сознательная, целенаправленная ложь.

Я не сомневаюсь в том, и это вам совершенно ясно, что представитель государственного обвинения, требуя осудить Гринева за клевету, был обязан доказать клеветнический характер утверждений, содержащихся в его «Открытом письме».

Сделал ли это прокурор?

Конечно, нет! Он не привел ни одного доказательства, подтверждающего, что Гринев в своем письме сознательно лжет. Прокурор, как и автор обвинительного заключения, просто бездоказательно утверждает, что сведения в письме Гринева носят клеветнический характер.

А Гринев отрицает клеветнический характер сведений. Он утверждает: «Все, что мною написано в «Открытом письме», истинная правда, я в этом глубоко убежден и готов с любым спорить, отстаивая свои убеждения».

Более того, Гринев считает, что поступил правильно, написав это письмо, так как, по его мнению, люди нашей страны должны знать истинное положение вещей в стране.

По нашему закону Гринев не обязан доказывать правдивость своих утверждений, а прокурор, если он не согласен с подсудимым, обязан опровергнуть его утверждения и доказать, что подсудимый сознательно лжет.

Однако товарищ прокурор не вступает с Гриневым в идеологический спор, не опровергает его утверждений, не доказывает их лживость.

Меня могут спросить, уместно ли в нашем суде вести такие идеологические споры.

Я отвечаю утвердительно, так как история правосудия знает немало судебных процессов, когда такие споры велись.

В данном уголовном деле доказана только объективная сторона состава преступления*.

Субъективная сторона, то есть вина как один из важнейших элементов состава преступления, в действиях Гринева отсутствует.

В своей речи товарищ прокурор сказал, что в нашей стране каждый человек имеет право излагать свои мысли совершенно свободно. Я с ним абсолютно согласен, и поэтому, заканчивая свою защиту, я считаю, что по возвращении из совещательной комнаты вы должны огласить Гриневу оправдательный приговор.

* Но советскому уголовному праву чуждо объективное вменение, то есть уголовная ответственность без вины.

По нормам нашего уголовного права можно лицо признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 190¹ Уголовного кодекса РСФСР, только если будет доказана вина в виде прямого умысла на совершение этого преступления. Если же в действиях лица отсутствует вина, умышленная или неосторожная, нельзя в таком случае этого человека признать виновным в совершении преступления.

У редакции нет основания утверждать, что все приговоренные в свое время по ст. 190¹ УК РСФСР осуждены за их убеждения, а не за клевету.

Однако мы полагаем, что с большинством именно так и случилось.

Редакция надеется на то, что Прокуратура СССР найдет время проверить в порядке надзора все дела лиц, осужденных за 13 лет действия ст. 190¹ УК РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик, и опротестовать незаконные приговоры.

Что же касается дела В. И. Гринева, то редакция просит Генерального прокурора СССР А. Я. Сухарева считать опубликованную речь адвоката жалобой в порядке надзора, истребовать дело из Мосгорсуда и внести протест на предмет отмены приговора и определения.

«Андрей Синявский был арестован 8 сентября 1965 года на улице, когда он направлялся в Школу-студию им. В. И. Немировича-Данченко, где преподавал литературу на первую в этом семестре лекцию. Юлий Даниэль был арестован 12 сентября при выходе из аэровокзала «Внуково», когда он прилетел из Новосибирска, где его уже три дня вызывали на допросы и вынудили вернуться в Москву. На суде они были признаны виновными в издании, под псевдонимами Терц и Аржак, своих рассказов за границей».

(Из «Белой книги»)

ПИ-1-66

Сегодня мы воспринимаем как саму собой разумеющуюся истину, что настоящая литература чужается политического контекста, в котором она существует. Словесное творчество менее всего нуждается в политических «линейках» по той простой причине, что оно измеряется вечностью. К тому же книга, как ценность художественная, не может быть орудием преступления и приобретать статус вещественного доказательства по уголовному делу.

Но события двадцатипятилетней давности, когда на скамье подсудимых оказались литературный критик Андрей Синявский и переводчик Юлий Даниэль, продемонстрировали всему миру, как наши охранители идеологии не просто попытались заткнуть рот непокорным, но, по сути, вынесли обвинительный приговор всей свободной литературе.

Пучиные представители интеллигенции расценили этот шаг однозначно — после хрущевской «оттепели» страна возвращается к сталинскому тоталитарному режиму. Отсюда их письма и протесты, направлявшиеся в различные советские органы, их обращения к мировой общественности с просьбой поддержать борьбу народа России за свободу творчества и духовной жизни. По тем временам это был неслыханный по своей смелости шаг. И тем не менее Синявский и Даниэль были осуждены по 70-й статье Уголовного кодекса РСФСР, прямой наследнице сталинской пятидесят восьмой. Первый писатель — к семи годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима, второй — к пяти.

Судьба этого уголовного дела — сущая головоломка, таинственный лабиринт, хотя формально наиболее очевидные процессуальные требования соблюдались. С этой точки зрения процесс не проходил по кафкианскому сценарию. Во всяком случае, не в пример Иерозему Синявский и Даниэль твердо знали, в чем их обвиняют. Но тем не менее это был спектакль, который давался два раза в сутки. Председательствующий Л. Н. Смирнов играл на низменных чувствах околосудебной публики, ломившейся на процесс, как на премьеру скандальной пьесы, и достававшей разноцветные «билеты» на утреннее и вечернее заседания. Поскольку вечером состав «зрительного зала» всякий раз бывал в большинстве своем иной, нежели с утра, Смирнов считал своим долгом повторять дважды одну режиссерскую находку, которую сам же умело воплощал как актер. Он показывал публике сочинения подсудимых, опубликованные на Западе, и произносил при этом несколько прочувствованных фраз, посвященных качественному полиграфическому исполнению книг. Литераторов, сидевших в зале, чуть не хватил удар от подобного зрелища.

Такие эмоциональные моменты сделали для создания определенного общественного мнения куда больше, чем любые доводы обвинения. А общественного обвинителя Зою Кедрину, запальчиво доказывавшую, что Юлий Даниэль (прошедший войну рядовым!), «обыкновенный фашист», после выступлений бурно поздравляли литературные дамы. Так чествовали бы они за кулисами известную актрису.

Тогдашний судебный процесс сегодня приобретает принципиальное значение. В политической истории нашего государства он стал своеобразным рубежом, который жирной чертой отделил оттепель от продолжительной политической зимы. Известно, что Хрущев, будучи в то время уже в отставке, выступал против процесса, быть может, усмотрев в этом событии отголоски собственной судьбы.

Суд над писателями повлек за собой определенную поляризацию общества. Номер дела ПИ-1-66 стал своего рода символом для обозначения государственной машины брежневской эпохи.

Сейчас все события, сопутствующие процессу, стали достоянием гласности. Сочинения Синявского и Даниэля появляются в советской печати, идеология застоя подвергается критике с трибуны высшего органа власти. Однако до сих пор вопрос о юридической реабилитации писателей остается открытым. Мы считаем необходимым присоединить свой голос к голосу общественности той поры, требовавшей свободы для невинно осужденных. Это именно они, лучшие представители русской интеллигенции, собрали в суровые годы Молчания все свидетельства и комментарии по поводу ареста и осуждения Синявского и Даниэля. На основании этих документов была составлена «Белая книга», содержащая запись судебных заседаний, протесты сотен людей, опубликованные и неопубликованные комментарии из Советского Союза, русские переводы сообщений западной прессы, а также заключительные слова самих писателей.

Андрей ВЛАДИМИРОВ

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ

Я знал, что мне будет предоставлено последнее слово, и я думал над тем, отказаться ли мне совсем от него (я имею на это право) или ограничиться несколькими обычными формулировками. Но потом я понял, что это не только мое последнее слово на этом судебном процессе, а может быть, вообще мое последнее слово в жизни, которое я могу сказать людям. А здесь люди — и в зале сидят люди, и за судебным столом тоже люди. И поэтому я решил говорить.

В последнем слове моего товарища Синявского прозвучало безнадёжное осознание невозможности пробиться сквозь глухую стену непонимания и нежелания слушать. Я настроен не так пессимистически. Я надеюсь вспомнить еще раз доводы обвинения и доводы защиты и сопоставить их.

Я спрашивал себя все время, пока идет суд: зачем нам задают вопросы? Ответ очевидный и простой: чтобы услышать ответ, задать следующий вопрос; чтобы вести дело и в конце концов довести его до конца, добраться до истины.

Этого не произошло.

Я не буду голословен, я еще раз вспомню, как все это было.

Я буду говорить о своих произведениях — надеюсь, меня простит мой друг Синявский, он говорил о себе и обо мне — просто я свои вещи лучше помню.

Вот меня спрашивали: почему я написал повесть «Говорит Москва»? Я отвечал: потому что я чувствовал реальную угрозу возрождения культа личности. Мне возражают: при чем здесь культ личности, если повесть написана в 1960—1961 годах. Я говорю: это именно те годы, когда ряд событий заставил думать, что культ личности возобновляется. Меня не опровергают, не говорят, мол, вы врете, этого не было — нет, мои слова просто пропускают мимо ушей, как если бы этих слов не было. Мне говорят: вы оклеветали страну, народ, правительство своей чудовишной выдумкой о «дне открытых убийств». Я отвечаю: так могло быть, если вспомнить преступления во время культа личности, они гораздо страшнее того, что написано у меня и у Синявского. Все — больше меня не слушают, не отвечают мне, игнорируют мои слова. Вот такое игнорирование всего, что мы говорим, такая глухота ко всем нашим объяснениям — характерны для этого процесса.

Общественный обвинитель, писатель Васильев, сказал, что обвиняет нас от имени живых и от имени погибших на войне, чьи имена золотом по мрамору написаны в

Доме литераторов. Я знаю эти мраморные доски, знаю эти имена павших; я знал некоторых из них, был с ними знаком, я свято чту их память. Но почему обвинитель Васильев, цитируя слова из статьи Синявского — «... чтобы не пролилась ни одна капля крови, мы убивали, убивали, убивали...», — почему, цитируя эти слова, писатель Васильев не вспомнил другие имена — или они ему неизвестны? Имена Бабея, Мандельштама, Бруно Ясенского, Ивана Катаева, Колцова, Третьякова, Квитко, Маркиша и многих других. Может, писатель Васильев никогда не читал их произведений и не слышал их фамилий? Но тогда, может быть, литературовед Кедрина знает имена Левинова и Нусинова? Наконец, если обнаружится такое потрясающее незнание литературы, то, может быть, Кедрина и Васильев хоть краем уха слышали о Мейерхольде? Или, если они далеки вообще от искусства, может быть, они знают имена Постышева, Тухачевского, Блюхера, Косиора, Гамарника, Якира?.. Эти люди, очевидно, умерли от простуды в своих постелях — так надо понимать утверждение, что «не убивали»? Так как же все-таки — убивали или не убивали? Было это или не было? Делать вид, что этого не было, что этих людей не убивали, — это оскорбление, простите за резкость, плевков в память погибших.

СУДЬЯ. Подсудимый Даниэль, я останавливаю вас. Ваше оскорбление не имеет отношения к делу.

ДАНИЭЛЬ. Я прошу прощения у суда за резкость. Я очень волнуюсь, мне трудно выбирать выражения, но я буду сдерживать себя.

Нам говорят: оцените свои произведения сами и признайте, что они порочны, что они клеветнические. Но мы не можем этого сказать, мы писали в соответствии с нашими представлениями о том, что происходило. Нам взамен не предлагают никаких других представлений, не говорят, были такие преступления или не были, не говорят, что нет, люди не ответственны друг за друга и за свое общество — просто молчат, не говорят ничего. Все наши объяснения, как и сами произведения, написанные нами, повисают в воздухе, не принимаются в расчет.

Вину Синявскому и мне ставится все — в частности, то, что у нас нет положительного героя. Конечно, с положительным героем легче, есть кого противопоставлять отрицательному. А наши ссылки на других писателей, у которых нет положительных героев, воспринимаются, во-первых, как попытки

сравнить себя с этими большими писателями. А во-вторых, очень простой ответ: когда речь идет о Щедрина, то в его произведениях присутствует положительный герой, это народ. Очевидно, незримо присутствует, поскольку тот народ, который изображен в «Истории города Глухова», вызывает жалость, а не восхищение. И в «Господах Головлевых» народ — положительный герой? А ссылка на сказку о том, как мужик двух генералов прокормил, — просто стыдно это слушать. Кедрин, видно, считает, что этот мужик, который из своих волос силки сделал, чтобы для генералов дичи добыть, мужик, который добровольно в рабство идет, это положительный образ русского народа? Михаил Евграфович Щедрин с этим не согласился бы!

Я не стал бы ссылаться на статью Кедринной, если бы вся система аргументации обвинения не лежала в той же плоскости. Ну как доказать антисоветскую сущность Синявского и Даниэля? Тут применялось несколько приемов. Самый простой, лобовой прием — это приписать мысли героя автору; тут можно далеко зайти. Напрасно Синявский считает, что только он объявлен антисемитом. Я, Даниэль Юлий Маркович, еврей, — тоже антисемит. Все при помощи простого приема: у меня старичок-официант говорит что-то о евреях, и вот в деле имеется такой отзыв: «Николай Аржак — законченный, убежденный антисемит». Может, это какой-нибудь неискушенный рецензент пишет? Нет, это пишет в своем отзыве академик Юдин...

Есть еще и такой прием: изоляция отрывка из текста. Надо выдернуть несколько фраз, купюры сделать — и доказывать все, что угодно. Самый убедительный пример этого приема — как «Говорит Москва» сделали призывом к террору.

Еще один прием: подмена обвинения героя вымышленным обвинением советской власти — то есть автор говорит какие-то слова, разоблачая героя, а обвинение считает, что это про советскую власть говорится. Вот пример. Обвинительное заключение построено в большей части на отзыве Главлита. А в отзыве Главлита говорится буквально следующее: «Автор считает возможным в нашей стране проведение Дня педераста». А на самом деле речь идет о приспособленце, цинике, художнике Чупрове, что он хоть про День педераста станет плакаты писать, лишь бы заработать, это про него главный герой говорит. Кого он тут осуждает — советскую власть или, может, другого героя?

Еще один, тоже очень простой, но очень сильный прием доказательства антисоветской сущности: выдумать идею за автора и сказать, что в произведении есть антисоветские выпады, когда их там нет. Вот рассказ «Руки». Мой защитник Кисеницкий аргументированно доказал, что в этом рассказе нет антисоветской идеи, как его ни толкуй. Возражая ему, Кедрин сказала: «Вы посмотрите, с какой вообще несвойственной ему выразительностью и яркостью Даниэль изобразил сцену расстрела». Прошу, очень прошу, взвесьте, что вы сказали: яркость и выразительность описания служат для доказательства антисоветской сущности. Это был ответ на выступление защитника по поводу рассказа «Руки» — и ни слова больше.

Как нас еще обвиняют? Критика определенного периода выдается за критику всей эпохи, критика пяти лет — за критику пятидесяти лет, если даже речь идет о двух-трех годах, то говорят, что это про все время.

Пускаются в ход страшные приемы: обвинитель Васильев говорит, что за тридцать сребренников, пеленки, нейлоновые рубашки мы продались, что я бросил честный учительский труд и ходил с протянутой рукой по редакциям, вымывая переводы. Я мог бы попросить жену, и она принесла бы ворох писем от поэтов, которые просят меня перевести их стихи. Не на легкие переводческие хлеба я ушел от обеспеченного преподавательского заработка, а потому, что с детства мечтал о поэтической работе. Первый перевод я сделал, когда мне было двенадцать лет. Какие это легкие хлеба, любой переводчик знает. Я оставил обеспеченную жизнь, обменял ее на необеспеченную. Я относился к этому как к делу своей жизни, никогда не халтурил. Среди моих переводов были, может быть, и плохие, и посредственные, но это от неумения, а не от небрежности.

Любое наше высказывание, самое невинное, такое, какое смог бы произнести любой из сидящих здесь, перетолковывается: в «Говорит Москва» речь идет о передовице в «Известиях» — «а-а, вы издеваетесь над газетой «Известия». Не над газетой, а над газетным штампом, над суконым языком. Мне злорадно говорят: «Наконец-то вы заговорили своим голосом!» Неужели сказать о газетных штампах, о суконом газетном языке — антисоветчина? Мне это непонятно. Хотя нет, в общем-то все понятно...

Ничто здесь не принимается во внимание: ни отзывы литературоведов, ни показания свидетелей.

Как мы оба говорили на предварительном следствии и здесь, мы глубоко сожалеем, что наши произведения использовали во вред реакционные силы, что тем самым мы причинили зло, нанесли ущерб нашей стране. Мы этого не хотели. У нас не было злого умысла, и я прошу суд это учесть.

Я хочу попросить прощения у всех близких и друзей, которым мы причинили горе.

Я хочу еще сказать, что никакие уголовные статьи, никакие обвинения не помещают нам — Синявскому и мне — чувствовать себя людьми, любящими свою страну и народ.

Это все.

Я готов выслушать приговор.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО

Мне будет довольно трудно говорить, так как я не рассчитывал, что сегодня будет последнее слово, мне сказали, что в понедельник, и я не подготавливался. Но еще труднее — в силу определенной атмосферы, которая здесь достаточно ощутима. Доводы обвинения меня не убедили, и я остался на прежних позициях. Доводы обвинения — они создали ощущение глухой стены, сквозь которую невозможно пробиться до чего-то, до какой-то истины. Аргументы прокурора — это аргументы обвинительного заключения, аргументы, которые я много раз слышал на следствии. Художественный прием — повторение одних и тех же формулировок — сильный прием. Создается какая-то пелена, особенно наэлектризованная атмосфера, когда кончается реальность и начинается чудовищное — почти по произведениям Аржака и Терца. Это атмосфера темного антисоветского подполья, скрывающегося за светлым лицом кандидата наук Синявского и поэта-переводчика Даниэля, готовящих заговоры, перевороты, террористические акты, погромы, убийства... В общем, «день открытых убийств», только исполнителей двое: Синявский и Даниэль. Тут, действительно, очень страшно и неожиданно художественный образ теряет условность, воспринимается буквально, так что судебная процедура подключается к тексту как естественное его продолжение. Я имел несчастье пометить эпизод повести «Суд идет» 1956 годом: «автор оклеветал 1956 год — ага, автор, ты предсказал — иди теперь в лагерь в 1966 году». Злорадные интонации явственно звучали у обвинителей.

Но появились новые штрихи. Новые штрихи — это политическое подполье переходит в подполье вырожден, людоедов, живущих самыми темными инстинктами: ненавистью к матери, ненавистью к собственному народу, фашизмом, антисемитизмом. Трудно объяснить Даниэля антисемитом. Так вот: фашист Даниэль под руку с антисемитом Синявским.

Синявский топчет все самое святое, вплоть до матери. Поэтому рассеять эту атмосферу крайне трудно, здесь не помогут ни развернутые аргументы, ни концепции творчества. Уже на следствии я понял, что не это интересует обвинение — интересуют отдельные цитаты, которые повторяются и повторяются. Я не берусь ни объяснять замыслы, ни читать лекции про создавшуюся обстановку, ни доказывать — это бесполезно. Я хочу только напомнить некоторые аргументы, элементарные по отношению к литературе. С этого начинают изучать литературу: слово — это не дело, а слово; художественный образ условен, автор не идентичен герою.

Это азы, и мы пытались говорить об этом.

Но обвинение упорно отбрасывает это как выдумку, как способ укрыться, как способ обмануть. И вот получается: повесть «Говорит Москва», если ее внимательно прочесть, да что там прочесть — хоть пробежать, кричит одно слово: «Не убей!»

«Я не могу и не хочу убивать: человек во всех обстоятельствах должен оставаться человеком!» Но никто не слышит этого: «Ага, ты хотел убить, ты убийца, ты фашист?» Здесь происходит чудовищная подмена. Герой по-

вести «Суд идет» Глобов, человек, может быть, неплохой, в соответствии с некоторыми установками времени высказывает антисемитские настроения, произносит какие-то антисемитские слова: «Рабинович, увертливый, как все евреи...» Ясно, что повесть против антисемитизма, в ней речь идет о деле врачей — но нет, это автор — антисемит, а ну-ка его к фашистам поближе!

Тут логика кончается. Автор уже оказывается садистом. Понятие «антисемитизм» обычно связывается с великодержавным шовинизмом. Но тут какой-то особенно изощренный автор: он и русский народ ненавидит, и евреев. Все ненавидит: и матерей, и человечество. Возникает вопрос: откуда такое чудовище, из какого болота, из какого подполья? По-видимому, обычно советский суд (я знаю об этом из книг) при решении вопроса интересуется происхождением преступления, его причиной. Сейчас обвинение этим не интересуется. Вот откуда-то, должно быть из Америки, нас с Даниэлем сбросили с парашютом, и мы начали все разить — такие негодяи! Меня тут с Грацианским сравнивали — так у него темное происхождение, потом он, кажется, шпион. Вполне понятный путь. Ну а неужели у обвинения о нас не возник вопрос — откуда? Откуда в нашей стране фашист? Ведь если разобратся, то это проблема куда более страшная, чем две книжки, даже очень антисоветского содержания. Эти вопросы обвинением даже не поставлены. Так просто — ходят благополучные снаружи люди, а внутри они фашисты, готовые поднять мятеж и сбросить бомбу. Или эти слова были брошены в лицо просто ради оскорбления?

Государственного обвинителя я понимаю. У него более широкие задачи, он не обязан всякие там литературные особенности учитывать: автор, герой, то да се... Но когда с такими заявлениями выступают два члена Союза писателей, из которых один — профессиональный литератор, а другой — дипломированный критик, и они прямо рассматривают слова отрицательных персонажей как авторские мысли — тут уже теряешься. Например, высказывания о классиках в «Графоманах»: нельзя же оттого, что повесть от первого лица, от лица графомана неудачника, заключать, что автор ненавидит классиков. Так может считать малограмотный человек, который только читать научился. Тогда, конечно, Достоевский — человек из подполья, Клим Самгин — это Горький, а Иудушка — Салтыков-Щедрин. Тогда все наоборот будет.

В глубине души я считаю, что к художественной литературе нельзя подходить с юридическими формулировками. Ведь правда художественного образа сложна, часто сам автор не может ее объяснить. Я думаю, что если бы у самого Шекспира (я не сравниваю себя с Шекспиром, никому это и в голову не придет), если бы у Шекспира спросили: что означает Гамлет? Что означает Макбет? Не подкуп ли тут? — я думаю, сам Шекспир не смог бы точно ответить на это. Вот вы, юристы, имеете дело с терминами, которые чем уже, тем точнее. В отличие от термина значение художественного образа — он тем точнее, чем шире.

Редакции бюллетеня «Совершенно секретно», журнала «ДиП» и совместного советско-французского предприятия ДЭМ открыли во Внешэкономбанке счет на 50 000 рублей для оказания помощи членам семей русских военнослужащих Советской Армии, МВД и КГБ СССР, временно эвакуированных из Закавказья в Москву в связи с критическим обострением межнациональных отношений.

И все мне снится сон, что я еврейский мальчик, и в этом русском сне я прожил жизнь мою.

Борис Чичибабин

НАЦИОНАЛИЗМ — ГОЛОД ПО ВЛАСТИ

«Национализм, — писал Джордж Оруэлл, — это голод по власти, закаленный самообманом». Легкий голод можно утолить всего за пятьдесят копеек: в самом центре города, на Невском проспекте, около величественного православного собора свободно продается «Катехизис для евреев, проживающих в Советском Союзе». По сути — парафраз «Протоколов сионских мудрецов», по форме — инструкция для членов подпольной организации, по объему — восемь страниц через полтора интервала...

«Создавайте свои коллективы и этими коллективами отталкивайте неевреев... Мы создаем коллективы для того, чтобы гои не мешали нам жить по-своему... Русские не способны глубоко мыслить, анализировать, делать глубокие обобщения, они подобны свиньям, которые живут, уткнувшись рылом в землю, не подозревая, что есть небо... Русские глупы и грубы. Свою глупость и грубость они именуют честностью и порядочностью, принципиальностью... Кладите предметы на их вещи, наступайте им на ноги, наваливайтесь на них, дышите им в лицо, разговаривайте громко. Пусть они постоянно ощущают Ваш локоть своим боком... Обвиняйте в антисемитизме тех, кто пытается разоблачить Вас. Клейте им ярлыки антисемитов — и Вы увидите, с каким удовольствием остальные подхватят эту версию. Вообще-то русские все антисемиты... Пусть гои обеспечивают черную, материально-техническую работу — базу нашего творчества. Пусть они следят за чистотой наших помещений и охраняют плоды наших трудов. Пусть они будут не выше вахтера или уборщицы. К творчеству в виде исключения можно допускать гоев только нерусского происхождения. Не допускайте к этому русские!!! ...Вынуждайте их (молодых и перспективных русских, — М.З.) жениться на еврейских женщинах и только после этого открывайте им зеленую улицу... Отныне их зарплата — наш национальный доход... Берите себе в жены красивых и здоровых русских женщин. Пусть они принесут нам здоровое потомство, пусть они улучшат нашу породу...»

Цель этого документа — очередной фальшивки — ясна: натравить одних на других, создать образ врага, вызвав зоологическую ненависть к евреям, заставив читателя поверить, что евреи — в отличие, скажем, от русских, чувашей или англосаксов — сплочены в мощную тайную мировую организацию, задача которой — покорить весь мир и, в частности, создать на российской земле «новый Сион». Именно для создания образа врага в уста мифических «евреев» и вложен безумный монолог, наполненный ненавистью к русским. Он-то и должен заставить их наконец объединиться в ответ на объединение евреев.

Я цитирую антисемитскую подделку отнюдь не для того, чтобы в очередной раз бесильно посотавать на то, что антисемитизм существует, что он губителен для всех. Да, существует, и не первый век. Но и сегодня такие идеи и настроения находят, увы, относительно широкую массовую поддержку. Здесь, по-моему, играют свою роль и низкая общая культура, и социальная напряженность, и навык считать виновниками всех бед внешних и внутренних врагов, которых стоит только выловить, как дело пойдет на лад, и среди которых почетное место по традиции отведено жидомасонской мафии... Наконец, одной из форм острой неудовлетворенности жизнью оказывается внезапно осознанная недостаточная реализованность русского национального сознания, у которого десятилетиями действительно отнимали специфические способы проявления (например, религию).

В условиях традиционной для России безграничной государственной власти, глубоко-го проникновения государства в личную жизнь и сознание человека (в том числе в его национальное сознание) национальность из компонента самосознания давно и прочно превратилась у нас в строчку анкет и паспортов, в данные, которые регулирует или подтверждает государство (уникальный советский эвфемизм — «пятый параграф»). Поэтому вполне понятно, что для реализации своей национальной сущности человек требует гарантий у государства, понимая, что национальность у нас (как и все остальное) — не личное дело каждого, не элемент неофициальной частной сферы (как должно быть и есть в нормальных странах), а результат государственной санкции. («...Национальность определяется не свободным выбором, не языком, не культурой (или религией), не национальной средой, в которой вырос, воспитан и живет гражданин... а только неким биологически-генеалогически — администра-

тивным роком», — писал Лев Копелев.)

При таком подходе уже не мирное и свободное сосуществование и соревнование национальных культур и людей различных национальностей, а искусственное ускорение развития одних и подтормаживание (или полная остановка) других видится как идеальное положение. Не случайно активисты «Памяти» и ряда идеологически идентичных организаций типа «Россов», Национально-демократической партии, Национально-православного центра требуют ограничить доступ евреям в различные учреждения, запретить занятия определенных должностей, жестко регулировать смешанные браки (что «приятно» напоминает о национал-социализме).

Говоря о «Памяти», можно, пользуясь словами Н. Бердяева, сказать, что речь идет о политическом антисемитизме, целью которого является сохранение централизованной власти перед лицом внешней (еврейской) опасности. Чем она выше, тем настоятельнее и потребность в той административно-политической структуре, которую мы унаследовали от сталинщины, тем важнее ее сохранить и упрочить. Воистину, «национализм... не отделим от стремления к власти».

«ИМПЕРСКАЯ» ПРИВИВКА, ИЛИ «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ»

В выпущенной «Памятью» листовке «Кризисное состояние триединой русской нации. Главные проблемы» в тезисе пятом «Тотальная дискриминация русских в науке и сфере искусств» подчеркивается: «Официальные публикации сообщают, что 45 процентов докторов и кандидатов наук, по отношению ко всем остальным народам СССР, занимает национальность, которая по численности составляет 0,69 процента от всего населения, — евреи... (Необходимое примечание — в эти официальные 45 процентов входят только евреи «по паспорту», евреи, маскирующиеся русской фамилией и национальностью, — не учитывались! А сколько их? «Легион имя мне, потому что нас много!!!»)

Нет, не в том дело, что евреи в листовке именуются «бесами». И не в том, что официальные данные по национальному составу докторов и кандидатов отсутствуют. Симптоматичен сам пересчет евреев «официальных» и призыв выявить замаскировавшихся, скрывшихся от русско-государственного учета. Симптоматичны и другие предложения вышеназванных организаций, основывающиеся на том, что национальное сознание русских не может полноценно реализовать себя иначе, как только с помощью тотального государственного устройства. Именно для этого — по логике «Памяти» и иже с ней — нужна еще одна — российская — компартия, а значит, еще один ЦК и аппарат, еще одна столица и так далее. Симптоматично и то, что все советские евреи рассматриваются как участники единой организации (в вульгарном сознании — сионистской). В этом именно и проявляется «гипергосударственное» мышление, видящее всякое общество как действующую армию и неспособное представить общность (на-

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

Этот материал нам передал сотрудник журнала «Искусство Ленинграда». Опубликовать его в городе на Неве автору, к сожалению, не удалось.

цию), не сплоченную в «один отряд» во главе с одним генералом, с одним «отцом нации». Отсюда и энергичные требования по «доорганизации» русских, по созданию дополнительных государственных и полугосударственных форм их сплоченности, по крайней мере, равномошной якобы существующим тайным еврейским («сионистским») или «массонским» организациям.

Причина «государственно-националистического» мышления скрыта в толще столетий, проведенных Россией под властью самодержавия. Как верно заметил публицист Михаил Широкий, «в России национальное движение среди русских отодвинулось в тень фальшивым «аналогом» — великодержавным шовинизмом правящих кругов, подменявших заботу о национальном благе русского народа заботой о целостности и расширении империи».

«Имперская» прививка, православно-полицейский национализм, полагаю, и предопределили те организационные «великодержавные» формы, которые ряд шовинистических организаций предлагает уже в наши дни в качестве средства для реализации русского национального самосознания, а «массовый человек» с восторгом подхватывает. Трагедия, однако, в том, что проблема нереализованности русского национального сознания существует, но предлагаемое средство ее решения лишь способно увести в противоположную сторону, ибо сверхгосударство всегда имеет свои собственные, «надчеловеческие» цели и ориентиры.

Игнорируя тот факт, что угроза всякому национальному сознанию (в том числе, конечно, и русскому) исходит от сверхгосударства, безразличного к интересам отдельного человека, идеологи националистических обществ борются не с государством за то, чтобы национальное сознание стало личным делом каждого, а за государство, только еще более мощное и более «правильное». Именно с сильным мононациональным государством связывается надежда на русское национальное возрождение. И именно к государству (как когда-то к городскому) апеллируют идеологи «Памяти» и других подобных организаций (стоит ли удивляться, что городские власти вовсе не торопятся препятствовать их деятельности).

«Активно участвуя в уничтожении русского народа, сегодня еврейские шовинисты преданно служат системе и бюрократии. Членов партии среди евреев пропорциональ-

но вдвое больше, чем среди русских! Утратив господствующую роль в правящей прослойке, евреи многократно усилили свое влияние в идеологической сфере, особенно в средствах массовой информации, и несут поэтому вместе с партией всю ответственность за трагедию нашего отечества. Ныне они сумели стать главными «прорабами перестройки», которую вполне сознательно направляют в тупик, чтобы вызвать народное недовольство и ради своей выгоды разжечь новую братоубийственную смуту (в которой они как меньшинство неизбежно погибнут?— М.З.). Для этого они ретиво действуют и на другом фланге— среди левых неформальных объединений: Демократического союза, Народного фронта и разных клубов. Ловко спекулируя на законных требованиях людей, еврейские националисты (путаница в элементарном: еврейскую национальность подменили еврейским национализмом.— М.З.) опять лезут в революционные вожди с целью растлить и расшатать общество. Но нам не нужны новые Троцкие, Володарские, Урицкие, не нужна новая братоубийственная смута! Нам нужна Россия— великая, свободная, нравственная держава! Так давайте же без них обдумывать и решать судьбу и будущее нашей Родины! К этому вас призывает национально-патриотический фронт «Память»...» («К русским студентам». Листовка (сентябрь 1988 г.). На листовке указаны фамилии авторов: Н.Ф. Жербин и Д.Г. Демидов.)

«Расшатывание» сталинско-брежневского общества, по мнению «Памяти», недопусти-

мо, и желают этого только враги-сионисты. В обращении оргкомитета Национально-демократической партии говорится еще более откровенно: «Мы полагаем, что серия политических провокаций (расправа с мирной демонстрацией в Тбилиси, бездействие при погромах в Сумгаите и Фергане) срежиссирована мафиозно-сионизированными структурами и направлена на дискредитацию и раскол армии, МВД, КГБ, т.е. на создание предпосылок к гражданской войне и анархии. Не снимая ответственности с этих организаций, а также с отдельных членов КПСС за тоталитарное прошлое нашей страны, мы тем не менее считаем, что они сегодня являются определенными гаран-тами от сползания страны к анархии и гражданской войне...» (Крылов Е., Перин Р. «Забвение прошлого грозит его повторением». Обращение организационного комитета Национально - демократической партии. Л., 1989.) И здесь же предложена следующая программа из шести пунктов:

«1. Принятие нового закона о выборах, гарантирующего пропорциональное представительство наций и пресекающего национальную мимикрию, основанного на производственно-территориальном принципе.

2. Широкое освещение в органах массовой информации национального аспекта послеоктябрьской трагедии.

3. Предоставление избирателям права получать исчерпывающую информацию о фактической национальности кандидатов и членов их семей.

4. Автоматический отзыв депутатов (в т.ч. избранных),

скрывших свою фактическую национальность или не выполняющих свои предвыборные обещания.

5. Десионизация средств массовой информации для обеспечения гласности в национальном вопросе. Немедленное предоставление в качестве первого шага Российского телевизионного канала информации.

6. Опубликование национального состава государственных и общественных структур на протяжении последних 70 лет и их вклад в развитие народного хозяйства, науки и культуры страны».

К возрождению национального самосознания такая программа привести не может ничего, в том числе и русских, лицемерной заботой о коих пронизано все обращение Национально - демократической партии. Авторы его намекают, в частности, на желательность возрождения национального государства, которое якобы существовало в конце прошлого века в Российской империи с ее лозунгом «Россия для русских». Но может ли быть идеалом в конце XX века государство имперского типа, в котором национальное сознание вытеснено и подавлено шовинизмом? А, с другой стороны, возможно ли русское национальное государство в условиях сложившегося у нас и до сих пор не демонтированного сверхгосударства сталинского типа? Надо полагать, нет.

ОБЩАЯ ПРОБЛЕМА

А вот еще один факт политической жизни города на Неве. 21 ноября прошлого года ленинградская «Смена», опубликовав статью Г. Ру-

бинского «От лукавого...», дезавуировала пресловутого А. Романенко, судящегося до сих пор с писательницей Н. Катерли из-за своей погромной книжки «О классовой сущности сионизма».

Оказалось, что вся жизнь А. Романенко— обманы, подделки, снова обманы— со-служивцев, командования, товарищей. Ни в каких войнах он не участвовал, в атаку никого не поднимал. Все построено на лжи. Но неужели наши вездесущие органы с самого начала не знали содержания личного дела борца с сионизмом, хранящегося в Ленгорвоенкомате?

«...Партийный аппарат в своей консервативной части давно оказывал покровительство правым шовинистам. Но сегодня ситуация резко усугубилась, и налицо складывающийся союз, направленный против демократических движений вообще... Мы должны трезво сознавать, что дело не в «еврейской проблеме», не в космополитизме или уязвленном патриотизме— хотя все эти компоненты присутствуют в реальном общественном раскладе— а, главным образом, в попытке создать крайне правое движение, объединяющее черносотенцев, сталинистов, вставших в панику аппаратчиков, запутавшуюся часть молодежи».

Это бьет тревогу Совет творческих союзов Ленинграда. Но почему его манифест «Что мешает демократическому обновлению в Ленинграде» опубликован не в Ленинграде, а «за границей»— в Риге, в «Вестнике еврейской культуры»? Разве это еврейская, а не общая, в том числе и русская, проблема?

«Я ТРЕБУЮ СВЯТО СОБЛЮДАТЬ РАСОВЫЕ ЗАКОНЫ...»

(из завещания Адольфа Гитлера)

Прошло более тридцати лет с тех пор, как в 1914 году я стал добровольцем, чтобы защитить рейх от нападения.

Все эти три десятилетия я был полон любви к моей нации. Только эта любовь двигала всеми моими поступками, мыслями, всей моей жизнью, наконец... Эти три десятилетия любви к нации и работа на ее благо потребовали отдачи всех моих сил, всего здоровья.

Это ложь, будто кто-либо в Германии 1939 года хотел войны.

Войну спровоцировали интернационалисты еврейской национальности или те, кто им служит.

Я сделал слишком много для того, чтобы провести в жизнь ограничение вооружений и контроль над ним. Именно поэтому и были предприняты попытки возложить на меня ответственность за войну. С тех пор как я был добровольцем на полях мировой битвы, я никогда не хотел новой войны— ни против Англии, ни против Америки. Пройдут годы, но сквозь руины наших городов и памятников произрастет правда о всех тех, кто совершил это злодеяние: и это будет правда о международном еврействе и его слугах.

Всего лишь за три дня перед началом германо-польской войны я внес предложение о мирном решении проблемы. Мой план был изложен английскому послу в Берлине: международный контроль наподобие того, какой был учрежден в Саарской области. Мой план был отвергнут без обсуждения, потому что правящая клика Англии хотела войны, частично по соображениям коммерции, частично под влиянием пропаганды, находившейся в руках международного еврейства.

Полная ответственность за трагедию европейских народов, переживших ужасы нынешней войны во имя выгод финансового капитала, лежит целиком и полностью на евреях. Я же сделал все, что мог, чтобы миллионы детей Европы арийского происхождения не голодали, миллионы мужчин не гибли на полях битвы, сотни тысяч женщин и младенцев не подвергались насилию и

бомбардировкам.

После шести лет войны, которая, несмотря на все отступления, в один прекрасный день будет признана самой героической борьбой нации за свое существование, я не могу оставить город, который является столицей рейха. Поскольку наши войска слишком робки, чтобы отразить атаки врага, поскольку сопротивление было поручено организовать тем, у кого нет должного характера, я решил разделить судьбу тех миллионов, которые решились защищать город.

Я ни в коем случае не отдам себя в руки врагов, которые наверняка приготовили новый спектакль по сценарию евреев, чтобы порадовать массы, вставшие в состояние истерии.

Я уйду из жизни добровольно в том случае, если пойму, что положение фюрера и рейхсканцлера безнадежно. Я умру с легким сердцем, потому что знаю, как многого добились наши крестьяне и рабочие, я умру с легким сердцем, ибо вижу совершенно уникальную преданность моему делу нашей молодежи. Я бесконечно благодарен им и завещаю им продолжать борьбу, следуя идеалам великого Клаузевица. Гибель на полях битвы приведет в будущем к великопленному возрождению идеалов национал-социализма на базе единства нашей нации.

Множество мужчин и женщин решило связать свои жизни с моею. Я благодарю их за это, однако приказываю им не разделять моей судьбы, но продолжать битву на фронтах. Я приказал командующим армиями, флотом и авиацией крепить в войсках дух национал-социализма, объясняя солдатам, что я— фюрер и создатель движения— предпочел смерть капитуляции...

Перед смертью я исключаю из партии бывшего рейхсмаршала Германа Геринга, я отнимаю у него все те права, которые были ему пожалованы декретом 29 июня 1941 года и решением рейхстага от 1 сентября 1939 года. На его место я назначаю адмирала Деница— в качестве президента рейха и главнокомандующего вооруженными силами.

Перед смертью моей я исключаю из пар-

тии и снимаю со всех занимаемых должностей бывшего рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Генриха Гиммлера. На его место— в качестве рейхсфюрера СС— я назначаю гауляйтера Карла Ханке, а министром внутренних дел я назначаю гауляйтера Пауля Гислера.

Помимо акта нежелательности по отношению ко мне Геринг и Гиммлер бросили пятно невыразимого позора, начав секретные переговоры с врагом, не поставив меня об этом в известность, против моей воли. И, наконец, в их поступках видно желание узурпировать власть в рейхе...

Несколько человек, среди которых Мартин Борман, доктор Геббельс и ряд других— вместе с их женами— присоединились ко мне по своей доброй воле, не желая покидать столицу ни при каких обстоятельствах. Они намерены уйти из жизни вместе со мною. Я, однако, считаю, что вопрос борьбы нации является собою нечто большее, чем их желание. Я убежден, что мой дух после моей смерти не оставит их, но будет помогать им во всех их начинаниях... Пусть они всегда помнят, что наша задача, то есть консолидация национал-социалистического государства, является собою задачей веков, которые грядут, и поэтому будущее каждого индивида должно быть тщательно скоординировано с интересами всеобщего блага. Я прошу всех немцев, всех национал-социалистов, мужчин и женщин, всех солдат вермахта сохранять верность— до последней капли крови— новому правительству и его президенту.

И— главное— я требую от правительства и народа свято соблюдать расовые законы и всеми силами противостоять интернациональному еврейству.

Берлин, 29 апреля 1945 года, 4 часа утра.

Свидетели: доктор Йозеф Геббельс,

Мартин Борман, Вилгельм Бургдорф, Ганс Кребс.

(В СССР этот документ был опубликован единственный раз в романе Юлиана Семенова «Приказано выжить», который вышел в свет в 1983 году.)

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата.
Порядка в ней лишь нет.

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить».

Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
«Придите, господа!

Мы вам отсыпьем злата,
Что киевских конфет;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

Варягам стало жутко,
Но думают: «Что ж тут?
Попытка ведь не шутка —
Пойдем, коли зовут!»

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

«Ну, — думают, — команда!
Здесь ногу сломит черт,
Es ist ja eine Schande,
Wir müssen wieder fort»¹.

Но братец старший Рюрик
«Постой, — сказал другим, —
Fortgeh'n wär ungebührlich,
Vielleicht ist's nicht so schlimm»².

Хоть вшивая команда,
Почти одна лишь шваль:
Wir bringen's schon zustande,
Versucher wir einmal»³.

И стал княжить он сильно,
Княжил семнадцать лет,
Земля была обильна,
Порядка же нет как нет!

За ним княжил князь Игорь,
А правил им Олег,
Das war ein großer Krieger⁴
И умный человек.

Потом княжила Ольга,
И после Святослав;
So ging die Reihenfolge⁵
Языческих держав.

Когда ж вступил Владимир
На свой отцовский трон,
Da endigte für immer
Die alte Religion⁶.

Он вдруг сказал народу:
«Ведь наши боги дрянь,
Пойдем креститься в воду!»
И сделал нам Иордань.

«Перун уж очень гадок!
Когда его спихнем,
Увидите, порядок
Какой мы заведем!»

Послал он за попами
В Афины и Царьград,
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадят,

Поют себе умильно
И полнят свой кисет;
Земля, как есть, обильна,
Порядка только нет.

Умре Владимир с горя,
Порядка не создав,
За ним княжить стал вскоре
Великий Ярослав.

Оно, пожалуй, с этим
Порядок бы и был;
Но из любви он к детям
Всю землю разделил.

Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:
Кто как и чем во что!

Узнали то татары:
«Ну, — думают, — не трусь!»
Надели шаровары,
Приехали на Русь.

«От вашего, мол, спора
Земля пошла вверх дном,
Постойте ж, мы вам скоро
Порядок наведем».

Кричат: «Давайте дани!»
(Хоть вон святых неси.)
Тут много всякой дряни
Настало на Руси.

Что день, то брат на брата
В орду несет извет;
Земля, кажись, богата —
Порядка ж вовсе нет.

1. Ведь это позор — мы должны убраться прочь (нем.).

2. Уйти было бы неприлично, может быть, это не так уж плохо (нем.).

3. Мы справимся, давайте попробуем (нем.).

4. Это был великий воин (нем.).

5. Такова была последовательность (нем.).

6. Тогда пришел конец старой религии (нем.).

Граф Алексей Константинович ТОЛСТОЙ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ОТ ГОСТОМЫСЛА ДО ТИМАШЕВА

Это произведение в сталинско-брежневские времена замалчивалось, широко не публиковалось. Кое-кто из квасных патриотов называл его русофобским. Не странно ли — русский аристократ, друг императора Александра II-Освободителя граф Алексей Константинович Толстой — русофоб?!

Рисунки из серии «Силуэты» графа Федора Петровича ТОЛСТОГО (1783—1873)

Иван явился Третий;
Он говорит: «Шалишь!
Уж мы теперь не дети!»
Послал татарам шиш.

И вот земля свободна
От всяких зол и бед
И очень хлебородна,
А все ж порядка нет.

Настал Иван Четвертый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.

Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьезный,
Солидный человек.

Приемами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завел порядок,
Хоть покати шаром!

Жить можно бы беспечно
При этаким царе;
Но ах! ничто не вечно —
И царь Иван умре!

За ним царить стал Федор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд.

Борис же, царский шурин,
Не в шутку был умен,
Брюнет, лицом недурен,
И сел на царский трон.

При нем пошло все гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка
В земле он не завел.

К несчастью, самозванец,
Откуда ни возьмись,
Такой задал нам танец,
Что умер царь Борис.

И, на Бориса место
Взобравшись, сей нахал
От радости с невестой
Ногами заболтал.

Хоть был он парень brave
И даже не дурак,
Но под его державой
Стал бунтовать поляк.

А то нам не по сердцу;
И вот однажды в ночь
Мы задали им перцу
И всех прогнали прочь.

Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

Вернулись поляки,
Казаков привели;
Пошел сумбур и драки:
Поляки и казаки,

Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя как раки
Горюем на мели.

Прямые были страсти —
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далеко не уйдешь.

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.

И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Взвела на русский трон.

Свершилось то летом;
Но был ли уговор —
История об этом
Молчит до этих пор.

Варшава нам и Вильна
Прислали свой привет;
Земля была обильна —
Порядка же нет как нет.

Сев Алексей на царство,
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тут новая пора.

Царь Петр любил порядок,
Почти как царь Иван,
И так же был не сладок,
Порой бывал и пьян.

Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец;
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!..

Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!»
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.

Вернувшись оттуда,
Он гладко нас обрил,
И к святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил.

Но это, впрочем, в шутку,
Петра я не виною:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

Хотя силен уж очень
Был, может быть, прием;
А все ж довольно прочен
Порядок стал при нем.

Но сон объял могильный
Петра во цвете лет,
Глядишь, земля обильна,
Порядка ж снова нет.

Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц.

Бирон царил при Анне;
Он сущий был жандарм,
Сидели мы как в ванне
При нем, daß Gott erbarm!⁷

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.

Какая ж тут причина
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветет,—
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот,—

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».
«Messieurs, — им возразила
Она, — vous me comblez»⁸, —
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

За ней царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,
Но не совсем он правил
На рыцарский манер.

Царь Александер Первый
Настал ему взамен,
В нем слабы были нервы,
Но был он джентльмен.

Когда на нас в азарте
Стотысячную рать
Надвинул Бонапарте,
Он начал отступать.

Казалось, ну, ниже
Нельзя сидеть в дыре,
Ан глядь: уж мы в Париже,
С Louis le Désiré.

В то время очень сильно
Расцвел России цвет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет.

Последнее сказанье
Я б написал мое,
Но чаю наказанье,
Боюсь monsieur Veillot.

7. Помилуй бог! (нем.)

8. Господа, вы слишком добры ко мне (франц.).

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

Оставим лучше троны,
К министрам перейдем.
Но что я слышу? стоны,
И крики, и содом!

Что вижу я! Лишь в сказках
Мы зрим такой наряд;
На маленьких салазках
Министры все катят.

С горы со криком громким
In cogroge⁹, сполна,
Скользя, свои к потомкам
Уносят имена.

Их много, очень много,
Припомнить всех нельзя,
И вниз одной дорогой
Летят они, скользя.

Я грешен: летописный
Я позабыл свой слог;
Картина живописной
Противостать не мог.

Лиризм, на все способный,
Знать, у меня в крови;
О Нестор преподобный,
Меня ты вдохнови.

Поуспокой мне совесть,
Мое усердие зря,
И дай мою повесть
Окончить не хитря.

Итак, начавши снова,
Столбец кончаю свой
От рождества Христова
В год шестьдесят восьмой.

Увидя, что все хуже
Идут у нас дела,
Зело изрядно мужа
Господь нам ниспосла.

На утешенье наше
Нам, аки свет зари,
Свой лик яви Тимашев —
Порядок водвори.

Что аз же многогрешный
На бранных сил листах
Не дописал поспешно
Или переписях,

То, спереди и сзади
Читая во все дни,
Исправи правды ради,
Писанья ж не кляни.

Составил от былинок
Рассказ немудрый сей
Худый смиренный инок,
Раб божий Алексей.

9. В полном составе (лат.).

ПОЧТА «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Главному редактору Московской
штаб-квартиры МАДПР
т. СЕМЕНОВУ Ю. С.

Министру связи
Азербайджанской ССР
т. АХУНДОВУ Б. М.

В № 4 газеты «Совершенно секретно» опубликована копия телеграммы Минсвязи Азербайджанской ССР в адрес органов связи на местах, определяющей порядок обработки телеграмм в республике, поступающих в адрес XXVII съезда КПСС.

Помещенный в газете комментарий совершенно бесознательно придает совершенно противоположного характера политическую окраску.

Вслед за этой публикацией 06.11.89 бакинская газета «Азербайджан» напечатала под шапкой «Совершенно секретно» ту же телеграмму без каких-либо пояснений ее действительного назначения.

В результате этих публикаций среди общественности Азербайджана создалось мнение, что местные связи допускают смысловые корректировки или задержку и непередачу телеграмм. Некоторые представители общественности требуют отстранения от занимаемых должностей министра связи Азербайджанской ССР т. Ахундова Б. М. и начальника управления министерства т. Сеид-Заде Р. М.

В связи с этим Министерство связи СССР считает необходимым дать следующее разъяснение.

В целях обеспечения своевременной и качественной обработки телеграмм во время важных общественно-политических мероприятий (съездов КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов и т. д.) Министерством связи СССР проводится целый ряд организационно-технических мероприятий.

Так, например, приказом Минсвязи СССР от 10.01.86 № 13 было определено, что все оконечные пункты передачи телеграмм в адрес XXVII съезда КПСС только на свой областной, краевой, республиканский телеграф, на специально выделенные рабочие места.

Данный порядок определен тем, что в адрес съезда на Московский телеграф за небольшой отрезок времени поступает до 50 тыс. телеграмм, что многократно превышает нагрузку в простые дни. В соответствии с действующими правилами и инструкциями предприняты меры, осуществляющие доставку телеграмм адресату, обязано произвести техническое редактирование телеграммы (исправить все грамматические ошибки, сверить количество слов и т. д.). Такая процедура вызывает обширную почтово-телеграфную служебную переписку с предпринятием пункта отправления телеграммы, привлечение дополнительной рабочей силы, что, в свою очередь, существенно сказывается на качестве и контрольных сроках обработки телеграмм.

Для исключения подобного и было принято решение о переприеме телеграмм в адрес съезда на узловых телеграфах, в частности на Бакинском, их технической передаче в Москву. Контроль за выполнением данного порядка возлагался на руководителей Минсвязи республики и его подразделений, в частности на тт. Ахундова Б. М., Сеид-Заде Р. М.

В связи с изложенным их действия соответствовали указаниям союзного министерства и были необходимы для выполнения задач по качественной обработке телеграмм.

В целях недопущения дискредитации органов связи прошу довести до читателей данную информацию.

Зам. министра связи СССР
В. И. Глинка

Прежде всего я хотел бы заявить, что отнюдь не принадлежу к тем людям, которые склонны все беды, постигшие наше Отечество, объяснять происками жидомасонов. Во-первых, это является слишком уж великой честью для «господ иерусалимских дворян», а во-вторых, попросту исторически примитивно. Однако смею заметить, что и евреи, и масоны, и инородцы сыграли довольно значительную роль в истории России. Разумеется, только недалекие люди могут утверждать, что это была лишь отрицательная роль, но в целом все же они являлись противниками и монархии, и Российской державы, в разрушении которой усматривали свои выгоды.

Антиисторично все приписывать жидомасонам, но и не менее антиисторично совершенно отрицать их существование и оказывание некоторого влияния на судьбу страны. Ведь истина всегда где-то посередине.

Нельзя усматривать в каждом еврее космополита, вора, негодяя, корыстолюбца. Но и нельзя недооценивать весьма специфическое развитие этой нации, довольно отличное от генезиса и становления иных народов. Обычно мораль народа тесно связывалась с его религиозными верованиями, а учитывая тот факт, что на протяжении весьма длительного времени религия оказывала очень значительное влияние на жизнь и быт того или иного народа, наивно было бы полагать, что современный человек совершенно свободен от тех или иных предрассудков, либо, напротив, положительных сторон веры своих предков.

Прекрасный советский историк Н. Эйдеман в своих заметках, озаглавленных «Революция сверху в России», писал: «В истории каждого народа существует нечто вроде сложнейшей «социальной генетики» — то, что именуется исторической традицией, преемственностью, что закладывается веками, тысячелетиями и менее подвержено переменам (хотя, разумеется, подвержено), нежели техническая, внешняя сторона жизни». И в самом деле, ведь говорят же о немецкой пунктуальности и страсти к упорядоченному образу жизни, русской широкой душе да удали. И у евреев можно найти ряд специфических черт характера, национальных черт. И у каждого народа, как и у живого человека, наряду с положительными чертами есть и отрицательные. Увы, но в мире нет совершенства, хотим мы того или не хотим.

Я не могу согласиться с Н. Лесковым (см. «Совершенно секретно», № 3) в том, что если к евреям относиться как к каналам заранее, то только поэтому некоторые из них и стали таковыми. Здесь необходимо обратиться к Ветхому завету, Талмуду и Шулхан-Аруху. Ведь именно на этих книгах и основана вся еврейская мораль.

В литературе, как советской, так и дореволюционной, можно встретить массу цитат и выдержек из Талмуда и Шулхан-Аруха, которые свидетельствуют отнюдь не в пользу еврейской высоко нравственности. Ветхий завет изобилует примерами еврейской жестокости, безнравственности и богоотступничества. Новый завет дает также довольно нелицеприятную характеристику евреям. Учитывая то, что евреи на протяжении многих столетий почитали (и ныне кое-где почитают) Талмуд и Шулхан-Арух священными книгами, тщательно и усердно зубрили их, было бы крайне наивно полагать, что талмудические предписания в настоящее время совершенно выветрились у них из головы. Вовсе нет! Они даже не в голове у них, а в подсознании, в неведомых глубинах души.

Конечно, можно усомниться в подлинности приводимых в специальной литературе отрывков и цитат. Можно утверждать, что они специально вымышлены антисемитами (вот уж

глупейший термин — антисемитизм!). Но ведь даже приезжавший недавно в Москву раввин Штайнзальц заявил, что многое в Талмуде устарело, что многое не следует принимать буквально. Ох уж не напрасно он это сказал!

До революции вышел в свет Талмуд, переведенный на русский язык Перфериным. Конечно же, перевод сей был весьма подчищен и довольно неполный, но свидетельству того же раввина Штайнзальца. Но именно в нем содержится также довольно человеконенавистнические предписания.

Можно с полной уверенностью сказать, что расизм в довольно развитой форме присутствует именно в иудаизме, именно в его главной, «скелетной» структуре.

Я умышленно не привожу цитаты из Талмуда, ибо вы их знаете.

Теперь несколько слов о юдофобии. Юдофобия, или, как ее неверно называют, «антисемитизм», — это реакция на иудейскую человеконенавистническую мораль Талмуда и Шулхан-Аруха. Юдофобия — это реакция на еврейскую экономическую, политическую, культурную экспансию. Евреи достаточно разумны и хитры, они ни за что не станут лезть напролом, они сначала исследуют своего противника (а противники для них все народы, смотри Талмуд), а уж затем, раз узнав о слабостях и недостатках того или иного народа, начинают действовать самым беспощадным и наглым образом. Они могут быть хорошими, честными и делать добро, но это лишь маскировка для обмана противника.

Что же касается еврейских погромов, то, разумеется, это нехорошо, антигуманно. Но погром — это еще и выражение чувств доведенного до крайности белорусского или малороссийского мужика (смотри «Мнение...» Г. Р. Державина). Ведь евреи нанимались управляющими поместий к польским панам и лупили с подневольных крестьян по две, по три шкуры. Масса архивных материалов тех лет изобилует всевозможными доказательствами.

У вас в редакции есть протоиерей Александр Мень, поинтересуйтесь у него житием Святого младенца Гавриила Белостокского, день памяти 20 апреля по ст. ст., а также житием преподобномученика Евстратия Печерского, которое подробно описано в Киево-Печерском Патерике.

Я вовсе не сомневаюсь в том, что иудейская ненависть к христианам доходила до такой степени, что они и кровь их вытягивали из младенцев, и прочие беззакония совершали.

Не надо облачать евреев в ризы великомучеников, невинных страдальцев. Это далеко не так. Если и страдали евреи, то только из-за своей зловерности и из-за своего злонамерения.

Вообще, в писаниях современных юдофилов совершенно отсутствует глубокий исторический анализ.

В завершение хочется еще раз сказать, что я вовсе не склонен в каждом еврее видеть преступника и негодяя. Более того, у меня есть знакомые евреи. Многих евреев, деятелей науки, искусства и культуры, я искренне уважаю. Но историческая правда — превыше всего.

С искренним уважением

Олег ПИВОВАРОВ
Киев

Так уж совпало, что о смерти Андрея Дмитриевича Сахарова узнал, читая материал «Ненапечатанное открытое письмо редакции газеты «Труд» в четвертом номере бюллетеня. Впрочем, ваше издание и до этого ассоциировалось у меня с подержкой А. Д. Сахарова. Поэтому, пользуясь адресом «Совершенно секретно», прошу вас не посчитать за труд передать родным Андрея Дмитриевича мое доброе слово. Понимаю, что поздно, но, может быть, хоть чуть-чуть на душе у них станет спокойнее. Удивительно, по возрасту, ра-

боте, расстоянию и т. д. никогда не сталкивался с Андреем Дмитриевичем, но ощущение такое, что умер близкий и очень нужный мне человек. Это чувство и заставило написать вам.

А. Н. УСАЧУК
Донецк

До предела возмущена письмом «без подписи» в «Почте» «Совершенно секретно», № 3. Сколько в нем злости, желчи. Хотелось бы спросить автора, что он делал в 1937—1945 годах. Руки у него не чисты, отсюда и злоба; если бы не боялся, подписал бы свою статью. Не надо решать за весь народ — за двести миллионов, пусть остается при своем мнении один. А внукам и правнукам заказывать нечего, сами разберутся. Вот такие личности и затевают межнациональные войны.

Мне, как русской, стыдно за такого русского перед евреями. Может, не стоит печатать письма без подписей. Если боятся, пусть не пишут. С уважением

Ирина ГРОМОВА, инженер, 35 лет
Ленинград

Сегодня купила вашу муру, рубль жалко. Это называется — желтая пресса. Такое низкопробное чтение небезобидно. Оно пытается сформировать мировоззрение недалекого обывателя. Для этого в ход идут дешевые приемы. Статьи рассчитаны на доверчивых читателей, которым неясна суть ваших стремлений для подрыва страны. Еще вам свободу печати! Сколько сразу мрази вылезет. С вами бы построже! Куда смотрит ЦК КПСС? Очень тревожно за судьбу детей, когда видишь, какие гады лезут к власти.

Как мягко о Ельцине, а Сахаров-то «герой», оказывается. Фу!!! Завались леворадикалы!

Свободу вам подарили, так вы как псы кусаетесь, неблагодарные, почувствовали слабину. А если поприжать хвосты вонючие, по-другому завоюете. Это свойство подлых натур. Честные люди сейчас с партией, а подонки копают. Опять скрутить надо страну.

Ирина Сергеевна ЗУЕВА
Калининград (обл.),
ул. Нарвская

Недавно достал (почти детективным способом) выпуск «Совершенно секретно», № 1.

Прочел от корки до корки, так подробно я еще ни одного журнала не читал. Очень интересно, грамотно и полезно. Единственное, с чем, может быть, не совсем согласен, это радикализм в предложениях по экономической реформе. Я не против рынка, но я против того, чтобы впасть в эйфорию от этого слова. Но не буду отклоняться. Я ведь хотел поблагодарить вас за оригинальное и смелое начинание. Я уже давно так не смеялся и не испытывал такого глубокого интеллектуального наслаждения, какое получил от рассказа Эдуарда Лимонова «Исчезновение варваров». Расскажите о нем, если можно, и если у него есть еще произведения, вписывающиеся в тематику вашего приложения, то их опубликование будет подарком думающим и обладающим чувством юмора читателям. А это, конечно, повысит успевший взмыть на верхние этажи неофициального хит-парада советской печати авторитет «Совершенно секретно». И последнее. Я понимаю, что вам не хотелось бы погибать на взлете, но «если не вы, то кто же?» сможет опубликовать какие-нибудь материалы о деятельности следственной группы Голана. Хотя бы сухие факты.

С уважением

М. МАХМУТОВ,
студент
Москва

ВЕЛИКИЕ КНИГИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Раньше их прятали за семью замками в спецхранах, отнимали на границах, изымали при обысках. По сути, для большинства эти великие книги были «совершенно секретны». Наш бюллетень решил ускорить процесс их перевода в разряд «совершенно открытых».

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию важнейшие, после Евангелий, части Нового Завета — послания святого апостола Павла. Наш выбор не случаен. Павел — гениальный писатель и психолог — создал в своих посланиях возвышенный гимн равенству и любви, пронизанный подлинным духом учения Христа. И сейчас, когда межнациональная рознь, ненависть к чужакам, нетерпимость и жестокость усиливаются с каждым днем, благовестие апостола, выражающее основные истины евангельского учения, звучит так же актуально, как без малого две тысячи лет назад.

Павел — «первейший из миссионеров, апостол язычников» — родился в первые годы нашей эры в Тарсе Киликийском — городке на юге Малой Азии, в семье фарисеев, получив при рождении имя Савл. До 35—36 годов н.э. был яростным гонителем христианства, когда по дороге в Дамаск, куда он направлялся, «...дыша угрозами и убийством на учеников Господа... внезапно осиял его свет с неба; Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь; Трудно тебе идти против рожна». После обращения Павел совершил ряд миссионерских путешествий, основывая церкви и проповедуя Благою Весть. Около 67 года, когда император Нерон обвинил христиан в поджоге Рима, Павел был схвачен, приговорен римскими властями к смерти и обезглавлен.

Приведенные отрывки взяты из трех посланий святого апостола Павла: «I к Коринфянам», «К Колоссянам» и «К Ефессянам».

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФЯНАМ СЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Глава 13

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий.

2 Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так-что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.

3 И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы.

4 Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,

5 Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

6 Не радуется неправде, а сорадуется истине;

7 Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

8 Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

9 Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем;

10 Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.

11 Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.

12 Теперь мы видим как-бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.

13 А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ СЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Глава 3

Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога;

2 О горнем помышляйте, а не о земном.

3 Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге;

4 Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе.

5 Итак умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение,

6 За которые гнев Божий грядет на сынов противления,

7 В которых и вы некогда обращались, когда жили между ними.

8 А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших;

9 Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его

10 И облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его,

11 Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос.

12 Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение,

13 Снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы.

14 Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства;

15 И да властвует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле; и будьте дружелюбны.

16 Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу.

17 И все, что вы делаете словом или делом, все

делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря чрез Него Бога и Отца.

18 Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе.

19 Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы.

20 Дети, будьте послушны родителям (вашим) во всем, ибо это благоугодно Господу.

21 Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали.

22 Рабы, во всем повинуйтесь господам (вашим) по плоти, не в глазах (только) служа им, как раба-коугодники, но в простоте сердца, боясь Бога.

23 И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для людей,

24 Зная, что в воздаяние от Господа получите наследие; ибо вы служите Господу Христу.

25 А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде; у Него нет лицемерия.

ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ СЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Глава 5

Итак подражайте Богу, как чада возлюбленные,

2 И живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное.

3 А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым;

4 Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам, а напротив благодарение;

5 Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога.

6 Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления;

7 Итак не будьте сообщниками их.

8 Вы были некогда тьма, а теперь — свет в Господе: поступайте, как чада света,

9 Потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине;

10 Испытывайте, что благоугодно Богу,

11 И не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте.

12 Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить.

13 Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть;

14 Посему сказано: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос».

15 Итак смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые,

16 Дорожа временем, потому что дни лукавы.

17 Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия.

18 И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом,

19 Назидаая самих себя псалмами и словословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу,

20 Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа,

21 Повинуясь друг другу в страхе Божием.

22 Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу,

23 Потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела;

24 Но, как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем.

25 Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее,

26 Чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова;

27 Чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна.

28 Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя.

29 Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь;

30 Потому что мы члены тела Его, от плоти и от костей Его.

31 Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть.

32 Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви.

33 Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится (своего) мужа.

ОСТАНОВИМ ЛИ МЫ УТЕЧКУ

АЛЬТЕРНАТИВА

С профессором
М. Д. ФРАНК-КАМЕНЕЦКИМ
беседует наш корреспондент
Вера ЧЕРНИКОВА.

— Мне кажется, Максим Давидович, что лучшие наши лаборатории опустели. Нужных людей не заставить на месте. Практически все они за границей — в командировках на месяцы и даже на годы.

— Да, так оно и есть — по крайней мере, в той области, где я работаю, в биологии. Вот только вчера я говорил с сотрудником, получившим приглашение в США на трехгодичную стажировку. Он прошел конкурс на должность «постдока», то есть человека, имеющего ученую степень, и теперь отправляется в Калифорнию. Таких людей становится все больше и больше. Молодежь, почувствовав возможность работать за рубежом, откликнулась на эту возможность чрезвычайно быстро и энергично.

Я не вижу в происходящем ничего трагического, потому что у науки нет границ, ученый волен выбирать место работы, исходя из условий, где он принесет больше пользы. Должна быть свободная конкуренция как за места в хороших лабораториях и университетах, так и конкуренция между лабораториями и университетами за хорошие мозги, за таланты.

Словом, я оцениваю происходящее вполне положительно. Хотя есть и обратная сторона медали. Пустеют наши лаборатории, причем идет отток наиболее способных людей, ведь именно они имеют шансы в первую очередь получить место. Учтите, что это не научный обмен, поездка целиком субсидируется институтом, куда человек приглашен. Американцы готовы платить деньги — но только в том случае, если ждут хорошую научную продукцию.

Процесс свободного выезда людей только начинается, и мы должны думать о том, как сделать, чтобы он приносил пользу нашей науке, а не вредил ей, поскольку есть опасность, что все наиболее талантливые молодые, и не только молодые, люди будут работать не здесь, а там.

— Как за рубежом узнают, кто талантлив? Как к нам доходят сведения, что есть вакантные места?

— Наши соотечественники, уже имеющие имя на Западе, по просьбе зарубежных коллег рекомендуют молодых людей на работу. Я сам оказался завален подобными просьбами, причем настолько многочисленными, что уже не могу их все удовлетворить. На меня некоторые мои коллеги из США обижаются, что одним яставляю спе-

циалистов, а другим нет. Интерес к советским ученым огромен.

— Вы меня удивляете — мы привыкли считать, что наше образование весьма среднего качества. Значит, все-таки на Западе оно высоко ценится?

— Понимаете ли, мы живем в условиях мифотворческих, так уж сложилась наша судьба. Когда мы покончили с мифом о том, что все у нас самое лучшее, то стали создавать, причем сами, миф о том, что у нас все — самое худшее. Мы теперь готовы только охаивать все свое и только восхвалять все западное.

— Нужно, наверное, время, чтобы выработать объективную оценку. Вам это удалось?

— Я объездил множество университетов в США, говорил с сотнями людей — учеными и студентами, «постдоками» и аспирантами — и пытался больше понять, как там организована наука, которой я занимаюсь. Оказалось, к моему удивлению, что я разделяю многие мифы, которые сотворены нашей публикой (мы, в противодействие нашей пропаганде, создавали у себя миф преувеличенного благополучия и науки, и повседневной жизни в Соединенных Штатах). Естественно, оказалось, что огромная эффективность и гигантские успехи американской науки не исключают значительных трудностей в движении вперед. Трудности эти связаны прежде всего с людьми, как мы говорим — с кадрами.

В Америке популярен прежде всего бизнес, любое дело, где вы можете делать деньги. А в науке делать деньги практически невозможно. Ученый находится на зарплате и получает свои деньги либо от фирмы, либо от университета, фактически — от государства. У него практически нет шансов разбогатеть (хотя в нашем понимании любой средний профессор в этой стране — очень богатый человек). Таких шансов ученый лишен, что и делает профессию априори непопулярной, как бы неамериканской. Фактически США всегда в сфере науки пользовались услугами эмигрантов.

— Да, мы давным-давно привыкли к мысли, что американцы выкачивают мозги из Европы, да и со всего мира, писали об этом со злорадством и осуждением. Получается, что сейчас мы сами охотно включились в этот поток?

— Конечно. И связано это не с какой-то зловерностью или злонамеренностью американцев. Просто так устроена жизнь и таковы приоритеты в их стране. Поскольку наука нужна для технологии и вообще для развития общества — а это прекрасно понимают все американцы, ведь в конце концов наука оплачивается из их кармана, — то Америка готова платить за науку. А уж кто ее делает — свои или приезжие — в принципе неважно.

В США пытаются что-то делать для поднятия престижности науки: например, ввели систему грантов, систему соревновательную — для получения субсидий на исследования. Это оказалось очень удачной находкой. Если американец получает деньги просто так, как это принято у нас, когда мы сидим на дотации и нам это кажется благом, то для американца такое положение вещей просто нестерпимо. Для него деньги чистые — если они получены в соревновании, в конкуренции. Эту ситуацию я понял только тогда, когда побывал в Америке — трижды за прошедший год. Соревновательная система получения субсидий необыкновенным образом стимулировала науку в этой стране.

— Значит, люди, которые уезжают в Америку, еще здесь, у нас, включаются в это соревнование, ведь получить место непросто?

— Вопрос состоит в том, ради чего человек соревнуется. Американец соревнуется ради соревнования, мы соревнуемся ради того, чтобы получить возможность работать и делать свою науку. Это принципиальный момент — мотивация разная. Американец будет ловить кайф в момент, когда он выиграл соревнование за деньги. Конечно, и европеец счастлив, когда получает деньги, но по другой причине — потому что они дадут возможность сделать какое-то научное открытие.

Мерой всего в Америке являются деньги. Я говорю это абсолютно не в упрек. Я считаю это одним из великих завоеваний американской цивилизации. Такая система оказалась чрезвычайно эффективной, но для нас она не органична, нам это не свойственно, мы иначе воспитаны, мы иначе думаем. Мы — я имею в виду европейцы. На этом и проигрываем.

— Я хочу обсудить ситуацию: человек, испытавший счастье делать науку за границей, возвращается наконец домой...

— Тут уже есть опыт, пока что небольшой, потому что стажировки были явлением исключительным, — он показывает, что по возвращении человек оказывается просто неспособным работать в наших условиях, что он уже отвык от постоянного преодоления бесчисленных трудностей, когда требуются титанические усилия, чтобы доставать самые элементарные препараты и приспособления, которые в любой лаборатории на Западе поступают в таком количестве и качестве, в каком нужно. Один и тот же эксперимент на Западе делается за два дня, а здесь — месяц. День и ночь человек вкалывает, в итоге у него опускаются руки. Это проблема, на которую нельзя закрывать глаза, если мы распахиваем двери в мир.

Свобода ездить туда и сюда — необходима и замечательна, но если мы не сделаем следующий шаг, который позволит нам организовать снабжение работы в лабораториях на западном уровне, то наука у нас остановится вообще. Мы станем сырьевым придатком — в том смысле, как стали им в поставках нефти и газа. Нам будет уготована участь превратиться в сырьевой придаток в области научных мозгов. Мы будем производить полуфабрикаты, посылать их на Запад, и только там они станут работать и создавать продукцию. У нас эта продукция сейчас уже фактически не производится, по пальцам можно пересчитать лаборатории, скажем, в области биологии, уровень которых действительно сравним с мировым уровнем.

Этот процесс сейчас подходит к логическому завершению — все, кто способен работать, будут работать за границей, а здесь — никто уже не будет. Абсолютно реальная перспектива, вопрос буквально месяцев, ну, может быть, года. Та самая ситуация, о которой вы говорили в начале разговора. Вы будете звонить к активно работающим людям и узнавать, что их нет. Все они на Западе, постоянно или временно — это уже не принципиально, работать они будут там, а сюда будут приезжать, чтобы немножко отдохнуть в нашей глуши от выматывающего темпа тамошней жизни.

— У вас есть рецепты для переизменения ситуации? Что сделать, чтобы вывести нашу науку на мировой уровень?

— Главное — это проблема распределения денег. Один из мифов, которые сильные нашего научного мира тщательно культивируют, заключается в том, что у нас наука плохо субсидируется, плохо финансируется. Это неправда. На науку выделяют колоссальные средства, и эти средства настоящая наука была бы сейчас даже не в силах освоить. Фактически же, как и во всем у нас — в сельском хозяйстве, в промышленности, где угодно, — система для того и существует, чтобы разбазаривать средства. Средства на науку распределяются по принципу «всем сесть по серьгам» — то есть поровну и сильным, серьезным лабораториям (а их очень и очень немного), и абсолютно недееспособным лабораториям (а их абсолютное большинство). Если брать страну в целом, то настоящая наука у нас составляет, как мне кажется, не более одного процента от общей ее массы. Так вот, рассиропливание поровну средств приводит к тому, что их не хватает никому. Это абсолютно губительная практика, губительная для науки.

Фундаментальную науку, мне кажется, можно еще было бы реанимировать, если принять срочные меры. Для нее главное препятствие — сама система, когда наука отдана на откуп кучке людей, которые рассматривают всех остальных ученых как своих крепостных и делают это в полном соответствии с Уставом Академии наук. Ведь Академия наук существует для академиков и членов-корреспондентов, а все остальные являются их холодами. По определению, по закону, по уставу.

На практике все перепоручено чиновникам, которые за это получают зарплату, и фактически возникла каста или, если хотите, настоящая мафия академических чиновников. Они делают свои дела в соответствии с пониманием своих собственных интересов и интересов той группы, которую они обслуживают. Это абсолютно губительно для науки, я об этом писал и в «Литературной газете», и в сборнике «Иного не дано». Я предупреждал — это было весной 1988 года, — что через год-два наука у нас в стране превратится в пустыню. Я без удовлетворения констатирую, что мой прогноз сбывается буквально. В условиях перестройки все эти люди, о которых я говорил, — и сами академики, и члены-корреспонденты, и аппарат Академии наук лихорадочно стремятся показать, что они предпринимают какие-то усилия. Но вся их деятельность направлена лишь на одну цель — продлить положение, при котором они распоряжаются средствами, выделяемыми на науку.

— Что же делать, как изменить систему финансирования?

— Единственный путь, который мне видится, — вывести академические институты из подчинения Академии наук. Элитарный клуб, каковым выступает академия (и никто на это ее право не посягает), ни в коем случае не должен быть министерством науки, заниматься финансами и вообще руководить наукой. Это совмещение несовместимого, и то, что наше правительство отдает фундаментальную науку на откуп Академии наук, — губительно.

— Что можно предложить взамен?

— Нужна структура, независимая от академии. На мой взгляд, необходимо совершенно срочно, в пожарном порядке, создать министерство по фундаментальной науке или комиссию по фундаментальной науке. Назначить туда председателя в ранге министра, назначить обычным путем, через слуша-

МОЗГ?

ние в Верховном Совете, и сделать так, чтобы эта структура совершенно независимо от Академии наук действовала и распределяла деньги. Так делают во всем мире, создавая фонды и комитеты при фондах. Распределять деньги надо с рассмотрением проектов. И не превращать это в цирк, как бывает сейчас и в Госкомитете по науке и технике, и в Академии наук. Это действительно цирк, совершенно дурацкий спектакль, когда делается вид, что рассматривают конкурсные проекты, а фактически делают деньги так, как это нравится тем или иным ответственным лицам.

— Вас не пугает создание еще одного министерства?

— Я сознаю, насколько непопулярна идея создания еще одного министерства или госкомитета. И я решительный противник почти всех существующих министерств. Здесь мы опять сталкиваемся с мифом. Производственные министерства — это, безусловно, губительно, промышленности не нужны министерства, так как промышленность — это бизнес. Но фундаментальная наука может существовать только или почти только за счет госбюджета, на деньги налогоплательщиков. А раз так, то государство должно контролировать, как деньги расходуются. Отсюда неизбежность бюрократического аппарата для распределения и контроля.

Когда в Великобритании Маргарет Тэтчер, леди, столь популярная у нас в стране и столь же непопулярная в среде британских ученых, срывает научный бюджет и предлагает университетам искать деньги у промышленности — она губит буквально на глазах британскую науку. Только государство, общество в целом, может оплачивать фундаментальную науку. Больше никому. Если мы решим, что нам наука не по карману, тогда другое дело.

— Как обстоит дело в Соединенных Штатах?

— Фундаментальная наука здесь субсидируется государством. Есть, скажем, Национальный научный фонд, который финансирует всю науку вообще. Но он не очень богатый, поэтому на каждую область науки достается в итоге не так много. Фонду поручено распределять деньги налогоплательщиков в соответствии с тем, как понимают ученые, входящие в состав его комитетов, приоритеты в науке в данный момент. Есть чрезвычайно богатая организация, которая располагает восемью миллиардами в год, — Национальный институт здоровья. Это фонд, субсидирующий фундаментальные исследования в области биологии и медицины. Там тоже служат чиновники, я с ними общался. Это люди, которые прекрасно знают всех ученых США, как ни странно это звучит, они знают, кто чего стоит, но решают, конечно, не они, решают комитеты, состоящие из ученых. А чиновники занимаются тем, что созывают этих ученых, готовят для них материалы, занимаются технической работой, перепиской, заботятся о том, чтобы была ротация, чтобы человек не засиживался в комитете долго. Это очень важно: каждый знает, что сейчас он участвует в распределении денег, а завтра будет решать его коллега. Ротация делает всех ученых равными — независимо от того, члены они Национальной академии, нобелевские лауреаты или представители другой академии. Никто не может стать монополистом.

Американские ученые как сообщество нахально в постоянном напряже-

нии, если они начнут работать плохо, им срежут субсидии, они это прекрасно осознают, и поэтому у них есть коллективное чувство ответственности за хорошую, качественную работу. Они очень озабочены тем, чтобы деньги распределялись справедливо, чтобы доставались прежде всего тем, кто может сделать больше.

— Но обратите внимание на то, что в наших условиях получить деньги — это только первый шаг. Что потом с этими деньгами делать — не менее важно.

— Дело в том, что фактически никто еще никогда у нас денег не получал. Деньги у нас дают не ученым, а администраторам. Директорам институтов, их заместителям, аппарату института, который начинает мудрить, мухлевать и использует эти деньги так, как ему кажется разумным. Ни разу еще ни одна копейка не дошла, не попала в руки ученому, завлабу, который и должен распоряжаться деньгами.

Уверю вас, если бы мне дали деньги, я бы знал, как их потратить. Но мне их ни разу в жизни не дали — ни рублей, ни валюты, как и никому другому, кто возглавляет работающий коллектив, а не дуглый, огромный институт. И поэтому существует вся эта смехотворная, нелепая система составления заявок аж на XXI век.

Сейчас делают вид, что что-то меняется. Теперь вот учредили конкурс проектов. И мы теперь пишем заявки и представляем проекты. Эта система формально копирует американскую систему, но — так же, как в одной известной истории. Где-то на островах Полинезии во время войны была американская база, военно-воздушная. Туземцы ее вблизи наблюдали. Потом война кончилась, базу ликвидировали, и вот через некоторое время туда приехал путешественник и обнаружил: стоят сделанные из бамбука подобия аэродромных служб, сидят в них туземцы, говорят в какие-то деревянные штуки, имитирующие радиопередачики, сажают воображаемые самолеты.

Так и у нас, мы тоже играем, мы подражаем системе грантов, но это чистой воды имитация. Мы подаем заявки: попробуй не подай, если не подадим, то не получим ни копейки, даже зарплату, мы делаем вид, что боремся, соревнуемся. А потом нам всем раздадут деньги поровну, и все останется по-старому. Может быть, такая игра и неплоха при подготовке к настоящей жизни, но вопрос — будет ли она когда-нибудь, настоящая жизнь?

— Что-то уж очень мрачно получается...

— Беда состоит в том, что все больше и больше ученых приходит к мысли, что здесь, в нашей стране, самовыразиться они уже не смогут (я имею в виду ученых-естественников, для гуманитариев сейчас наступил необыкновенный период, который можно только приветствовать). Для ученых-естественников одной свободы говорить недостаточно. Мы не можем существовать без нормального финансирования, вне нормальной инфраструктуры. Эта инфраструктура у нас не создана. Мне лично гораздо легче организовать работу в каком-то университете в США, чем работу в своей собственной лаборатории, хотя я завлаб, завкафедрой.

— Вы сосредоточились в своей критике на прискорбной системе финансирования нашей науки. Но есть еще проблема закрытости, проблема секретности. Как сейчас с этим дело обстоит?

— Я в своей жизни очень много страдал от секретности, потому что долгое время, до 1978 года, работал в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова — там сложился наш биологический отдел, который теперь превратился в самостоятельное учреждение, Институт молекулярной генетики АН СССР. Я подвергался там совершенно чудовищной травле со стороны людей, ответственных за режим, за секретность, поскольку я не отвечал их стандартам, вплоть до того, что однажды меня собрались уволить за то, что я признался, что думал о своей науке за пределами института. Я погорячился и забыл, что это тягчайшее преступление. Они сказали, что я подписывал какую-то бумагу, где обещал не думать о своей работе за пределами института. И они меня почти уволили, только чудом я удержался. Это не было шуткой, это вполне серьезно. То, что такие люди стояли и продолжают стоять у кормила атомной энергетики, привело к Чернобылю, я в этом абсолютно убежден.

Я вспоминаю о тех годах просто с ужасом — о моих контактах с людьми, которые были у власти. Они все и сейчас остаются, процветают, и с ними все в порядке. Так вот, это действительно страшное бедствие, которое привело и будет приводить еще к чудовищным катастрофам. Когда в 1978 году нас перевели в академию, то для меня лично это было равноценно выходу из тюрьмы. Атмосфера в Академии наук при всех ее недостатках радикально отличается от ведомственных институтов.

— Существующая система оформления публикаций — это, наверное, тоже тормоз в развитии нашей науки?

— Были, конечно, здесь дикие перегибы. Уже при Горбачеве вообще запретили публиковаться за границей. Это было сделано сознательно, не то чтобы произошел какой-то сбой. В ЦК КПСС прошло совещание относительно того, как на Западе используют достижения нашей замечательной фундаментальной науки. Это еще один миф — что у нас замечательная фундаментальная наука и мы не умеем только использовать ее результаты. Решение было принято: запретить нашим ученым публиковаться за рубежом, чтобы достижения фундаментальной науки не могли использоваться западными учеными и фирмами. И запретили. Примерно год этот мораторий был в силе, с лета восьмидесяти пятого года до середины восьмидесяти шестого.

Я сам попал в чудовищный переплет из-за этого, поскольку как раз в это время мы сделали работу, которая была очень приоритетна, и надо было ее срочно опубликовать — была опасность, что кто-то другой нас обскочит. Пришлось по самиздатовским каналам переправить ее за границу и напечатать без всяких разрешений. Сейчас это самая цитируемая из моих работ. Она вышла в научном журнале, издающемся в Соединенных Штатах.

— У вас были какие-нибудь неприятности после этой публикации?

— Дело в том, что строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения. Никто не знал, что я это сделал, а значит, вроде ничего и не случилось. Ведь никому никакого дела на самом деле ни до чего нет.

— Есть еще вопрос, который я хотел бы задать... Мы все время ходили около этой проблемы. Как обстоит дело с эмиграцией людей науки? Насколько это сейчас серьезная проблема?

— Да, наблюдается очень большой всплеск эмиграции. По-видимому, она достигает абсолютно рекордного уровня. Сейчас среди молодежи, и не только молодежи, очень сильно стремление покинуть страну, и, конечно, прежде всего речь идет о научно-технической интеллигенции. Я достаточно хорошо представляю себе проблемы, с которыми сталкивается эмигрант. Эмигрант есть эмигрант, он всегда неизбежно проходит период сильного кризиса. Это связано со сменой обстановки, языковой среды, с культурным шоком, с изменением характера общения между людьми, который там совершенно иной, чем у нас, с ностальгией, что тоже не выдумка. Словом, кризис неизбежен. Все они пройдут через это, но повседневная жизнь в нашей стране стала настолько тягостной в самых простых, элементарных проявлениях, что я не берусь взвесить всю проблему. Каждый сам взвешивает на своих собственных весах, но другой вопрос — насколько эти веса точны.

Но совершенно очевидно, что мы должны пытаться ликвидировать все те накопившиеся нелепости в нашей стране, которые дополнительно толкают людей на столь трудный для них шаг. Я рассуждаю сейчас не столько с позиций державы, сколько с точки зрения судьбы этих людей. Слава богу, сейчас достаточно широко признается, что эмиграция — это всегда в большей или меньшей степени личная трагедия, и мы увеличиваем число трагедий тем, что во многих случаях вынуждаем людей уезжать потому, что не можем создать элементарных условий для работы.

Триумфом является многолетняя, десятилетиями продолжавшаяся дискриминация, которая была и есть, отрицалась и отрицается и которая стала страшным бедствием для страны и для конкретных судеб человеческих. Я сам это и на себе испытывал, и знаю бесчисленное множество примеров тому и при приеме в вузы, и при приеме на работу, и на всех ступенях. Когда у нас в течение десятилетий антисемитизм остается негласной, но последовательной государственной политикой, то люди, пережившие это, теряют доверие ко всем и ко всему. Возникает множество страхов, которые толкают людей на трудный и ответственный шаг.

— Что же для нашей науки представляет большую опасность — эмиграция или утечка мозгов?

— Ни то, ни другое абсолютно не сопоставимо с уроном, который нам наносит сама организация науки. Нет никаких других способов возродить науку, кроме как изменить финансирование, изменить способ управления ею. Если вы сейчас опустите снова «железный занавес», то, думаете, наука у нас от этого улучшится? У нас прекратится утечка мозгов, но мозги эти все равно не будут востребованы. Опять начнется дискриминация, антисемитизм, бог знает что. У нас сейчас имеется отток, но есть и приток, потому что во многих вузах, где раньше способных абитуриентов отсеивали по разным причинам, процесс этот заметно ослабел, и поэтому у нас станет больше способных выпускников.

Вопрос состоит в том, смогут ли они работать. Они готовы работать. Они выбрали учебу здесь, значит, готовы будут и работать здесь, но вот вопрос — сможем ли мы им предоставить нормальные рабочие места? Не пустой стол в полуразрушенном помещении, а настоящее рабочее место, где человек действительно может заниматься наукой. Таких рабочих мест у нас в стране сейчас просто нет.

Объявление на Казанском вокзале: «Остерегайтесь знакомиться с посторонними лицами, ибо это является последствием обмана и кражи».

На Сухаревке в Москве:

— Все вещи, все вещи по 5 копеек!
— А это сколько?
— Полтинник.
— Да как же ты говоришь — все по 5 копеек?
— Не хотите — не берите... Вещи, все вещи по 5 копеек!

Купцы составили приговор: «Постановили считать себя беднейшими крестьянами и рабочими, о чем и доводим до сведения властей...»

★★★★

Цветной бульвар. Девочка спрашивает (ей сказали, что идут по улице Чайковского):
— А Чайковский — он кого убил?

Поезд в Сибири с солдатами. Набили морду машинисту.

— Ладно, я вам покажу!

На закруглении пустил поезд верст на 50 — и сразу тормоз: теплушки оторвались и под откос. К следующей станции привез только три теплушки.

— Ну, — говорит, — езжайте, собирайте там своих — рассыпались...

★★★★

Телеграфист на глухой станции рассказывает бабышке похабные анекдоты. Она ему:

— Ах, противный, скептик!

Физический труд человечество презирает, ненавидит — от века веков. Отсюда — сначала рабы-люди, потом рабы-машины. Труд, достойный человека, — только труд умственный. Когда-нибудь и настанет такое время, что вся физическая работа будет выполняться машинами, а человеку останется интеллектуальная. В сущности, об этом времени и мечтает социализм, а все его гимны труду — это дипломатия.

...Тут он увидел странную картину: сарай, в сарае люди лежат кучками друг на друге — в каждой кучке человек 5. Оказалось — больные, больше сыпнотифозные. У тифозных температура 40—41°, и остальные, кучками прижимаясь к ним, — греются...

Хоронили кучками же в яме. Когда зарывали, курили махорку, огонь падал на трупы, на платье. Зарыли кое-как; должно быть, воздух проходил из могилы, потому что над ней тоненько курился голубой дымок, и пахло шашлыком...

...До того допился, что вообразил себя воробьем. Разделся донага, сел на корточки на подоконнике и стал себе вить гнездо: солома, бумага, ветки из венника...

Брат священника поссорился с ним, и тот подложил ему свинью — попросил отслужить панихиду об усопшем Иуде. А потом сказал, что служилась панихида об Иуде Искаротском, и был день памяти Иуды из Кариот.

★★★★

«1925 года июля ... дня мы, настоящий председатель сельсовета Чесноков Иван в лице граждан села ... такого-то производили гибель посевов у граждан означенного села, причем погибшими оказались посевы у всех граждан и Сидорова Анисима, у коего, кроме того, и нетрудоспособный член в виде жены 40 лет, умалишенная, причем объекты обложения пропали, лошадь в лесу и отец в больнице. По осмотру озимого и ярового клена озимые пропали, что по чистой справедливости и подписуем».

...В тюрьме — на нарах. Вплотную один к другому. Ночью кто-нибудь командует:

— На другой бок! — И все двадцать человек одновременно переворачиваются (иначе — нельзя).

В сумерках — зима — повели кончать их двоих на реку. Вели человек восемь. Подвели к проруби. Первым спихнули туда товарища. Место оказалось мелкое, и, чтобы утонуть, ему надо было стать на колени или сесть на корточки. Он все вставал из проруби, его били прикладами, пока не скрылся... А другой — смотрел. И наступал уже его черед.

Одет он был легко, по-охотничьи. Прекрасная на кенгуровом меху куртка с бобровым воротником. Кто-то увидел. Стали спорить: так топить или снять куртку. Пока спорили, он ждал. И вдруг у него зачесался нос — вот как. Полез за носовым платком в карман — рука наткнулась на велоодог — совсем и забыл о нем!

Вынул платок, вытерся, положил назад в карман. И только тут выхватил велоодог — шесть зарядов — четыре выпустил подряд. Увидел, как один запрокинул голову — кровь из шеи, другой схватился за щеку. Видел на бегу — как будто сам падал...

... 300 человек их было заперто в тюрьме. Им приказали выходить по одному. Каждому привязывали к ногам старый колосник и за борт.

Портрет работы художника Б. КУСТОДИЕВА из коллекции Р. ГЕРРА (Париж)

Евгений ЗАМЯТИН

ИЗ БЛОКНОТОВ 1914 1928 ГОДОВ

И когда через месяц водолаз спустился в воду, он увидел 300 страшно раздувшихся, с огромными животами, стоячих фигур, все качались, размахивали руками, мотали головами... Водолаз задержал веревку. Когда вытащили его — он сошел уж с ума...

★★★★

Галина шла через фронт. Октябрь 1922 года. Нужно было пройти около ста верст. Ботинки стоптались. Ноги замерзали так, что она садилась, отогревала ноги, прикрыв их пальто, потом шла дальше. Изнеможение к ночи. Видит: железная будка, огонек. Вошла. Женщина на пороге:

— Да как же вы у нас останетесь ночевать? Беда у нас.

— Нет уже, позвольте, я идти все равно не могу...
— Ну идите...

Кухня, лампочка, прикрытая неплотно дверь в соседнюю комнату. Легла и сразу же пошла ко дну, в сон.

Вдруг: стоны из соседней комнаты. Проснулась. Хозяйка с какой-то посудинкой вышла из соседней комнаты. Галина спросила ее:

— Кто это там? Что это за стоны?

— А я ж говорила вам: беда у нас. Муж мой помер, а старший сын заболел. Черная оспа.

Галина так и подскочила, стала одеваться. А сил нет. Подумала-подумала и легла — сейчас же заснула...

Утром проснулась — хозяйка будит, сквозь слезы спрашивает:

— Вы, часом, не портниха?

— Что такое? Почему — портниха?

— Может, были бы так ласковы, обмерили бы обоих — ночью помер ведь и старший... да сшили бы им смертные рубахи.

И, может быть, еще хуже черной оспы были в дороге мужчины, этот желтый огонек в их глазах. Однажды, истомленная, попросилась к проезжавшему на телеге. Тот подвез, а за это — стал требовать... Когда доехали до постоялого и там среди мужчин Галина увидела старую, усатую, мужеобразную дьячиху, она кинулась к ней, как к матери, к ней, единственной женщине, и разрыдалась...

★★★★

...Уходил на 3—4 дня поесть, одеться. Тиф, чело-
век по 5 в день умирало. Еще можно было уходить за харчами и возвращаться. Сам Иосиф «тикал» с царского, с петлюровского, с деникинского войска. В это время Христовой. В Миргороде задержан:

— Ты кто?

— Красноармеец, до дому за харчами.

— Тебя расстреляют в Полтаве, ты из банды Христового.

Грузили в арестантский вагон в Миргороде. Ночь темная. Думает: «Надо тикать». ... Его толкнуло, упал перед самым вагоном. Просидел под вагоном — и до дому. На дороге сказали, что дома отряды ищут дезертиров, убили «дида» (богатого мужика — было десятин 18). Пошел в Лубны. Там сказали, что его уже считают дезертиром. Опять пошел домой. (Это — зима, арестован был после Нового года, пока сидел в тюрьме — уже около масленицы.) А дома уже ряд хлопцев — человек 20, «ходят з винтовками». Отряды... ищут... Хлопцы — в лес, какие прятались по хатам. Там дали винтовку ему — ходит с винтовкой. Летом собралось уже 3000 — с Борок, с Романовки. За атамана — Мандык. Умный, сообразительный, служил в милиции (при большевиках). Почему бросил милицию? Отряд, разбивший деникинцев, пограбил селян. Мандык заступился, побил их, отобрал имущество.

Мандык — до Христового. Христовой тоже был в милиции в Зенькове. Мандык — приятный с дядьками побалакать, не грабил. Потап (Антоненко) — по-другому, народ его и выдал.

Пришел Христовой вместе Мандыка и человек 15, обезоружили отряд в Лютеньке, тогда к нему пришло еще много. К концу лета у него было уже 12 пулеметов. Когда Христовой наступал на Лютеньку, заложил снаряд в дуло и взорвал, чтоб думали, что у него — орудие.

Отряды, преследовавшие махновцев, спасали Лютеньку, потом Романовку, обстреливали оба села. Наступали на Гадяч — человек до 500, а винтовок — 100, остальные с березовыми дрючками. Заняли Гадяч. Разогнал отряды Христовой — и сидел в лютеньских лесах, и уже туда не подходили близко.

Потап (Антоненко) хотел поступить в милицию, но начальник милиции Зуб не дал места. (Потап поставил ультиматум: «Или лес, или милиция».) Потап ушел в лес.

Мандык не одобрял, что Потап зря много бил людей. Потап — темный шатен, высокий, упитанный, чудные голубые глаза — детские.

Зуб путался с Потапом, доставал ему патроны.

Христовой — небольшого роста, красивый, «русявый», шустрый. Сын торговца-щетинника. Серые глаза.

Мандык — здоровый, сухой, костистый, бритый. После был уполномоченным по борьбе с бандитизмом (после амнистии). Убил двух сотрудников: те его звали гулять, но один товарищ сказал ему, что те хотят его убить. Он сам убил их и с тачанкой утек в лес. Он получил письмо из-под Киева от некоего Яцука. Поехал к нему, по дороге его схватили и убили (Яцук — провокатор).

Матюха-Гюха — был тоже в милиции. (Уличное прозвище Гиньяник.) Последний из атаманов, году в 1923. Начал весной, осенью его убили — в районе Зенькова.

Жинки: у Потапа была девка, у Христового — жинка и сестра. Еще одна — была за Потаповым братом. Иные ходили в «спидницах» и хустках, иные передевались в мужское.

Сестра Христового участвовала в боях. Жена Христового была ранена в руку (она была потом расстреляна в Полтаве). Сестра вышла замуж (за коммуниста!), когда сидела в тюрьме (коммунист в нее влюбился?).

В 1921 в октябре — амнистия.

...Видим, что через нас народу-селян много гибнет, запирают в тюрьмы, спалили село. К осени 1921 года из 800 осталось человек 40—50 (в это время начал работать Потап).

Мандык оставался еще после смерти Христового. Приехала из Полтавы ЧК, Степан — в лес к Мандыку (сначала селянина с письмом к нему). Встреча в лесу отряда ЧК с Мандыком. ЧК:

— Сдавайтесь, будете прощены и будете служить. Он сдался. Поехал в Полтаву со своими (человек 30), с ними — Палашка. С оружием. (В это время Потап работал, часть ушла к нему.) На дворе ЧК в Полтаве — начальник Линде начал беседу, любезную (обед, музыка, папиросы, граммофон). Потом Линде: — Надо, товарищи, оружие сдать.

Хлопцы:

— Нет, мы не сдамо...

Мандык сказал:

— Сдавайте.

У Мандыка оставили наган. (Большая часть думала, что идут на расстрел.) После музыки — человек 4-х взяли в тюрьму. Двоих выпустили, двое исчезли (говорили, что их отправили служить в Харьков). Один из них, Штаба, ходил с оселедцем, как запорожец...

У Потапа в это время — человек 20. Они сдаваться не захотели. Их потом окружили на хуторе и всех перебили.

«Учителька». На селе ни доктора, ни фельдшера, она подлечивала. Однажды девочка-прислуга кличет ее:

— Потап вас спрашивает.

А уж если Потап спрашивает — плохо дело: чаще всего — тут же зарубит. Бледная — выходит. Потап:

— Выйдите до сачочку.

— Зачем?

— А я товарища до вас больного привел. А чтоб вам безопасней было, так я уйду, а вы спустя к нему выйдите.

Вышла. Там — бледный, худой Хведор — ранен в грудь навилет, жалуется, что ни дышать, ни кашлять... пот. Посоветовала ему питаться получше — молоко, яйца — и лежать на солнце в лесу голым. И вот на острове, где укрывались бандиты, — туберкулезный санаторий. А к осени все же поправился Хведор.

... Она переезжала к сыну в Баранівку. Приехала за вещами, попросилась пожить. Только что легла — в дверь:

— Отвори.

Она:

— Не отворяй.

Дид:

— Нет уж, отворяй.

Открыла. Ей:

— Иди с нами.

Она хотела детей взять.

— Бери только грудного.

Вернулись с ней:

— Показывай сундук.

Она вошла в хату и сунулась с ребенком в подполье под нары. Ей кричат:

— Вылазь! — И целится из винтовки.

А на печи — 9 человек, оттуда:

— Дай пить, воды.

Ткнул ее шашкой сквозь пол под лавку — через живот. Она крикнула:

— Помираю, прощайте! — и стала вылезать.

Потап кричит:

— Подымите ребенка!

Дид схватил, положил ребенка на пол. Тогда выстрелил ей в голову, голова распалась, а он еще раз выстрелил. И оставил записку: «Лисовики убили цию защитницу коммунистической партии...» Приказал записку не трогать, чтоб все могли читать. Сын боялся хоронить: «Меня убьют».

— Як жил тода — той теперь живе, як бедовал тода — теперь бедует. Ох, лучше не жить, як так жить! Земельку дали в 15 верстах — 6 десятин.

— Почему в СОЗ не пошел?

— Я годов 25 ходил по економиям, так знаю, шо воне таке. Лучше голодать, чем так...

Старик согнутый, заросший, бровастый, руки длинные, как горилла.

— Як бы сажень земли выделили, я бы в земельку зарывся, там бы покойнейше было.

— У них музыка была, гармошка... Пришли до дядьки в садок, две дивчины с ними... А тут налетел отряд, они бегать, гармошку одну бросили. Проходят потаповские по хатам и заказывают: «Ты готовь на двух йисты, а ты готовь на четверых».

Матюха (1923 год). Партизаны.

Женщины играли большую роль. На ярмарку на Полтавщине ехали из Опшны 40 подвод с сапогами. Остановили, требуют по 12 с подводы — всего 600 пар взяли. Я знал трех агентов — трех женщин.

... Ставили себе вопрос: «Как можно убивать человека, когда я ему жизни не давал?» Большинство считало, что если гад — то можно убить.

... Женщины способны на работу агентов.

... Мы спим в хатах — 36 человек. Один «возился» с агентшей — был на страже. 50 человек милиции.

Попадали в банду больше «люди, напитанные военным коммунизмом». А я был малым — такой характер был. Голова в скольких местах пробита... Любил оружие. Потому и пошел. Брат был головой сельрады: когда объявили продразверстку, он пошел в лес, отказался (идейные мотивы).

Атаман был Матюха. Был в Красной Армии, 12

ран, 2 ордена Красного Знамени. Тип анархиста: «Что вижу — все мое». Был вором (принципиальным?). Когда «раскуркуливали» в 1922 году, местные на этом заработали, построили дома, а у него — ничего, когда вернулся. Он и пошел.

... Уводят кабанов (это начало), пишут куркулям записки: «Столько-то денег, а то будешь сожжен». И поджигают.

Матюха хорошо пел. Музыкант он был — гармонист. Матюха был жесток невероятно, любил убить: убьет и долго сидит над ним, отрежет ухо, палец, нос... Убил 2-х своих за непослушание.

Внешний лозунг — «против НЭПа», но фактически — уголовное дело.

С каждым днем банда росла (начало 1923 года весной), выросла до 100 человек. Пулеметов не было — одни винтовки. Посылали людей в Кавердину балку. Там был хороший слесарь, который имел связь с одним командиром Красной Армии в Полтаве. Он обещал достать 12 ящиков патронов. Но нужно золотом не меньше 500 рублей.

Пошли в Загрунвку к попу вдовому. Месяц, красиво, тишина, кое-где собаки. У него молодой сын с женой. Богатый собственный дом. Постучали — 3 раза — потом открыли. Поп с сыном — электрический фонарь у окон. Разбили окна. Они побросали топоры, оба стали просить, чтоб их не били. Потом:

— Дайте мне Богу помолиться.

Наганы в рот наставили... Загнали в подполье. Жена сына лежит в спальне, некоторые ее изнасиловали, она даже не кричала. А сын с отцом в подполье в другой хате. Ходят по хате, один бренчит на гитаре, другой завел граммофон, светятся все лампы, бьют посуду. На улице часовые. Шкаф — посуда, за посудой — мешок с медью старинной. Агент говорил, что у него есть золото. Спрашивали:

— Где ваше золото?

— Нет.

Жену:

— Где золото?

Она:

— Нет.

Опять искать, поднимают пол. Она (жена) все лежит. Тогда кто-то решил согнать ее с кровати. Распорол подушки. Прогнали ее в другую хату. Тогда подняли кровать (в виде ящика) — и там: шелк, шали, браслеты и стеклянная банка с золотом, завернутая в вату. Забрали, пошли. Там было на 300 рублей. Агент поехал, привез только 2 ящика, сказал, что остальные — потом, через 2 недели. Потом он удрал. Как?

У Матюхи было 4 жинки, в разных селах, все — законные.

Крестьянская молодежь любит нахальность.

Все его любили. Довольно высокий, чернявый, чую носил, щеточку-усы. Голос очень громкий. Одна из жен сказала однажды, что агент этот — дома; она добежала до лесу — 12 верст. Сели на коней, ночью приехали. Жена агента плакала, и мать; его привязали к лошади, повели к Пселу, там всадили 12 пуль. Дома нашли золото — сам признался, показал, клялся быть верным слугой.

В городок въезжает на тарантасе приезжий. Слышит: колокола звонят всюду. Спрашивает возницу:

— В чем дело?

— А это мы бандитов чествуем.

— Как так?

— А зеленые они. Грабили — житья не было. Ну, воевали с ими, а потом предложили им сдаться. Они пришли и сдались — так чествуют их. Спектакль нынче для них играют в театре...

Группа куркулей-антиколхозников. Как только «сбор»-сход — они следят. Вот сейчас уже выносить резолюцию — вдруг загорается в деревне. Дым, набат. Все бегут — сход сорван. У них — свои агенты, особенно девки. Жестоко расправляются с измненниками.

Парень из этой группы и девка, влюбленная в него, — агент. Подозрение, что она не все доносит. Тогда парень вызвал ее на свидание, на луг. Пошел туда еще с двумя, схватили ее — и бросили в колодез. Сами ушли. Она стала кричать — по горло в воде. Услышали, вытащили...

Любопытней всего, что потом она все же вышла замуж за того, кто бросил ее в колодез.

Специалист по снятию колоколов. Сын пона Мишка Покровский. Коммунист. Снимали колокола в Угличе, в монастыре. Собралось народу несметно, просят:

— Мишка, позвони последний раз!

Мишка грянул (звонарь был замечательный — попович), звонил час — и «перевод», и полиелей, и пасхальный. Народ плакал. Потом Мишка смахнул колокола вниз.

Голод на Волге.

В одной волости — ели лепешки из конского навоза.

В другом селе — распарили и съели резиновую калошу, забытую американцем.

Только что павшую лошадь — еще теплую — ели сырем.

Прошлогодние листья — деликатес.

Вокруг стоит голая, черная роща: всю кору содрали и съели.

Приносили в контору руки и головы съеденных людоедами.

На носилках в столовую притаскивали больных тифом.

Голодный зеленый блеск глаз. Взрослые умирают: кормят в первую очередь детей.

Лошади могли везти только по 5 пудов.

Могила кругом города, где попало.

Голодные двинулись ордами. Исход из Египта... Слухи о «хлебных» Туркестане и Ташкенте — туда. Кордоны.

Везут хлеб, добыли. Осмотр на станции, хотят отобрать мешки. Вой на платформе. Легли на рельсы бабы — и она, тоже везшая мешок муки для детей, — легла.

Засуха. Земля трескается — трещины в аршин глубиной.

Пожары, поджоги. Очереди за водой.

Новые нищие.

Деревня. Мальчишка деревенский другому:

— Ванька, иди домой скорее, там шпикулянты из прочих держав пришли.

Это были голодные с Поволжья — пришли в скопскую деревню.

Кашира. Закрыли собор. Очередь причащающихся последний раз, как перед светопреставлением.

Скот душат в избе. Лошадь вешают, чтобы получить страховые. Лошадь выгнали на дорогу, на хвосте записка: «Бери, кто хочет». В Кашире — 15 рублей крестьянская лошадь, 50 — рысак.

В Коломне все врачи, 150 человек, поступили в партию.

Кулаки постановили: отслужить молебен за папу (Римского).

Портрет Ленина в лучах.

«Печать только сводная; прочая запрещена».

Дети. Когда Мишку целуют, он вытирается:

— Терпеть не могу, когда девки целуют...

Девчонка:

— А в морду хошь?

— ... Еще жалеет меня! Не хочу!

Махновцы. Женщина спокойно рассказывает:

— Махновцы немного пожгли меня каленым железом за то, что братья были в Красной Армии.

Милый разговор:

— Велят мне вас повесить — зажмурюсь, а все-таки повешу.

Воробьи, малиновки, иволги, лягушки — целый день за окном.

Баба визгливая выскочила:

— Ты думаешь, как ты в галифях ходишь, так мы их тебе не спустим? Спу-устим!

Слух прошел, что в соседней деревне проявился «тайный агент». Так и сам о себе говорит:

— Я — коммунист и тайный агент.

Ну а когда узнали, что и весь агент-то Матрены Кривой сын Федька Шелуха... так и бумагу ему написали: «Федьке Шелухе».

«Граждане не умеют себя вести в данном советском учреждении, разлагаются на столах и некоторые даже спят».

Лечение. В раны кладут — табак, деготь, керосин, колесную мазь. Приходят с флегмонами. Больных возят к «волшвам».

Умирают спокойно, деловито. И никто: ни умирающий, ни кругом — не волнуются. Старуха:

— Дай-ка, дай-ка сюда кофту-то. Тут заплатка сзади. Ну, ничего, на спине, не видать будет.

Дочь:

— Ты бы, мамка, платок-то с собой постарее взяла.

Мать:

— Нет, ты уж мне не перечь. Желаю, чтобы в этом.

— Кушай, жадочный, кушай. У нас вот тоже один из плена вернулся домой, на хлеб мягкий кэ-эк накинусь. Да как живот ему вздуло — через две недели и помер. Кушай, голубчик, кушай.

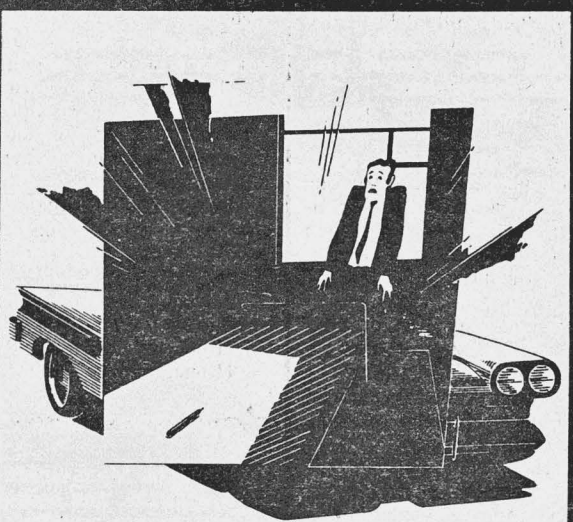
— Полтинники-то свои протри маленько.

(1918) Отслужили молебен; пришли к помещику:

— Ты барин хороший, мы все знаем, а уж прости — придется тебя повесить, нельзя иначе...

ЭКСПРЕСС-АТЕКТИВ

"Карандаш"

Филолог, органист, хормейстер, композитор... Дарование Эдмунда КРИСПИНА (1921—1978) было многогранным. Он сотрудничал в газетах и журналах. Несколько лет успешно выступал в качестве обозревателя детективной беллетристики в лондонской «Санди таймс». Но все-таки главной его страстью, наверное, был литературный труд на попрание детективного жанра. Представляем нашим читателям две «крими-миниатюры».

Только на третью ночь они пришли наконец за Элиотом. Он ждал их долго, и, хотя всегда отличался умением сохранять хладнокровие и выдержку, ожидание тяготило его. Не то чтобы он уже настолько привык к роскоши, что жить без нее не мог, но тоскливое убожество номера, который он снял в дешевых меблированных комнатах в Клеркенуэлле, всерьез действовало ему на нервы.

Сейчас, слыша, как поскрипывают деревянные ступени лестницы под их осторожными, крадущимися шагами, он мельком глянул на часы и проделал необходимую операцию с той штуковиной, которую прятал на себе. Потом он намеренно развернул кресло так, чтобы сидеть спиной к двери.

Когда дверь бесшумно открылась, его запоздалый бросок за пистолетом получился достаточно убедительным, чтобы напугать их. Кто-то негромко охнул, и все вместе они тут же навалились на него, заломили руки и неуклюже сунули револьверный ствол куда-то за ухо.

«Мелкие жулики»,—подумал презрительно Элиот, изобразив бурное, но быстро сломленное сопротивление. «Мелкие жулики»,—повторил он про себя еще раз, когда, наскоро ощупав карманы, его спустили вниз и запихнули в ожидавшую машину.

В его презрении к ним не было ни малейшего тщеславия. За долгую карьеру профессионального убийцы среди его чувств для этого не осталось места. Только однажды Элиот совершил убийство ради себя самого—тогда он был на волоске от смерти. Больше таких ошибок он не повторял.

Минула полночь. На узенькой улочке не было ни души. Огромный черный лимузин тронулся с места мягко и почти беззвучно. Немного погодя он свернул на какой-то пустырь и остановился. Шторки на окнах задернули, в рот Элиоту затолкали кляп, глаза завязали, руки крепко стянули за спиной. Когда они обнаружили, что больше не встречают сопротивления, уверенность в себе у них заметно прибавилось.

В сущности, между ними и бандой Эллисона нет никакой разницы, размышлял Элиот, заметив, что автомобиль снова тронулся. И те и другие—мелкое жулье, шайки домовников и карманников, которые не поделили территории. Поэтому-то он и оказался здесь.

Он даже не пытался запоминать

вслепую направление движения машины. Об этом его не просили, а он сам считал излишнее любопытство пороком для наемного убийцы и действовал всегда строго в рамках полученных инструкций. Откинувшись на заднем сиденье, он мысленно еще раз проанализировал задание, которое предстояло выполнить на этот раз.

«Люди Холдена начинают меня утомлять»,—сказал ему Эллисон, главарь банды—молодой хорек с напомаженными волосами и манерами дешевого супермена, заимствованными из голливудских боевиков.—Но стоит разделиться с самим Холденом, и его придурки разбегутся кто куда. Для этого дела ты нам и нужен».

Элиот только кивнул. Остальное ему было понятно без слов.

«Беда лишь в том,—продолжал Эллисон,—что мы никак не можем засечь, где укрывается Холден, в каком месте у него «бункер». Нужно, чтобы они сами вывели нас на него. Вот я и решил, что ты будешь нашей наживкой... Отравленной наживкой»,—добавил он и ухмыльнулся, обнажив мелкие, острые зубы.

Элиот должен был разыграть из себя нового и не слишком стойкого члена банды Эллисона. Потом Холдену через третьих лиц дадут понять, что новичок располагает важной для него информацией, и Холден сделает все, чтобы за получить ее.

Элиот внимательно слушал только то, что непосредственно относилось к его работе, пропуская мелочи мимо ушей. План неплох, подумал он. Холден должен был клонуть на это. И клоннул, если судить по тому, что случилось.

Путь показался ему долгим. Больше всего людей Холдена беспокоило, должно быть, чтобы за ними не было «хвоста» или чтобы сам Элиот не догадался как-нибудь, в каком месте находится берлога Холдена. Ясно, что везли они его не самой близкой дорогой.

Но вот они прибыли. Элиота провели на второй этаж и грубо швырнули на постель. Кровать—хороший признак, подумал он. Это означает скорее всего, что у Холдена всего и есть, что одна эта затхлая комната. И отлично! Тем больше шансов, что дело будет сделано.

Он дал им несколько раз ударить себя, прежде чем заговорил. Привычка терпеть физическую боль выработалась у него еще в детстве, да и почему

не потерпеть немного за такие деньги? Затем он выложил им то, что они хотели услышать—легенду, которую подбросил ему Эллисон. Правды в ней было ровно настолько, чтобы ей можно было поверить. Играя свою роль, Элиот получал удовольствие. Что-то, а это он умел. Кроме того, на его стороне было преимущество: его глаза оставались завязанными, и они не могли следить за их выражением.

По крайней мере, как ему показалось, сам Холден—нервный и, судя по голосу, уже изрядно поживший пройдоха—остался доволен его ответами. А только его мнение и имело для Элиота значение. Он не сомневался, что уже не за горами то время, когда полиция вплотную займется обеими бандами. И их шумные, но мелочные стычки из-за кусков пожирнее прекратятся раз и навсегда.

Что касается Элиота, то ему все это до лампочки. Он должен лишь четко ответить заученный урок, оставить свою «визитную карточку» и получить причитающийся гонорар. А вот наконец и неизбежное предложение, которого он заранее ожидал. Ладно, уговорили, сдался Элиот, немного для виду поломавшись. Он согласен работать на них, если, конечно, ему будут хорошо платить. И это они тоже охотно проглотили, принялись наставлять Элиота, что конкретно он должен был разнюхать для них о планах банды Эллисона, даже дали покурить, вставив ему сигарету между разбитыми губами.

Он готов был расхохотаться. Повязку с глаз ему так и не сняли. Такого доверия он еще не заслужил. Ясно, что они его отпустят, но на всякий случай не хотят, чтобы он запомнил слишком много.

Он выйдет отсюда—это все, что ему хотелось знать. Лежа вытянувшись на кровати, он едва уловимым движением залез пальцем в шов своего пиджака, и оттуда вывалился на простыню прямо под ним длинный и узкий предмет, который при обыске не нашли, да и не должны были найти. Едва заметно изменив позу, он слегка приподнял плечи и, насколько позволяла веревка, запихнул предмет под подушку. Это была великолепно сработанная миниатюрная вещица. Элиоту было даже немного жаль с ней расставаться. На первый взгляд—обыкновенный автоматический карандаш, но со встроенным часовым механизмом и мощным зарядом взрывчатки.

Эллисон сказал ему, что это одна из тех маленьких штук, которыми во время войны снабжали французское Сопротивление для организации покушений на крупных гитлеровских военных чинов. Элиот не мог не оценить «карандаш» по достоинству, хотя как орудие убийства он казался ему слишком ненадежным. С таким же успехом, как и Холден, взлететь на воздух может какая-нибудь дуреха горничная, которая в недобрый час полезет делать уборку. Только это уже не его забота. Он выполнил, что было велено, и деньги получит теперь в любом случае.

Обратно его везли, видимо, тем же маршрутом. Снова остановка на пустыре, где кляп был вынут, глаза и руки развязаны. Поднявшись в свой номер, Элиот подошел к окну и в неверном свете наступающего утра увидел, как умчался прочь лимузин Холдена.

Он изучил в зеркале повреждения на своей физиономии. Ничего страшного! Первым его движением было начать укладывать вещи, но потом он почувствовал необходимость в кратком отдыхе и завалился вздремнуть. Взрывное устройство должно было сработать в восемь утра.

Спал он по обыкновению чутко и проснулся без четверти восемь, когда уже совсем рассвело. Быстро упаковаться и—к Эллисону, такую программу он для себя наметил. Из вечерних выпусков газет незадолго перед посадкой на континентальный паром он узнает, что случилось с Холденом.

Он сдвинул подушки в сторону, чтобы было больше места для его огромного, выдавшего виды чемодана. Часы на башне церкви Святого Джона начали бить восемь...

И тут он увидел «карандаш».

Какое-то мгновение он пялился на него в полнейшем недоумении, а потом сразу все понял. Конечно!—подумал Элиот с тоской. Конечно же! Они не стали рисковать секретом своего «бункера». Именно сюда они вернулись, покружив для отвода глаз по городу. И допрашивали они его именно здесь, в его собственном номере.

Панический ужас овладел им. Он хотел броситься бежать. Расстояние от постели до двери можно было преодолеть в три прыжка, но взрыв грянул и разнес тело Элиота в клочья прежде, чем он успел схватиться за ручку двери.

Джордж Готобед постучал в дверь, и ему открыла разбитная, рослая женщина лет около шестидесяти.

— Здравствуйте, мистер Готобед! — громкогласно приветствовала она Джорджа. — Моя фамилия Прэйди. Я компаньонка вашей тетюшки. Пожалуйста, заходите. У нас здесь такой беспорядок! Мы только три дня как приехали, так что вы уж нас извините.

— Что вы, не стоит извинений, — пробормотал Джордж.

— Говорите громче! — буквально заорала мисс Прэйди. — У нас обеих такой плохой слух, что просто беда. Ваша тетюшка пользуется слуховым аппаратом, а мне и он не помогает. Сюда, пожалуйста. Шляпу можно пока положить на этот стул.

Тетюшка Фэнси, с которой Джордж Готобед виделся впервые, являла собой разительный контраст своей подруге. Крошечная нахолодившимся ворушом она опасливо жалась в угол огромного дивана. Рядом с ней стоял небольшой радиоприемник, из которого лились звуки негромкой музыки. Если она глуха, подумал Джордж, то как же, черт возьми, она его слушает? И только потом он заметил у нее за ухом раковинку слухового аппарата.

При виде племянника тетюшка заметно оживилась, посыпались приветствия, начались неизбежные расспросы. Негромкий диалог продолжался до тех пор, пока их не перебило слегка раздраженное требование мисс Прэйди говорить громче, после чего они перешли на крик.

Но самое странное началось, когда мисс Прэйди ушла на кухню, чтобы приготовить чай. Как только дверь за ней закрылась, любезное выражение на лице тетюшки Фэнси сменилось тревогой и страхом.

— Джордж... Мистер Готобед, — торпливо зашептала она. — Не оставляйте меня здесь одну. Я не знаю, зачем она это делает, — глазами тетюшка красноречиво показала на дверь, — но ужасно боюсь. Не уезжайте, прошу вас! Оставайтесь на ночь. Умоляю, не...

Она замолчала, потому что дверь отворилась и в комнату вернулась мисс Прэйди. Господи, подумал Джордж, это что, шутка? Или у старушки не все дома?

Он быстро размышлял, потягивая под звуки джаза чай из своей чашки, и постепенно пришел к выводу, что никак не может принять слов тетюшки всерьез. Конечно, бывали случаи, когда компаньонки убивали богатых старух, чтобы завладеть их деньгами. Но ведь у тетюшки Фэнси, насколько ему известно, нет ни гроша. И потом... Нет, нет, полная чушь!

Посидев еще немного, Джордж поднялся, чтобы раскланяться. Остаться ночевать его больше не приглашали, а взгляда тетюшки он старательно избегал. Мания преследования, заключил он, шагая обратно к деревне. Бедняжка!

Сколько раз потом спрашивал он себя, твердо ли он был тогда убежден в этом.

Попав в Оксфорд в тот же вечер он уже не мог. Поэтому он снял номер в сельской гостинице, планируя отправиться домой поутру. Но вернулся он туда только через двое суток.

«Вот так я и застрял там, — рассказывал он своему университетскому куратору Джервасу Фэну. — Ночью их дом ограбили, тетюшку задушили подушкой. Естественно, мне пришлось присутствовать на следствии, участвовать в опознании. Я счастлив, что мне удалось вырваться оттуда хотя бы сейчас».

— Можете не извиняться, дорогой Джордж, — сказал Джервас Фэн. — Я отлично понимаю, что все это куда важнее вашей курсовой работы. Конечно, я очень сожалею по поводу вашей тети...

— Ничего, сэр, — перебил его Джордж Готобед. — Если признаться честно, я не могу сказать, что это так уж сразило меня. Я только не могу избавиться от чувства вины — я ведь не отозвался на зов о помощи. Тетюшку я прежде никогда не видел. Да она и не родная тетка мне вовсе, а сестра моего отчима, и понятно, что я...

— Можете не продолжать. Скажите лучше, вы в самом деле ее единственный родственник?

— Да, сэр.

— В таком случае логично предположить, что вы упомянуты в ее завещании, не так ли?

— Не думаю, сэр. Понимаете, пока отчим был жив, они без конца ссорились. Мне она ни разу не написала ни строчки. Только два дня назад я получил от нее открытку с приглашением прийти и повидать ее. О каком наследстве здесь может идти речь?

— Так. Все это любопытно. Теперь давайте посмотрим, что мы с вами имеем. Как я понял, ваша тетюшка Фэнси уехала в Кению сорок с лишним лет назад и безвыездно жила там все эти годы, пока в прошлом месяце не вернулась вдруг в Англию. Вы случайно не знаете почему? У нее были для этого какие-то особые причины?

— Сдается мне, сэр, что у нее не осталось денег. Нужно было переходить на более скромный образ жизни, а поскольку женщина она гордая, ей легче сделать это в Англии, где ее никто не знает.

— Понятно. Что ж, значит, наследовать вам нечего...

— Как же, а страховка? Ее жизнь была застрахована на вполне приличную сумму. Половину получает ее компаньонка, мисс Прэйди, а другую — я. — И поколебавшись с секунду, Джордж добавил: — Скажите мне, сэр,

кто, по-вашему мнению, совершил это убийство? Грабитель? А может быть, мисс Прэйди?

— Думаю, что нет, — быстро ответил Фэн. — У вас есть фотография вашей тетюшки?

Джордж покачал головой.

— Нет, сэр, но...

— Тогда нам остается только пожить на Лоукинза. Это один из моих бывших студентов. Он уже несколько лет живет в Найроби. Человек это весьма общительный, знает все и вся. Думаю, он сможет сообщить нам кое-какие факты о вашей тетке и мисс Прэйди.

Фэн поднялся.

— Телеграфная связь работает быстро. Давайте-ка встретимся с вами еще раз часа через два.

И действительно, через два часа от- вет уже пришел.

«ФЭНСИ ЛУМИС ПОЧТИ СОВЕРШЕННО ГЛУХА. ПРЭЙДИ СЛЫШИТ ВЕЛИКОЛЕПНО. МОЕ ПОЧТЕНИЕ. ЛОУКИНЗ», — с изумлением прочитал Джордж.

— Что это значит, сэр?

Фэн усмехнулся.

— Чтобы окончательно удостовериться, нужно будет послать в Найроби фотографии для опознания. Я уже позвонил в полицию, и они этим займутся. Хотя лично я в результатах не сомневаюсь.

— Что-то я пока ничего не понимаю, сэр.

— Бросьте, Джордж! Неужели вам до сих пор не ясно, что женщина, которую вы принимали за мисс Прэйди, была на самом деле вашей тетей и соответственно та, которую вы считали своей родственницей, была мисс Прэйди.

Точно так же, — продолжал Джервас Фэн, — нетрудно разобраться в мотивах. Представьте себе вашу тетюшку, у которой не осталось ни гроша за душой, кроме страховки. Она приезжает в Англию вместе с мисс Прэйди. Здесь

их никто не знает. Она меняется с компаньонкой ролями и совершает убийство, чтобы завладеть половиной страховки. Вас она пригласила, чтобы рассеять возможные подозрения, которые могли бы возникнуть, если бы эту пару не знал никто в целой стране. Даже вы — ее племянник. Кроме того, для отвода глаз было инсценировано ограбление.

Мы, возможно, уже никогда не узнаем, как сумела ваша тетюшка уговорить мисс Прэйди пойти на эту подмену. Однако, судя по вашему описанию, можно заключить, что это был слабохарактерный человек, легко поддающийся чужому влиянию. «Я не знаю, зачем она это делает...» Бедняжка, она все-таки что-то заподозрила.

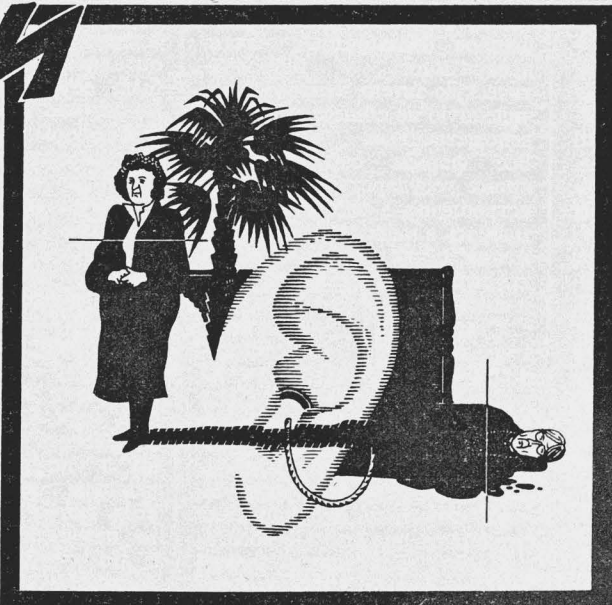
— Но, сэр, как вы об этом догадались?

— Радио, Джордж, — ответил Фэн. — Конечно же, радио! Помните, вы сказали, что по радио негромко звучала музыка? А на вашей «тетюшке» был слуховой аппарат. Вы тоже говорили с ней негромко. Если она действительно глуха, аппарат значительно усиливал для нее ваш голос. Но ведь одновременно он должен был усиливать и звук радио. Значит, хотя для вас музыка звучала приглушенно, для нее она все время должна была быть очень громкой. Можете вы себе представить, чтобы при подобных обстоятельствах она могла что-то говорить вам на пониженных тонах, а тем более — шептать? Разве можно разговаривать спокойно в комнате, где орет радио? Вывод очевиден: женщина, с которой вы разговаривали, вовсе не была глуха. Это натолкнуло меня на мысль, что здесь кроется какой-то трюк. А разобраться, какой именно, уже не составляло большого труда.

Боюсь, теперь вашу родственницу ждет суровое наказание. И надо сказать, вполне заслуженное...

Перевод Игоря МОНИЧЕВА

Смерть и тетюшка Фэнси

ЭКСПРЕСС-ДЕТЕКТИВ

МИРЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Начало на стр. 10.

словами. Ленин определил для России целую историческую эпоху **переходного состояния** от феодализма и капитализма, в котором страна пребывала, к социализму. Эта эпоха получила название нэпа.

Нэп долгое время трактовался у нас очень обедненно, только как переход от продразверстки к продналогу. На самом же деле это было сложное, многоплановое явление. В период нэпа не только село, но и городская промышленность были переключены на принципы рыночной экономики. Предприятия получили огромную самостоятельность и вели свою деятельность на принципах коммерческого расчета. Произошло частичное восстановление частного сектора в промышленности и торговле. Намечалось привлечение иностранного капитала в порядке концессий. Денежная реформа 1922—1924 годов оздоровила финансовую систему страны. Золотой ленинский червонец создал условия для вовлечения экономики России в международное разделение труда. Оптовая торговля стала нормой хозяйствования. Бюджетное финансирование было заменено банковским кредитованием. Широкое использование товарно-денежных отношений сочеталось при Ленине с укреплением плановых начал, но сам план формировался с учетом процессов, происходивших на рынке.

Административно-командная система, существовавшая (вынужденно) в период «военного коммунизма», была подорвана в самой основе, и экономика страны начала все больше освобождаться от волюнтаризма и бюрократии, подчиняясь в своем развитии объективным экономическим законам. Марксизм Ленина состоял в том, что он не собирался заставлять страну перепрыгивать через те этапы развития, которые она не прошла. Он четко отдавал себе отчет в том, что уровень **экономического обобществления** в стране еще настолько низок, что о непосредственном переходе к социализму речи не могло быть.

Обобществление юридическое, волевое, силовое и обобществление экономическое на базе углубления разделения труда и повышения его эффективности — вещи разные. Но разные они для марксистов. А для «марксистов-ленинцев» разницы тут нет никакой. Для них национализация и конфискация — начало и конец превращения частной собственности в общественную. Они убеждены: стоит лишь взять и свалить все в одну кучу — самые примитивные обычные вещи, орудия производства — и бедность, собранная в одну кучу, сразу станет несметным богатством. Это открытие привнесено Сталиным в его «марксизм-ленинизм» и составляет одну из основ этого специфического учения. В работе «К вопросам аграрной политики в СССР» Сталин, доказывая преимущества крупного хозяйства перед мелким, писал: «Я говорю не только о колхозах развитых, имеющих машинно-тракторную базу, но и колхозах первичных, представ-

ляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь. Я имею в виду те первичные колхозы, которые создаются ныне в районах сплошной коллективизации и которые опираются на простое сложение крестьянских орудий производства... А между тем простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики».

В то время как Ленин еще в 1918 году говорил о переходных этапах к социализму, подчеркивая: «Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем», Сталин ни о каких переходных этапах даже не заикался, если не считать «переходной» работу по полному силовому искоренению сначала частной, а потом и кооперативной собственности. «Марксизм-ленинизм» исходит, таким образом, из задачи **прямого насаждения непосредственно социалистических форм общественной жизни**, не считаясь со зрелостью объективных условий.

Тот сценарий перехода к социализму, который Ленин **заново** переписывал в 20-х годах, исходил из **окольного, косвенного** захода страны в социализм, через нэп, через «рыночный социализм». «Марксисты-ленинцы», к сожалению, не поняли гениальности замысла Ленина и вскоре после его смерти достаточно единодушно свернули его план переустройства общества, вернувшись к тем нормам хозяйствования, которые складывались в чрезвычайных условиях гражданской войны, в период «военного коммунизма», когда родилась административно-командная система.

Сталин уничтожил предприятие как первичную обществу ячейку, превратив всю экономику в одно гигантское предприятие, управляемое по системе иерархической связи. Деньги, с таким трудом восстановленные Лениным, были выброшены на свалку истории, и все связи между производственными подразделениями были натурализованы. Рынок прекратил свое существование. Его заменило карточное распределение. Бюджетное финансирование заменило банковский кредит, что привело в движение затратный механизм, подрывающий эффективность производства. Планирование, лишнее стоимостных начал, превратилось в бюрократическую затею, целиком подчиненную не общественным, а ведомственным интересам. Все формы собственности, кроме государственной, были истреблены, а последняя, оказавшись в монополиях, подожгла, стала эксплуатировать трудящихся, взвинчивая цены и снижая качество товаров.

Сталинский «марксизм-ленинизм» сбил наше общество с ленинского пути, и до сих пор мы блуждаем в дебрях догм «военного коммунизма», не в силах сбросить это тяжелое наследие прошлого, заведшее нас в тяжелую критическую ситуацию. И сегодня нас страшит опасность восстановления капитализма всякий раз, как только мы беремся за ум и начинаем считаться с реальностью. А она состоит в том, что социализм в одной стране построить невозможно, что новый строй предполагает неизмеримо более тесное сотрудничество (научное, экономическое, культурное),

чем когда-либо прежде, со всеми, кто к этому сотрудничеству расположен. Вера в социализм в отдельно взятой стране с неизбежностью ведет к построению глухих стен между странами, к политике «железного занавеса», за которым можно бесконтрольно творить все, что хочешь.

К КАКОЙ СИСТЕМЕ ПРИНАДЛЕЖАТ США?

Третье отличие сталинского «марксизма-ленинизма» от ленинского марксизма состоит в том, что Ленин успел в 20-х годах сделать вывод о новом соотношении в развитии капитализма и социализма. Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, считал, что созревание социализма, как и всех других формаций, начинается и происходит естественноисторическим путем, — уже внутри капитализма. Известно, что еще в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» Маркс писал о формировании в недрах буржуазного общества «производственных отношений» и «отношений обобщения», которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя... «Если бы в этом обществе, как оно есть, — писал он, — не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им **отношения обобщения** (выделено мной. — Г.Л.), необходимые для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы доныколотством...» Относительно такого диалектического подхода Маркса к эволюции капитализма Ленин замечал: «У Маркса нет и капелки утопии в том смысле, чтобы он сочинял, фантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, **рождение** нового общества из старого, переходные формы от второго к первому».

В сталинской интерпретации капитализм рассматривается как общество, способное подготовить социализм лишь в плане материально-техническом, путем соответствующего развития производительных сил. А формирование социалистических производственных отношений объявляется **невозможным** при капитализме. В работе «О диалектическом и историческом материализме» Сталин пишет: «...Переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса от капиталистического гнета может быть осуществлено не путем медленных изменений, не путем реформ, а только **лишь** путем качественного **изменения капиталистического строя, путем революции**» (выделено мной. — Г.Л.). И еще: «Стихийный процесс развития уступает место сознательной деятельности людей, мирное развитие — насильственному перевороту, эволюция — революции».

Все это могло бы быть и так, если бы... если бы подтвердились гипотезы марксизма о «призраке» и о загнываемом капитализме. Но коль скоро обе эти гипотезы не нашли подтверждения ни в 1917-м, ни в последующие годы, то настаивать на насильственном перевороте было равносильно оголтелому авантюризму. Марксист Ленин это понял. «Марксисты-ленинцы», будучи не в силах внести коррективы в свои расчеты, по инерции предыдущего этапа устремляют-

ся в пропасть, увлекая за собой обманутый народ.

Ленин же в 1923 году признает, что движение капиталистических стран к социализму пойдет «не так, как мы ожидали раньше», он говорит о «вызревании» социализма внутри капитализма. Если согласиться с этим, если так оптимистично посмотреть на перспективы неизбежного вызревания социализма и движения к нему разных народов, то в этом случае сохраняется идея зарождения мирового социализма, но только без мировой кровопролитной революции, а созидательным, эволюционным путем. Тогда не надо огорождать строительство социализма в отдельно взятой стране. Тогда и нэп, будучи продолжен во внешних отношениях России с соседями, выглядел бы отказом от мировой пролетарской революции, а лишь иным способом движения к намеченной цели.

Ясно, что приверженность идеям «марксизма-ленинизма» с его ориентацией на насильственное свержение буржуазных режимов там, где только открывается такая возможность, не способствует взаимопониманию, добрососедству, доверию между народами. А при нынешних разрушительных видах оружия даже разговор на эту тему и в таком ключе кажется бесчеловечным, преступным. Вот почему сталинский «марксизм-ленинизм» — опасное учение, не способствующее установлению мира на земле и представляющее социализм не как естественный, неизбежный ход развития вещей, а как результат насильственного волюнтаристского вмешательства в жизнь той или иной страны, того или иного народа.

Те новые тенденции, которые едва намечались в 20-е годы в развитии капитализма и которые подметил Ленин, вполне оформились в наши дни. Хочу в этой связи обратить внимание на статью профессора Л. Любимова «К какой системе принадлежат США?» (Литературная газета. 1989. 28 июня). Сама постановка вопроса может многим показаться дикой: США ведь цитадель империализма, где само слово социализм вызывает ненависть. Это если смотреть на вещи в традиционном ключе, а Л. Любимов предлагает взгляд непредвзятый. И вывод его таков: «Уже не первый десяток лет в Соединенных Штатах в рамках эволюционного процесса **формируются общественные отношения принципиально нового типа**» (выделено мной. — Г.Л.). Этот свой вывод автор подкрепляет вескими аргументами.

Прежде всего он обращает внимание на высокую стоимость рабочей силы по сравнению с другими странами, что является результатом того, что «от работника не отуждался, не отнимался продукт, полученный в результате наращивания трудовых усилий». В стране существует эффективная государственная система социального обеспечения, учредившая страхование по старости и безработице. Социальные расходы государства составляют около 1 триллиона долларов. Эти средства формируются не по известному нам остаточному принципу, а исходя из целевых программ социальной защиты граждан. Действие традиционного рыночного механизма дополняется, страхуется системой государственного

регулирования производственных процессов.

В США возникло правовое государство, гражданское общество, основанное на идее так называемого социального договора, склонное к решению проблем на основе общего соглашения — консенсуса. Трудящиеся активно привлекаются к управлению производством через систему участия в прибылях, через расширение круга акционеров (47 млн. человек). Американское общество обеспечивает высокий и все повышающийся жизненный стандарт. Ныне он включает в себя первоклассное жилье (в среднем по 35—40 кв. м на душу населения), широкие возможности повышения образования, высококачественные медицинские (с высокой долей оплаты за счет госбюджета) и спортивные услуги и так далее. «Как видим (кстати, не только на примере США), — заключает профессор Любимов, — процесс социализации может возникнуть и развиваться отнюдь не только вследствие насильственного переворота. Новый мир может быть создан без сокрушения старого, а просто перерастая старый мир и развиваясь дальше, дальше и дальше. Факторы эволюционного преобразования капитализма, метаморфозы его сущности оказались достаточно сильными, чтобы критическая масса здоровых «новообразований» стала серьезной основой для перехода к какому-то новому этапу с универсальным признанием социальных ценностей».

Оправдывается, как видим, тезис Ленина о том, что капиталистические страны придут к социализму «не так, как мы ожидали раньше». Полную несостоятельность и в этом вопросе сталинского «марксизма-ленинизма», твердящего о невозможности эволюционного пути, о неизбежности кровавого насилия для утверждения социализма даже тогда, когда без этого можно вполне обойтись, замечает все больше и больше людей.

Выступая 2 июня 1989 года на Съезде народных депутатов, писатель Ч. Айтматов так выразил эти мысли, приходящие в голову каждому, не оравленному «марксизмом-ленинизмом» сталинского покроя: «Пока мы гадали, судили и ржали, каким должен быть социализм, другие народы уже его имеют, построили и наслаждаются его плодами. Причем мы своим опытом со служили им хорошую службу, показав, как не следует строить социализм. Я имею в виду процветающие правовые общества Швеции, Австрии, Финляндии, Норвегии, Голландии, Испании, наконец, Канады за океаном. О Швейцарии я уж не говорю — это образец».

Социальная защищенность, уровень благосостояния трудящихся этих стран нам только могут сниться. Это и есть реальный и, если хотите, рабочий профсоюзный социализм, хотя эти страны и не называют себя социалистическими, но от этого им не хуже».

Так что настало время прекратить бросать друг в друга булыжниками: «Капитализм!», «Социализм!». Надо спокойно разобраться, кто, что и как делает для жизни людей, а потом судить, хорошо это или плохо.

Окончание следует.

БЮЛЛЕТЕНЬ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» НАГРАЖДАЕТ ОСОБО ОТЛИЧИВШИХСЯ ОПЕРАТИВНЫХ РАБОТНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДЕНЕЖНОЙ ПРЕМИЕЙ В РАЗМЕРЕ 2000 РУБЛЕЙ

Николай БОНДАРЕНКО, майор милиции, зам. начальника Бахчисарайского РОВД по оперативной работе

ПО ОСТЫВШЕМУ СЛЕДУ

Труп Дины Рязановой обнаружили рыбаки в водоеме села Отрадное, в двадцати трех километрах от Бахчисарая.

То, что женщина умерла насильственной смертью, не вызывало сомнений. Об этом красноречиво свидетельствовали колотая рана на спине и тот факт, что тело, извлеченное из воды, оказалось привязанным к железобетонному колу от виноградной шпалеры.

Более полугодом назад, 24 декабря 1986 года, Дина ушла из дома и не вернулась.

Выяснение обстоятельств дела было серьезно затруднено тем, что ее сестра обратилась в милицию лишь в январе 1987 года, почти через две недели после исчезновения Дины.

Заместитель начальника отдела Бахчисарайского РОВД по оперативной работе майор милиции Н. Ф. Бондаренко опросил десятки соседей и знакомых, пытаясь выяснить, кто и где видел Дину Рязанову в тот декабрьский вечер.

Еще на первых этапах расследования выяснилось, что Рязанова была знакома с неким Виктором Соколовым. В ту пору это обстоятельство никаких подозрений не вызвало. Правда, как раз 24 декабря они вместе сидели в баре. Но Дина ушла раньше Виктора. Это подтвердили бармен и военный моряк Б. В. Астахов, находившийся в том же баре.

И все-таки в тот вечер Дина Рязанова оказалась в машине Соколова, на которой они и поехали к нему — жены Виктора не было дома.

...Когда майор Бондаренко предложил супругам Соколовым отправиться в морг для осмотра тела убитой, те сбивчиво и путано стали давать показания. Так выяснились все подробности трагедии того декабрьского вечера. Возвратясь домой и застав мужа в обществе Дины, Елена Соколова (и ранее подозревавшая Виктора в неверности) схватила кухонный нож и нанесла непрощеной гостье смертельный удар.

Вскоре Виктор вывез труп на своих «Жигулях» и спрятал его в водосточной трубе. На следующий день он и его приятель Борис Астахов извлекли тело из трубы, вывезли за город и, как им казалось, надежно спрятали в водоеме близ села Отрадное.

При обыске в квартире Соколовых были найдены многие улики и следы преступления, раскрытого по остывшим следам майором милиции Николаем Федоровичем Бондаренко.

Виктор ЧЕКУНОВ, майор милиции, зам. начальника Симферопольского РОВД по оперативной работе

ДВАДЦАТИЛЕТНИЕ УБИЙЦЫ

Сгоревший автомобиль был обнаружен в лесу 22 октября 1989 года на двадцать втором километре автодороги Симферополь — Москва. Машина принадлежала жителю села Перово Александру Ванке, выехавшему девятью днями раньше в Симферополь за покупками. Но заместитель начальника РОВД по оперативной работе майор В. В. Чекунов и его опергруппа, прибывшие на место происшествия, Ванке не нашли.

Оперативники выяснили, что 15 октября эта машина попала в аварию в поселке Гвардейское.

Между тем, изучая сводку тех дней, майор обратил внимание на сообщение, поступившее из Центральной районной больницы. 14 октября в приемный покой явился двадцатилетний житель поселка Н. В. Мельников, объяснивший, что получил ножевое ранение в Симферопольском парке имени Тренева. С ним в это время находился его ровесник В. В. Ведерников.

При обыске у Ведерникова были изъяты ключи от автомашины, атлас автомобильных дорог и другие вещественные доказательства преступления.

Мельников указал место, куда они с Ведерниковым привезли Ванке, после чего, нанеся ему несколько ножевых ранений, уехали. Однако показать, где находится труп, преступники не смогли или не захотели.

Тело потерпевшего было обнаружено 11 ноября в лесу в шести километрах от села Красное.

Одновременно с этим группа В. В. Чекунова расследовала и другое особо опасное преступление.

25 октября в реке Салгир на окраине села Укромное Симферопольского района был найден обезглавленный труп обнаженного молодого человека.

Скоро появилась зацепка — стало известно, что накануне ночью в селе видели А. В. Чукина, находившегося во всесоюзном розыске за разбойное нападение.

...Чукина задержали в городе Янгилье Ташкентской области и доставили в Симферопольский РОВД. Под давлением доказательств Чукин сознался в убийстве.

Федоров тоже долго отрицал свою причастность к преступлению. Но у него были изъяты вещи потерпевшего. И Федорову уже не оставалось ничего другого, как признаться, показав, где хранился топор, ставший орудием убийства, и сообщить данные потерпевшего, которым оказался житель Керчи Н. Н. Руденко.

Юрий ВИКТОРОВ, полковник милиции, зам. начальника УУР УВД Крымского облисполкома

СПИЧЕЧНЫЙ КОРОБОК

Глубокой ночью по Симферополю мчались красные «Жигули», не обращая внимания на требования работников милиции остановиться.

Не вписавшись в поворот у кинотеатра «Космос», автомобиль ударился о бордюр. Отлетело левое переднее колесо. Трое, выскочив из машины, скрылись в парковом массиве.

Чехлы сидений были пропитаны кровью, в салоне валялся финский нож...

Владельцем «Жигулей» оказался житель Симферополя Ю. В. Тыква. Однако ни жена, ни двое детей с тех пор, как он уехал из дома, его больше не видели.

Оперативно-следственную группу возглавил полковник милиции Юрий Степанович Викторов.

Эксперты идентифицировали состав краски «Жигулей», разбитых у кинотеатра «Космос», и краски, обнаруженной на месте дорожно-транспортного происшествия на девятом километре Николаевской трассы.

Похоже, именно на этом ее участке и было совершено нападение на владельца автомобиля.

Внимание оперативников, участвовавших в поиске, привлекла лиса, разгребавшая лапами траву и листья. Так в нескольких километрах от Симферополя, вдалеке от автодороги, на пятые сутки был обнаружен труп Ю. В. Тыквы.

При повторном осмотре автомашины полковник Викторов заметил в щели под половиком салона смятый спичечный коробок с надписью «Козлова, столовая».

...Лена Н., работавшая в столовой на улице Козлова, подтвердила, что надпись на коробке сделал ее случайный знакомый Коля.

Работники милиции установили, что Коля живет в одном из сельских районов Крымской области и его полное имя — Николай Рухайло.

Спустя неделю оперативники задержали его приятеля Никитина, скрывавшегося в заброшенном здании, а также Коротая, проживавшего у проститутки.

Под тяжестью улик и собранных доказательств Никитин и Коротаяв сознались, что вместе с Рухайло на железнодорожном вокзале Симферополя сели в «Жигули» и попросили отвезти их к морю. По дороге в село Николаевку преступная группа завладела автомашиной. Злоумышленникам нужен был транспорт для совершения преступлений и деньги.

Через месяц был задержан и третий соучастник преступления — двадцатилетний Николай Рухайло.

Юрий ЧУПРИНОВ, капитан милиции, зам. начальника отделения уголовного розыска Феодосийского городского ОВД

ПИКНИК НА БЕРЕГУ

Когда капитан милиции Юрий Чупринов приступил к расследованию квартирной кражи, совершенной в поселке Приморском в Феодосии, он и не подозревал, что она может оказаться ключом к раскрытию убийства военнослужащего С. Д. Тошмахсимова.

С тех пор, как в реке Байбуга близ Феодосии был обнаружен труп Тошмахсимова с множественными ножевыми ранениями, прошел уже месяц.

Пожалуй, если бы капитану Чупринову не удалось задержать квартирного вора Алехина, ранее работавшего в поселке, расследование убийства могло бы затянуться. И вот почему. Алехин, сознавшись в краже, просил о снисхождении, обещал вернуть похищенное и в разговоре предположил, что убийство солдата мог совершить Пятаков, местный хулиган. Он даже опознал нож Пятакова, найденный работниками милиции неподалеку от места происшествия.

Пятаков в это время получил пятнадцать суток за мелкое хулиганство и содержался под административным арестом. Свою причастность к убийству он признал лишь тогда, когда его вывели на место происшествия и предъявили нож.

...В тот день, 5 августа, Пятаков, Алехин, Копчаев и Савлуленко пили водку, расположившись на берегу Байбуги. Предложили выпить с ними проходившему мимо Тошмахсимова. Тот отказался. Оскорбленные отказом, собутыльники набросились на солдата и стали его избивать. Тогда Алехин и дал свой нож несовершеннолетнему Пятакову.

После убийства Пятаков вернул нож Алехину, а тот бросил его в канализационный люк.

Преступники не остались безнаказанными. Точно так же, как не ушли от ответа жители Феодосии С. Н. и ранее судимый А. Е...

6 октября на старом кладбище был обнаружен труп мужчины с признаками насильственной смерти. Юрий Чупринов быстро установил личность убитого, разыскал тех, кто в последнее время общался с потерпевшим, грамотно провел задержание преступников.

Вскоре С. Н. и А. Е. предстанут перед судом.

Член нашей редколлегии генерал-лейтенант милиции Вячеслав Панкин перечисляет свой гонорар за материал о «чимкентском деле», опубликованный в шестом номере бюллетеня, в фонд помощи семьям погибших милиционеров.

ПОЧТА «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Несколько мыслей, вызванных статьей С. Шпилюк «Рэкет уголовный и «государственный» («Совершенно секретно», № 2).

Общезвестно, что перестройка — это политика. Но если исходить из принципиального ленинского положения о взятничестве, то сейчас (о чем частично идет речь и в статье) эта политика, политика перестройки, находится в **чрезвычайно тяжелом** состоянии.

Судите сами. Принципиальное ленинское положение, которое, кстати, никто не опроверг, но его почему-то нигде и не упоминают, гласит: «Наконец, если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет речи о политике. Тут еще нет даже подступа к политике, тут нельзя делать политики, потому что все меры останутся висеть в воздухе и не приведут ровно ни к каким результатам» (Ленин В. И. НЭП и задачи политпросветов. ПСС. Т. 44. С. 174).

Эксперты-специалисты утверждают («АиФ» № 9, «Известия» № 40 и т. д.), что **лишь 2%** от общего количества взятничества **выявляется** и разоблачается в нашей стране. (Как юрист с 37-летним стажем, утверждаю, что этот показатель в **настоящее** время явно завышен. Взятничков **выявляется** примерно 0,5%, а **привлекается к ответственности** значительно меньше).

Таким образом, со взятничестве **практически** борьба не ведется, а созданные подразделения по борьбе с организованной преступностью в **основном** занимаются рэкетом и другими уголовными проявлениями, мало связанными с **коррупцией** в экономике, медицине, культуре, образовании, в бытовых услугах и т. п. Здесь нужны другие, более радикальные меры.

В. ГАЙДАКА
Киев

При обыске у группы квартирных воров-гастролеров была найдена издаваемая вами газета «Совершенно секретно». Так случайно у наших работников появилась возможность познакомиться с ней. Их мнение однозначно: очень интересное, информативное, полезное издание, по сути, обреченное на успех у самых широких слоев населения. Наибольший интерес, мне кажется, оно представляет для сотрудников милиции — работников оперативных служб и следствия.

Бюллетень расширяет кругозор в вопросах правоприменительной дея-

тельности, знакомит с новыми, нетрадиционными подходами в борьбе с преступностью, а благодаря живой, увлекательной форме подачи материала читается с интересом всеми сотрудниками независимо от уровня образования и стажа работы.

Но вот что обидно. Мы, сибиряки, находимся в далеке не равном положении с центральными регионами страны. Отстает не только оснащенность местной милиции, но и обеспеченность современной, профессионально необходимой информацией, в частности, такой, которой насыщено ваше издание. Купить его в городе невозможно.

В связи с этим есть предложение. Подразделения уголовного розыска и следствия УВД Красноярского горисполкома становятся внештатным корреспондентским пунктом бюллетеня «Совершенно секретно». Пункт мог бы передавать для вас определенную информацию по вопросам борьбы с преступностью в городе и крае, а также конкретные факты как по расследуемым, так и по раскрытым преступлениям. В свою очередь от вас, если будет такая возможность, мы наеемся получать по 5—10 экземпляров каждого номера. Знакомство почти 500 практических работников ведущих служб красноярской милиции с публикуемыми вами материалами безусловно будет способствовать росту их профессионального мастерства.

С уважением

Н. Г. ОСИПОВ,
зам. начальника УВД КГ
Красноярск

В четвертом номере «Совершенно секретно» прочитала небольшие рассказы Андрея Наседкина, мальчика, прошедшего через страшное горнило — войну в Афганистане. Они потрясли меня своей безумной болью, которую Сэд, как любовно звала автора рассказов студенческая братия, так и не смог вынести, вернувшись домой с этой подлой бойни. Как пишет в предисловии Д. Лиханов, война доконала его не в окопе, а в ванной комнате с перерезанными венами. Но война убила не только человека, чье-то сына, но и талантливого писателя. Доказательство этому — две его маленькие исповеди.

Т. КОЗЛОВА,
мать двоих сыновей
Ялutorовск

Заместитель Генерального прокурора СССР, государственный советник юстиции I-го класса Александр Катусев в «Совершенно секретно», № 1, выражая свое мнение о работе следователей, считает, что «писать о работе следователей обязательно надо. Писать самим специалистам (в том числе и работникам прокуратуры) и профессиональным публицистам. Писать правду, какой бы она подчас горь-

кой ни была. Но только правду!». Правильно!

В другом издании были заданы вопросы о работе правовых органов и министру внутренних дел Вадиму Викторовичу Бакаину. На вопрос корреспондента: «Как можно, на взгляд министра, обеспечить, с одной стороны, дальнейшее развитие демократии, а с другой — дальнейшее укрепление дисциплины?» Вадим Викторович ответил, что «без укрепления дисциплины развитие демократии невозможно. Это аксиома».

Но ведь у нас отличная дисциплина в органах внутренних дел! Например, верхним инстанциям в прокуратуре и МВД должны подчиняться следователи — нижестоящая инстанция. Своей самостоятельности они не имеют. Любый указ сверху заставит их изменить справедливое решение, потому что следователи боятся за свой мундир. Указания, приказания сверху по расследованию дел они обязаны выполнять и выполняют.

Есть честные, добросовестные работники, переживающие за всякие несправедливые решения бюрократии. Они выступали в печати с предложениями создать ассоциацию следователей, которая могла бы без всяких указаний и приказов расследовать дела самостоятельно, объективно, что так необходимо при защите граждан нашей страны. Но высшая бюрократия заставила их замолчать.

Никаких решений в связи с их требованиями получить самостоятельность не последовало. Не значит ли это, что в правоохранительной системе у нас нет никакой перестройки? Бюрократия будет, наверно, ссылаться на обновление законов в отношении деятельности судов. Но каждому ясно, что суд утверждает, выносит решение по делу, которое расследует следователь. От добросовестного расследования дела зависит справедливое решение суда. И наоборот! Недобросовестное расследование ведет к несправедливому решению. Итак, все зависит от справедливого расследования. А следствие все еще подчинено высшим инстанциям.

В журнале «За рубежом» за 1985 год в одной из статей было сказано, что в ФРГ 83 процента дел разбирают частные следователи и на них не было ни одной жалобы. Это понятно: следователям в ФРГ нечего бояться за свой мундир, они стремятся только повысить свой престиж.

По-моему, самое главное для укрепления правопорядка в нашей стране — это прежде всего дать свободу, независимость следователям от высшей бюрократии. Для демократии, перестройки это необходимо.

В нашей стране сформировано новое правоприменение. Хотелось бы надеяться, что оно примет решительные меры для создания ассоциации следователей, для обеспечения их независимости и самостоятельности.

Нина ИЛЬИНА-ПЧЕЛЬНИКОВА,
преподаватель
Лобня, Московская обл.

Главный редактор
ЮЛИАН СЕМЕНОВ

Первый заместитель главного редактора
АЛЕКСАНДР ПЛЕШКОВ

Редколлегия:
ВИКТОР БАНПАКИ, собственный корреспондент (Венгрия)
АРТЕМ БОРОВИК, обозреватель
РОДЖЕР САЙМОН, собственный корреспондент (США)
ЕВГЕНИЙ ДОДОЛЕВ, обозреватель
РЫШАРД КАПУСЦИНСКИЙ, собственный корреспондент (Польша)
ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ, обозреватель
ВАДИМ МОЛОДОЙ, зав. отделом
БОРИС ДАНИШЕВСКИЙ, обозреватель
ЕВГЕНИЯ СТОЯНОВСКАЯ, зав. отделом
ВЕРА ЧЕРНИКОВА, зав. отделом
МИЛАН ЧОЛИЧ, собственный корреспондент (Югославия)
МИХАИЛ ШЕСТОПАЛ, главный художник

Редакционный совет:
МАЙК АНДЕРЛЕ, писатель (Австрия)
АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ, писатель (Москва, СССР)
КАРЛ АРНЕ БЛОМ, писатель (Швеция)
АЛОИЗ БРЕНЧ, кинорежиссер (Рига, СССР)
АРКАДИЙ ВАЙНЕР, писатель (Москва, СССР)
МИКОЛА ВИНГРАНОВСКИЙ, кинорежиссер (Киев, СССР)
ГЕОРГИЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ, председатель коллегии адвокатов (Москва, СССР)
ДАНА ГЕНРИ, судья Верховного суда (США)
ТАТЬЯНА КОРЯГИНА, доктор экономических наук (Москва, СССР)
АЛЕКСАНДР МЕНЬ, протоиерей (Загорск, СССР)
НИКОЛАЙ МИТРОФАНОВ, первый зам. начальника Главархива СССР
ИШТВАН НЕМЕТ, публицист (Венгрия)
ВЯЧЕСЛАВ ПАНКИН, генерал-лейтенант милиции (Москва, СССР)
МАРТИН КРУЗ СМИТ, писатель (США)
ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ, писатель, депутат Верховного Совета СССР (Алма-Ата, СССР)
МИКАЭЛ ТАРИВЕРДИЕВ, композитор (Москва, СССР)
РАФАЭЛЬ Р. ЭРРЕДИА, писатель (Мексика)

Оформление номера
ВЛАДИМИРА ПОМОЧИЛИНА
и ВАЛЕРИЯ БЕЛЯКОВА
Технический редактор
ТАТЬЯНА КОИРАНСКАЯ
Корректоры
ТАТЬЯНА БУЧА
и ЛЮБОВЬ АГАФОНОВА

© Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
детективного и политического
романа

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, АПН
Московская штаб-квартира
МАДПР
Бюллетень «Совершенно
секретно»
Тел.: 201-44-16, 291-98-62
Телекс 411323 Факс 2302170

Подписано к печати 31.01.90 г.
А 10201
Кооператив «ФАБЕР»
Типография Издательства АПН
107005, Москва,
ул. Ф. Энгельса, 46
Зак: 3Ф, Тир. 350 000 экз.

В очередных номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Максимилиан ВОЛОШИН. Россия распятая

Фазиль ИСКАНДЕР.
Ценность человеческой личности

Евгений ДОДОЛЕВ, Денис ГОРЕЛОВ.
Единица идеологии

Андрей АМАЛЬРИК. Есть ли политические
заключенные в СССР?